опустошитель

[иверсния курутьлы]

#45
любовь

Журнал «Опустошитель»
#45. Любовь
Москва, май 2025
334 страницы

Главный редактор Вадим Климов

Кафка встречался с девочкой несколько месяцев и всегда приносил с собой письма куклы, которые та почему-то отправляла на его адрес. А потом девочка и сама уехала с родителями в другой город. Больше они с писателем не виделись. Если бы эти кукольные письма сохранились, из них мог бы получиться захватывающий роман вроде «Приключений Алисы в Стране Чудес», только эпистолярный и немного мрачный. Неужели их никто не искал?

По видимому, никто. Даже дотошный Макс Брод, друг и душеприказчик знаменитого пражанина, не смог найти эти письма. Да и искал ли Брод — большой вопрос. А пока переписка с потерянной куклой не найдена, читайте юбилейный Опустошитель #45. Любовь. Фридрих Ницше, Эжен Ионеско, Эмиль Мишель Чоран, Эрик Шевийяр, Хосе Ортега-и-Гассет, Жан-Люк Годар, Рене Генон, Владимир Можегов и мерцающая тень Александра Пушкина… Главному инверсивному журналу исполняется пятнадцать лет!

ISSN 2219-5424

Опустошитель, 2025
http://pustoshit.ru

журнал

ОПУСТОШИТЕЛЬ

#45. Любовь

Роман Всеволодов
Рене Генон
Жан-Люк Годар
Михель Гофман
Эжен Ионеско
Вадим Климов
Дмитрий Костюкевич
Антон Крылов
Пьер Луис
Владимир Можегов
Кир Несис
Фридрих Ницше
Хосе Ортега-и-Гассет
Кирилл Соколов
Нелли Цымбаленко
Эмиль Мишель Чоран
Эрик Шевийяр
Олег Шинкаренко

Москва
Май 2025

ФРАНЦ КАФКА И ДЕВОЧКА

Франц Кафка однажды увидел в парке плачущую девочку. Он спросил, почему она плачет. Маленькая девочка горевала из-за потерянной куклы. Кафка решил помочь юной знакомой, но их поиски ни к чему не привели.

На следующий день Кафка снова встретил в парке вчерашнюю девочку. Она печально сообщила, что кукла так и не нашлась. А Кафка ска-

зал, что встретился с ней вечером: кукла уехала в другой город, но оставила девочке письмо. Писатель достал из кармана конверт, вынул из него сложенный листок и прочитал девочке послание игрушечной подруги.

Кафка встречался с девочкой несколько месяцев и всегда приносил с собой письма куклы, которые та почему-то отправляла на его адрес. А потом девочка и сама уехала с родителями в другой город. Больше они с писателем не виделись.

Если бы эти кукольные письма сохранились, из них мог бы получиться захватывающий роман вроде «Приключений Алисы в Стране Чудес», только эпистолярный и немного мрачный. Неужели их никто не искал?

По видимому, никто. Даже дотошный Макс Брод, друг и душеприказчик знаменитого пражанина, не смог найти эти письма. Да и искал ли Брод — большой вопрос. А пока переписка с потерянной куклой не найдена, читайте юбилейный Опустошитель #45. Любовь. Фридрих Ницше, Эжен Ионеско, Эмиль Мишель Чоран, Эрик Шевийяр, Хосе Ортега-и-Гассет, Жан-Люк Годар, Рене Генон, Владимир Можегов и мерцающая тень Александра Пушкина… Главному инверсивному журналу исполняется пятнадцать лет!

микронелли

Нелли Цымбаленко

АМУР, ИЛИ ПРО ГИЛЬОТИНУ И ДВЕРЬ

Я просыпаюсь от звука летящего к моему горлу ножа гильотины. Звука, похожего на холодный утренний свист.

Началось это так. Я была в театре. На постановке по “Смерти чиновника” Чехова, надеясь на изменение концовки. Я смутно видела происходящее на сцене, потому что пришла без очков. Кровать главного героя, терзаемого своим бедным страхом, была с настолько высоким изголовьем, что показалась мне гильотиной. Скромный эшафот маленького червячка, который может позволить проживать свои слезы, уткнувшись в подушки. Засаленные наволочки выслушали не одну назойливую исповедь, которая каждый раз выдавала все одну и ту же до одури известную фабулу.

Итак, каким-то образом изголовье моей кровати каждое утро превращалось в гильотину. Которая, тревожа мои сны, разрезала постель, выпуская из подушек вихрь легкого белоснежного пуха.

Звук скользящего к твоей шее лезвия похож на звук смахивания чего-то со стола, как мне кажется. Когда вы сметаете что-то ненужное, при этом делаете это резко, быстро. Просто “вжьюх…” Одной головой меньше.

ДВЕРЬ

Как-то возвращаясь домой я встретилась лицом к лицу с нашей… я не знаю, кто она. Может, уборщица? Может, консьержка? Кажется, последнее было бы слишком помпезно.

— Вы постоянно оставляете дверь открытой!

— Я думала, что она закрывается автоматически.

— Нет, она не закрывается… сюда постоянно забегают дворовые коты из-за вас. Знаете, что из этого выходит?

Из этого выходит останавливающееся для меня время. Фрагмент из прошлого и учитель риторики, который зачитывает мне твое детское сочинение, не подозревая, что мы с тобой совсем недавно были так близки.

Мальчишку с румянцем натурщиков Караваджо хорошо обучили родители. Он становился тем, кто знает, что нужно говорить, знает слова и их смыслы.

Он хорошо пишет и читает. Он читает:

Одна парадная дверь открывалась и раскрывалась по распоряжению людей. И была скучной. А потом дверь распахнулась и впустила внутрь всех дворовых котов. И теперь я восхищаюсь этой дверью.

Мое посещение твоего учителя риторики можно вспомнить так.

УРОК РИТОРИКИ

Честолюбивая девчушка приезжает на урок риторики. Ей открывают, это директор школы — старушонка учтивая, старушонка сдержанная, старушонка одета так, словно сегодня ее сфотографируют в последний раз, она нарядная, оживленная, но с легкой грустью — таким известно будущее. Старушонка принимает дев-

чушку прямо у себя дома, она предлагает ей кофе. Миниатюрная квартирка похожа на кукольный домик — все очень красивое и абсолютно неприкасаемое. Директор школы риторики варит кофе, девчушка не может поверить в крохотность тех чашечек, в которые старушонка наливает кофе. Кофе отменный, у старухи есть вкус, но кофе хватает всего на пару слов за столом, даже на всего лишь несколько слогов, несколько слогов нечленораздельного недоумения, непроизвольно вырывающегося у девушки. Старушонка косится на нее, старушонка начинает разглядывать в девчушке тот гедонизм, который для себя окрещивает скотским.

— Мне нужно послушать вас, — говорит старушонка.

Девчушка читает стихи, читает четко, она образована, она все знает, но она делает это слишком быстро.

Я закрываю глаза и погружаюсь в пульсации твоего румянца — материю моих сновидений.

ДВОРЫ

Каждый вечер я наблюдаю за играющими детьми. Маленькие головорезы с раскосыми глазами снуют по двору. Я за ними слежу. Они едины, они сплошь, как большой дикий зверь. И чувствуют общий инстинкт друг друга. Это восхищает. Их добыча кружит мне голову — тусклый белый пакет, внутри которого что-то напоминающее футбольный мяч. Я всматриваюсь в него, всматриваюсь так напряженно, так глубоко, что перестаю моргать до тех пор, пока мои глаза от напряжения не начинают слезиться, позволяя создающимся размывкам изображать что угодно.

Однажды меня заставили ощипывать уток, их головы были отрублены недавно, поэтому у

уток периодически возникали судороги, что, конечно, мешало работе.

Сегодня мне пришлось выбрасывать пух, что вылетел из разрубленных гильотиной подушек. Сосед по лестничной клетке косится на меня, пакеты, обтянутые тонкой серой пленкой, походят на облака, летящие на помойку. Сосед заметил мою ухмылку и смех, на мгновение высвобождающий мое напряжение.

Сегодня это позволяет мне уснуть. Во сне я в родном городе. Еду в такси, которое изнутри похоже на ресторанчик. Сажусь за столик. Напротив меня — приятная красота молодого мужчины. Он рад меня видеть. Я его знаю. Он говорит о правильных вещах. Он улыбается. Мы едем, кажется, в сторону моего дома. Но в моем родном городе, как всегда, дурное освещение, на улицах нет света, и все, что ты видишь за окном — это тьма, тьма. Молодой мужчина улыбается. Мне он нравится. Я хочу его поцеловать, но, приближаясь, понимаю, что он меняется, его лицо становится размытым, я возвращаюсь на свое место — он снова говорит и улыбается, снова красив. Я снова к нему наклоняюсь — и снова все возвращается. И так по кругу до пробуждения.

Вскакиваю из-под лезвия. Оно отполировано и такое чистое. Никаких следов. Это лезвие — мое трогательное одиночество. Как ошпаренная, каждое утро я взлетаю с этой постели, с упорством необъезженной клячи, не желающей примерять на себя унизительную уздечку. Я все же чем-то отличаюсь от похотливых девиц…

Чье-то назойливое влияние я испытываю, обретая такую страсть к сопротивлению. Сопротивлению, ведущему меня к жизни.

Лезвие неожиданно учащается за какие-то несколько дней. Его не интересуют рассветы, теперь это слишком произвольно, но у меня еще

остается фантазия угадывать его действия. За окном свистит мяч, летящий после ловкого удара. Я сижу на краю кровати, вспоминая куски своих снов.

В моих объятиях юноша, он плачет. Из-за его слез, словно это наши общие слезы, я не вижу его лица.

После пробуждения выхожу во двор, где зверь головорезов уже на охоте. Дворы высыхают с приближением осенних дней, оставляя голые ветви деревьев, похожих на руки больных стариков. Головорезы оценивающе изучают меняющийся двор. Их мир.

Однажды они совсем близко несли мимо меня в своем белом мешке что-то округлое, на мгновение мне показалось, что пакет протекает: я всматриваюсь в него, всматриваюсь так напряженно, так глубоко, что перестаю моргать. Белая матовая пленка все покрывает сном. И теперь мне тяжело согласиться с другим взглядом.

Вадим Климов

НЕЛЛИ И ЕЕ ДУБЛЬ

Когда-то, на излете прошлой жизни, я сидел в кафе с дамой, с которой у меня имелась романтическая связь, и наблюдал за официанткой, напоминающей мне другую девушку из еще более глубокого прошлого. Связь с нынешней пассией вот-вот должна была оборваться, и я слушал невнимательно. Чем больше я всматривался в официантку, тем более точной копией той другой она мне представлялась.

В какой-то момент моя спутница ненадолго отошла, и я совсем распоясался. Даже официантка заметила мой интерес, и теперь тоже бросала на меня взгляды. Хотя это совсем несвойственно мне — так откровенно демонстрировать свое внимание. Как говорится: я холоден, ну и что?

Вернулась моя подруга и продолжила словесное шелестение, которое совсем утратило надо мной власть. Все так же поглядывая на красивую официантку (зачем она устроилась на такую работу?), я задавался вопросом: что именно мне в ней так нравится? Неужели всего лишь копирование?

Но если так, то по мере старения, по мере ухудшения зрения, я буду все чаще натыкаться на подобные дубли. Достаточно совпадения нескольких деталей в размытом образе. И вот — волшебство! — та девушка снова передо мной. Ну, плюс еще немного воображения.

Связь с дамой, с которой я сидел тогда за столом, и в самом деле совсем скоро оборвалась, о чем я нисколько не жалел. И вот уже через полгода я провожал свою будущую супругу в город, где она тогда жила.

Нелли приехала ко мне в Москву во второй раз. С перерывом в несколько дней. Сначала я посадил ее в поезд Москва-Климов (да-да, есть такой город на границе с Украиной), затем отправил в Петербург. А через пару недель приехал сам, чтобы через три недели увезти вместе со всеми ее пожитками к себе. А там и до свадьбы рукой подать.

Но пока мы сосредоточимся на втором отъезде Нелли. Мы сидели в вестибюле Киевского вокзала, Нелли положила голову мне на плечо. Мы держались за руки. Было уже очень поздно. И вдруг перед нами появилась девочка-подросток лет двенадцати и села напротив.

Нас разделяло метров семь, не больше. Я словно вернулся в кафе шестимесячной давности, в свое жгучее любопытство к кому-то незнакомому, будучи в компании с другой женщиной. Только полгода назад моя спутница от меня удалялась, а теперь спутница все теснее прижималась ко мне. А я к ней.

Мой интерес не имел сексуального измерения. Девочка, действительно, была красива, вдобавок раскованна. Меня интересовало, что она делает на вокзале одна в столь позднее время. Я ждал, когда появятся ее родители, но так и не дождался.

Великолепная путешественница сидела напротив нас с Нелли и, в отличие от официантки из того кафе, совсем не обращала внимания на мои взгляды.

Я так и не дождался появления ее родителей. Пора было сажать Нелли в поезд. Мы направились к перронам. На этот раз не в Климов, пошу-

тил я, когда мы зашли в вагон. Да, не в Климов, улыбнулась Нелли. Мы попрощались, и я вышел из поезда.

А потом…

Нет, прежде чем я отправился домой, я вернулся в вестибюль вокзала. Та девочка сидела там же, ничего не изменилось. Родители не появились. Она была одна, великолепна и беспечна. И не выказывала никакого удивления, когда я снова сел напротив, теперь уже без спутницы.

Дальнейшее я изложу схематично, в деталях подобное не нуждается. Я все-таки обратился к юной путешественнице, и мы разговорились. Она оказалась интересным собеседником. С той пропорцией остроумия, балансирующего между черным юмором и цинизмом, которое мне так нравится.

Две другие детали, которые я узнал чуть позже, и вовсе переломили канву будущего. Девочку звали так же, как особу, что совсем недавно я посадил в поезд. Нелли! И, что еще более невероятно, оказалось, что она совсем не двенадцатилетний подросток, а вполне уже дама. Юная, но все-таки дама.

С той Нелли, отправленной в поезде, я попрощался окончательно, когда выходил из вагона. Почему? Сложно сказать. И, по-моему, это совсем не важно. А с Нелли, севшей напротив, жгуче красивой, словно фейерверк выбрасывающий мириады искр вокруг… на которые мало кто обращает внимание…

Так вот, с этой второй Нелли я и связал свою судьбу, как бы высокопарно это ни звучало. Связал, да. Юная. Великолепная. Остроумная. И еще одно качество, совсем неочевидное. Лучше всего его выразил Роман Неумоев в песне «Инструкции по выживанию»:

«Ты помнишь, Таллин, нам весело было знать,
Что есть сотни тысяч людей,
у коих сотни тысяч причин,
Чтоб быть недовольным тобой».

Нелли и оказалась неумоевской Таллин. Вторая Нелли, которая явилась в образе подростка. А про первую я больше ничего не слышал. Как, впрочем, и вы.

проза

Олег Шинкаренко

УСАТАЯ НАТАША И ЛЕТАЮЩИЙ ВАСИЛИЙ

Я терпеть не могу усатых девушек, поэтому так сразу и сказал Наташе: «Сбрей усы, а не то они у тебя до колен дорастут!»

— Еще чего! — ответила Наташа. — Не только не сбрею, а еще и бороду отращу тебе назло!

Такая глупая девчонка! Уродина к тому же.

— Ну я бы еще понял тебя, Наташа, если бы ты была красавицей, — да что там красавицей! — хоть бы не такой страшной, чтобы на тебя смотреть без отвращения можно было, тогда бы я смог понять твой дурной вкус в одежде: допустим, у тебя длинные стройные ноги (иногда у некоторых девушек бывают такие ноги — сам видел) — такие ноги не испортят даже твои любимые оранжевые брюки с зелеными лампасами, но твои кривые и толстые, и короткие! Как у тебя вообще могут быть ноги одновременно кривыми и короткими?

— Ты, кажется, говорил о том, что работаешь ночным сторожем? — прервала поток моего красноречия Наташа.

— Работаю!

— А на большее у тебя ума не хватает?

— Времени! На самом деле я страшно умный, только никто этого не понимает: все люди вокруг значительно ниже меня по уму, поэтому не могут оценить силу моего интеллекта! Мне даже в шко-

ле не выдали аттестат, вместо него я получил какую-то справку.

— И что ты с ней сделал?

— Отправил по почте в гренландское посольство!

— Зачем это?

— Директор школы мне сказал, что с подобным документом нигде южнее Гренландии устроиться не выйдет!

— И какой ты получил ответ?

— Откуда?

— Ну, из посольства, идиот!

— Мне не ответили, вероятно потому, что в конверте не было ничего, кроме этой справки.

— А откуда ты узнал адрес?

— Что за идиотский вопрос! Адрес известен всем: просто «Гренландское посольство» — вот и все!

— Ну, ты и впрямь идиот! Скажи, Василий, ты всегда был так непоправимо горбат?

— Я вовсе не горбат, а лишь немного сутулюсь! Лучше скажи, почему у тебя такая страшная рожа? Когда ты выпучишь свои жуткие глаза, особенно отвратительными становятся твои толстые губы, которые тебе лучше не оттопыривать, как ты любишь, потому что тогда сразу становится заметно отсутствие в твоем рту половины зубов!

— Так почему у тебя не хватает времени? — сменила тему Наташа, — Чем ты таким занят, Василий? На что направлена вся мощь твоего могучего интеллекта?

— С утра до вечера я проектирую воздушные шары!

— И сколько же ты их создал?

— С тех пор, как все махнули на меня рукой, — уже больше тысячи!

— Но зачем ты это делаешь?

— Сам не могу понять! Я нахожу это занятие единственно достойным моего ума.

— Вот придурок! Да ты хоть умеешь это делать?

— Нет! Но у меня большой опыт! До пенсии отец мой работал на фабрике, которая выпускала презервативы, и в нашем доме этого добра было предостаточно. Я часто надувал их газом из баллона и запускал в небеса. Тебе, идиотке, и не понять, как это прекрасно! Кстати, чем ты все время воняешь? Ты моешься хоть когда-нибудь?

— Это еще зачем? Я люблю грязь и вонь!

— Ну, ты и мерзкая тварь! Придется взять тебя в жены!

Так я и женился на этой сволочи. Хорошо хоть детей у нас не будет: с одной стороны я — импотент, с другой — жену мою можно выставлять вместо огородного пугала с гораздо большим эффектом.

Вот однажды я построил воздушный шар по чертежу за номером «7415» и решил вместе с Наташей улететь к чертовой бабушке! Мы собрали вещи, продукты, и после того, как я перерубил веревки, приковывающие нас к земле, шар медленно тронулся с места и полетел почему-то вперед, а не вверх. Это неожиданное обстоятельство привело к нескольким неприятным последствиям:

а) с размаху мы снесли крышу соседнего дома и увидели, как пузатый сосед увлеченно трахал свою тощую костлявую жену;

б) заметив, что его дом получил такое чудовищное увечье, сосед вытащил член из жены и пошел звонить в милицию;

в) жутко грохочущая милицейская машина помчалась нам вдогонку, требуя немедленно снизиться, — я ответил, что конструкцией шара такие маневры не предусмотрены (угол подъема тем временем рос), пока милиционеры совеща-

лись, не вызовет ли стрельба по шару перерасход суточного лимита патронов, погоня за шаром вызвала перерасход суточного лимита бензина, и преследование остановилось;

г) за нами погналась машина ГАИ, требуя немедленно явиться в отделение, чтобы зарегистрировать там транспортное средство, приобрести номер и заплатить налог, к счастью инспектор, чтобы получше нас разглядеть, достал бинокль и стал читать надпись на боку шара:

«Девять пуговиц пришила мать
Девять пуговиц пришил отец
Только я все не могу понять
Сколько нужно мне надеть колец?»

Это закончилось тем, что он не справился с управлением и заехал прямо в закусочную «Тантал»;

д) при вылете за пределы этого скотского провинциального городишки мы случайно повредили ублюдочный указатель с его названием, и теперь все могли видеть неприличное слово, каким он и должен был всегда именоваться!

Я всегда был нищим, а теперь мне на это наплевать! Вот уже который день (их счет давно утрачен — скоро стала понятна бессмыслица календаря) мы летим в неизвестном направлении на неопределенной высоте. К чему мне теперь деньги? Я даже разучился считать.

Это самое лучшее, что может произойти с человеком! Однажды мы проплывали мимо великанов. Наши лица были на одном уровне с их губами. Великаны были вынуждены вставать на цыпочки, чтобы поцеловать шар. От поцелуев шар раскачивался в разные стороны, вращался вокруг своей оси. Вскоре я понял, что мы можем погибнуть из-за их рискованной нежности. А что бы стали делать оказавшись на моем месте вы?

Наташа схватила раскладушку и стала бить великанов по губам. Так она спасла нам жизнь. Окружающее нас пространство все холоднее: я думаю, это оттого, что шар набирает высоту. Уже давно вся прошлая жизнь стала для нас только ночными огоньками на удаленной поверхности.

— Я давно хотела тебя попросить, чтобы шар вышел на траекторию, касательную к поверхности Земли.

— Думаю, что это возможно.

— Как же?

— Если только ты не боишься холода и тьмы безвоздушного пространства, Наташа, вышвырни за борт вещи!

Храбрая девушка схватила утюг и бросила его в облачную вату. В образовавшуюся дыру тут же втиснулся небоскреб. Что за свинство!

— Хочу, — сказала Наташа, — полететь вон к той звездочке голубого цвета!

— Это Вега. Полет займет не больше сорока лет. Мы успеем только состариться. Выбрасывай вещи!

Еще восемь утюгов обрушились на Манхэттэн. Больше всего пострадала статуя Свободы. Ее отколовшаяся голова поплыла на восток и, лавируя среди айсбергов, направилась к берегам Западной Африки. Куски тела удалось выловить, но теперь, как ни старайся, из них получалось только что-то бесформенное и безобразное. Один утюг
упал прямо на крышу машины невесты, которая ехала на свадьбу. Удивленная таким подарком, она передумала выходить замуж, сочтя это дурным предзнаменованием.

Скоро Земля стала похожа на тарелку омлета. Я смотрел на нее в телескоп и с каждым днем все меньше понимал увиденное.

— Наташа! Что означает, когда женщины ходят строем?

— Ну, милый мой, это либо олимпиада, либо израильская армия! Как они одеты? В спортивную форму, или в военную?

Я покрутил резкость, высунулся как можно дальше из корзины...

— Никак не могу разглядеть!

— Они стреляют? Хотя, если стреляют, это может быть просто биатлон.

Стало темно, и звезды острыми клыками вонзались в наши руки. Если бы по Луне ходили трамваи, мы могли бы запросто разглядеть их номера. Пояс астероидов мы прошли благополучно, только межзвездная пыль все время попадала в глаза.

12.05.2002

Кирилл Соколов

ВОЗЬМИ В ДОРОГУ ВРАЧА

Порт-Лигат, 1 августа

На исходе чудесного дня, Дали решил пристрелить Фрейда. Во-первых, он разочаровался в его психоанализе, а во-вторых, Дали не любил евреев.

— Cher! (Он всегда обращался ко мне подобным образом) Я решил ликвидировать Фрейда. Нет больше сил терпеть его занудство! — начал разговор Дали, как только подсел к столу, накрытому для вечернего чаепития. После продолжительной паузы, во время которой он наблюдал за моим лицом и шумно глотал прокисшие сливки, мистификатор всех времен и народов продолжил свою мысль, — Я избавлю мир от этого гнусного проходимца. Его психоанализ — бред сумасшедшего. Представляете себе, какое воздействие могут оказать его последующие работы на неокрепшее поколение? В конце концов, мои бедные родители нарекли меня Сальвадор, и теперь самое время для того, чтобы спасти человечество!

Что верно, то верно. Дали всегда что-нибудь, да спасал. Будь то искусство, к примеру. Теперь он хочет выступить в роли мессии, облагодетельствовать всех, но каким образом? С помощью убийства? Я просто терялся в догадках и долго не мог вызволить из жестяной банки пару анчоусов для бутерброда, и чуть было не превратил эти нежные создания в крошево паштета, орудуя трезубцем позолоченной вилки.

— Не надо так волноваться, Cher! Ведь это будет совсем особенное, далианское убийство! Я только припугну старого маразматика, выстрелив в него пакетами желтой и красной краски из старинного пистолета. Я не доверяю современным системам. Я рассчитываю на международный резонанс!

Как вы можете понять, за время моего знакомства с выдающимся живописцем современности, я привык ко многим его выходкам, но его последнее заявление произвело на меня впечатление. Мы еще немного помолчали за столом. Я так ничего и не смог проглотить, зато Дали наворачивал за двоих. Поев, он откинулся на резную спинку высокого стула, швырнул подбородочную салфетку на пол (он питался крайне неаккуратно и к его экспрессивной манере поедания надо было приноровиться), и принялся накручивать правый ус на палец, искоса поглядывая на меня. После чего произнес: «Выезжаем завтра утром на рассвете. Мне не терпится поскорее покончить с этим делом». Вышел из-за стола в прекрасном расположении духа. Я слышал его грузные шаги во время восхождения по спиральной лестнице. Он насвистывал Вагнеровских Валькирий. Они сопровождали его по коридору и исчезли в его спальне, как только громко хлопнула дверь.

Я вздрогнул, как от выстрела. Ему еще предстоит прозвучать. Вряд ли он отступит от замышленного. А ведь он даже не поинтересовался: смогу ли я сопровождать его в этом опасном путешествии? Его приобретенная бестактность действовала мне на нервы. Что значит: «Выезжаем завтра утром...»? Как будто я был его слуга. Прикажете паковать чемодан, господин Дали? Что он там себе думает? Может быть, он может распоряжаться мною на правах гения? Из-за своей исключительности он крайне невнимателен к людям. За время моего пребывания у него, он

даже не удосужился выучить мое имя и называл меня этим дурацким Cher! Я вспомнил, что также он обращался к соседской собаке. Нет, всему же есть предел! Но ведь все равно я поеду с ним — интересно: как это все будет выглядеть наяву? Глядишь, и мое имя появится рядом с ним, пусть даже и в скандальной хронике света.

Всю ночь я провел в беспокойстве. Ворочался до тех пор, пока моя простыня не превратилась в единый жгут, и получить из него простыню заново не представлялось возможным. Я зажег ароматизированную свечу и попробовал почитать. С трудом постигая суть написанного, я захлопнул книгу Захер-Мазоха и попытался сконцентрироваться на причинах, подтолкнувших моего экстравагантного друга к мысли взяться за оружие. Как всегда было трудно следовать далианской логике, но я попробовал восстановить звенья цепи.

Формальным поводом могла служить статья в «Таймс», которую я имел неосторожность перевести моему другу около недели назад. Автор (еще один венский шарлатан) камня на камне не оставил от теории фрейдовской сексуальности, предложив новую концепцию в психологии.

Это серьезно задевало самолюбие Дали. Он восторженно воспевал Фрейда и всю эстетику своего творчества подчинил мрачным глубинам подсознания. Ставил его теорию во главу угла и принимал как руководство к действию. Разругался в пух и прах со своим отцом из-за Эдипова комплекса. Оскорбил свою бедную мать, которая уже давно была в могиле.

Кроме того, Дали постоянно подшучивал над Галой и довел ее до крайней степени нервного истощения. Теперь они почти не разговаривали друг с другом, и мне так и не удалось примирить их до сегодняшнего дня, хотя я и выступал в малоприятном качестве посредника их отношений.

В самом деле, как можно было при посторонних с издевательским видом расспрашивать несчастную женщину о ее сексуальных переживаниях детства? Занималась ли она мастурбацией и как занималась? Хотела ли переспать со своим отцом? Да она и в глаза не видела собственного папашу!

Утром я попытаюсь отговорить гения от безумной затеи. Мне и так хорошо жилось здесь на морском побережье — в уютной бухте, окруженной рассыпчатыми скалами. Зачем мне покидать этот рай и пускаться в авантюры? С Дали того и гляди — попадешь в историю, еще окажешься в тюрьме за соучастие. Но зря я рассчитывал на его здравый смысл.

Наутро Дали торжественно спустился к столу. Помимо всего прочего, на нем был камзол фиолетового бархата, малиновые панталоны с оранжевыми подвязками и деревянные башмаки. Голову его венчала мушкетерская шляпа с гигантским страусиным пером. Прямо в головном уборе Дали присел на краешке стула, и его поза выдавала крайнее нетерпение. Пока я ел лангуста в мадере, Дали изощренно подсмеивался над несчастным стариком. С лихорадочным блеском глаз рассказывал мне, портя аппетит, как именно он себе представляет проведение намеченной акции.

— Красное и желтое, ха-ха! Как омар среди лимонов. Это здорово подойдет к венской бородке господина Фрейда! — витийствовал Дали, вращая нафабренными усами.

Разгневанный таракан — вот он кто. Я попробовал переключить его внимание на что-то другое, менее агрессивное. Например, ему можно нарисовать картину наподобие шедевра «Шесть портретов Ленина на рояле», что будет равносильной заменой предполагаемому расстрелу. Куда там. Неужели я не понимаю принципиаль-

ной разницы между его картинами и настоящим действием? Я не понимал, за что тут же был назван тупицей. Дали редко приводил аргументы за или против своих смелых мыслей. Предпочитал не связываться с окружавшими его болванами, чтобы самому не отупеть.

Он вскочил из-за стола, не дав мне докончить мой завтрак. Экипаж был заложен, и Дали объявил пятиминутную готовность. Я нехотя поплелся за багажом. Дали жил по собственным, им самим установленным правилам, всем остальным приходилось их принимать. Я решил следовать за ним до конца. Что будет, то будет.

Его служанка, старая Анна, поставила на задник кареты две корзины с провиантом. Не хватало нескольких дорожных мелочей. Уговорились купить их в дороге. Можно было отправляться. Я обратил внимание Дали на небо Андалусии. Будучи абсолютно прозрачным 12 месяцев в году, оно вдруг заволоклось облаками, и со стороны моря можно было видеть движение грозовых туч. Это было дурное предзнаменование, и я предложил повременить с отъездом.

— Пустяки, Cher! Над всей Испанией — чистое небо! — произнес Дали, и мы тронулись в путь.

Дали путешествовал в колымаге, запряженной четырьмя першеронами. Встречные принимали повозку за катафалк и почтительно снимали широкие шляпы. Дали важно отвечал на приветствия. После первых раскатов грома он понес что-то бессвязное о 4-х всадниках апокалипсиса и о неминуемом возмездии за прегрешения. Я всерьез стал опасаться за его рассудок. Нельзя так долго ходить под палящим солнцем без головного убора.

Фигейрас, 2 августа

Мы сделали небольшую остановку в Фигейрасе. Купили нужные нам вещи. Уладили дела с адвокатом Дали. К моему удивлению, Дали завернул в аптеку. Заинтригованный, я вошел следом. Внутри он вел себя более чем подозрительно. Напоминая собаку, потерявшую след, он облазил все полки и сунул нос во все склянки.

— Что вы там ищете, синьор Дали? — раздраженно поинтересовался благообразный старичок-аптекарь с лысиной и в пенсне.

— Абсолютно ничего! — последовал ответ. Дали, запахнувшись в домино, вышел наружу. Я счел нужным извиниться за поведение моего друга. Старичок загадочно улыбался.

Мадрид, 4 августа

Мы в Мадриде. Дали шатается по кабакам. Мои напоминания о деле не оказывают на него существенного воздействия. Похоже, что мы располагаем вечностью и можем особенно не спешить. Нам обоим снятся страшные сны. Дали трактует их весьма произвольно, но я чувствую приближение опасности. Он смеется над моей мнительностью и снова отправляется в винные погреба. Я пить не могу — у меня изжога.

Наконец Дали вспомнил о деле. Мы зашли в антикварную лавку. Дали выбрал себе ботфорты неимоверной величины и старинный мушкет. Подробно расспросил хозяина о способах обращения с ним. На вопрос, с какой целью приобретается оружие, он гордо ответил: «Хочу убить зверя!» В довершении попросил гравера сделать надпись на стволе: «Привет от Дали!» Мне стало душно, и я вышел за дверь. Дали торжествовал! Быть настоящей охоте!

Париж, 8 августа

Мы появились в Париже, когда слава Дали достигла своего апогея. Интерес к персоне постоянно подогревался провокационными заявлениями самого Дали. Ими он тщательно уничтожал своих бывших коллег, разгребая пьедестал сюрреализма для себя одного. Проклятия в их адреса сыпались как из рога изобилия. Им не было конца. Неудивительно, что его искали, за ним охотились. Бретон прямым текстом отсоветовал Дали когда-либо появляться в Париже. Элюар поклялся зарезать Дали, как собаку, как только он окажется в пределах его досягаемости. Поль все еще кипел по поводу увода его жены удачливым испанцем.

Учитывая обстоятельства, я выбрал гостиницу поскромнее на окраине Парижа, с тем, чтобы не напороться невзначай на наших недоброжелателей. Впрочем, Дали хорохорился и недооценивал возможность быть узнанным. Он уверял меня, что чувствует себя в полной безопасности. Теперь он вооружен и готов встретиться с кем угодно, пусть даже с дьяволом. Это была его обычная в таких случаях бравада. Дали отчаянно трусил, но уехать раньше чем через три дня он не соглашался из гордости.

Гуляя по вечерам малолюдными улочками окраин, мы забрели в синематограф. Демонстрировалась картина Бунюэля, и полотно экрана, подсвеченное светом братьев Люмьер, действовало на Дали, как тряпка на быка. Он смущал почтенную публику непристойными комментариями к каждой сцене. Самого Луиса Дали награждал такими звонкими эпитетами, что услышь тот хотя бы десятую часть сказанного, неминуемо наложил бы на себя руки. Я с трудом дождался окончания сеанса и успокоился только на улице, где Дали продолжал задирать прохожих, обзывая

их буржуазными свиньями и негодяями. Я шел по другой стороне, ожидая ареста, но ему все как всегда сходило с рук.

Теперь я замечаю за собой то, что сам испытываю приступ охотничьей лихорадки. Моя роль становится все более активной в этом деле. Чего нельзя сказать о Дали, который, на мой взгляд, значительно охладел к начатому предприятию. Рано утром я загрузил едва продравшего глаза художника в карету, и мы тронулись в сторону Вены — конечного пункта нашего путешествия.

Вена, 24 августа

Все ужасно! Дали совершенно потерял лицо и сделался неуправляемым. Мы живем в Вене уже больше недели, а Дали так и не приступил к розыскным мероприятиям. Зато каждый день он нагружается в кабаках и притаскивает с собой девок. Несколько раз мне пришлось улаживать недоразумения с хозяином гостиницы, но дальше так продолжаться не может. Роскошный камзол Дали теперь выглядит как половая тряпка, а шляпа с поломанным пером и того хуже.

Я по-прежнему в хорошей форме. Каждый день я проделываю гимнастические упражнения в соседнем парке. Я твердо решил завершить наше маленькое начинание. Такой уж я человек! Не люблю бросать что-либо на середине дороги. Само собой разумеется, что поисками занимаюсь я, пока другой прожигает жизнь. Неизвестно, сколько это займет у него времени, а я не люблю терять его попусту.

Пользуясь услугами некоторых моих знакомых, я установил адрес пребывания интересующего нас человека. Господин Фрейд за последние полгода успел поменять не менее 14-ти адресов и, по слухам, подыскивал себе 15-ый. Настолько

донимали его приставания невротических аристократок, мешавших писать труды.

Не тратя слов на пустые препирания с Дали (который по моим наблюдениям приближался к белой горячке) я перевез его и наши вещи на Пфепфель-штрассе, где двумя днями раньше снял небольшую комнату, окном выходившую на апартаменты Фрейда в доме напротив. Отсюда можно было вести наблюдения за образом жизни нашего подопечного. Поставить точку в затянувшейся пьесе было пора.

Не все так просто, господа. Дали, которому теперь было сильно не до этого, самоустранился и наотрез отказывался взяться за оружие. И это тот человек, две недели тому назад не выпускавший из рук мушкета, любовно протиравший бархатной тряпкой сверкавшие части! Быстро, однако, меняется настроение у таких людей! Вот что могут сделать неумеренные возлияния. Похоже, что они подходят к своему логическому завершению. Скоро придется вызвать карету и отправить моего несчастного друга в клинику для алкоголиков, где, надо думать, ему вправят мозги.

Вена, сентябрь

Дали становится все более невыносимым. Сегодня после длительного пробуждения во второй половине дня он выглядит просто ужасно. Сидя по-турецки на полу, он подозрительно посматривает в мою сторону, подкручивая и без того одиозные усы, известные всему миру. Я начал отпускать модную здесь бородку и часто стою перед зеркалом, доводя ее форму до совершенства с помощью маникюрных ножниц. Мы почти не разговариваем друг с другом, и мне кажется, что Дали меня не узнает и принимает за другого, впрочем, всякий раз за нового. Я дам ему еще

неделю, а по ее истечении серьезно поговорю с Дали, если это будет возможно. И если он откажется стрелять во Фрейда, то я сделаю это сам, чего бы мне это не стоило!

(*На этом рукопись обрывается.*)

Приложение

Архив полиции Австро-Венгрии.
Выписка из дела за номером 429/465.

Протокол допроса Сальвадора Дали от 29 сентября 19 (фрагмент).

Вопрос: Господин Дали, почему вы стреляли в доктора Краузе?

Ответ: Видите ли, произошла ошибка. Краузе — мой лучший друг. Мы вместе приехали в Вену по одному делу. Мне очень жаль. Этот выстрел предназначался не ему. Я ошибочно принял Краузе за другого. Меня сбила с толку его характерная бородка. Жаль, что так получилось. Вот так теряешь друзей из-за ерунды!

Антон Крылов

ЛЕНИНИАДА (СПЕЦКУРС)

Владимир Ильич Ленин был очень маленького роста. Именно из-за этого ему всегда удавалось ускользнуть от слежки. Шмыгнёт между ног у недоумевающего филёра и — здравствуйте! — через четверть часа уже замышляет светлое будущее в кругу сподвижников.

Малоизвестный факт: финский большевик, товарищ Рахья, принёс Ильича в Смольный в жилетном кармане, предназначенном для часов. Ночью его неоднократно останавливали патрули и переодетые агенты империализма. Спросят:

— Эй, чухонец, который час?

А товарищ Рахья распахнёт полу, вытащит из кармана что-то круглое, блестящее, болтающееся на цепочке и отвечает:

— Цеттверть перфофо, слузывый.

А Владимир Ильич, который вообще был издали похож на луковку, для убедительности тикал:

— Тыц, тыц, тыц, тыц, тыц...

* * *

С 1908 по 1912 год Ленин, который, как известно, был очень маленького роста, находился вместе с супругой в эмиграции. Зная, что Володя собирается стать вождём мирового пролетариата, Крупская решила сделать ему на сорокалетие необычный подарок. На деньги банкирского дома Ротшильдов Надежда

Константиновна заказала в Женеве у местных умельцев механическую копию Ленина большого размера.

Знаменитые швейцарские механики-часовщики превзошли себя. Механический Владимир Ильич получился как живой, ростом чуть повыше Крупской, с лысиной и бородкой. Голем был начинён сложнейшей механикой. Ленин проникал через специальное отверстие в голову манекена и с помощью особенной системы рычагов управлял движениями своего двойника. Впервые он публично испробовал это чудо техники в Петрограде, когда выступал перед народными массами с броневика.

Голос у Ильича всегда был громкий, хоть и высокий. Руки-ноги механического вождя двигались тогда ещё исправно. Лишь изредка правая рука, сжимавшая кепку, вытянувшись вперёд, заедала. Приходилось Ленину в такой позе и произносить свои пламенные слова. Так и закрепилась эта полюбившаяся простым людям поза в последующих скульптурных изображениях дедушки.

В октябре 1917 года в Петрограде стояла сырая, холодная погода. Из-за сырости в самый ответственный исторический момент механическая начинка манекена заржавела и испортилась. Да и сам Ильич простудился и потерял голос. Пока рабочие Путиловского завода, как могли, чинили светлый образ вождя, ему пришлось общаться с массами через Троцкого. Владимир Ильич садился Льву Давидовичу на плечо и сипло нашёптывал ему в ухо тезисы, а уж верный Троцкий их развивал вслух.

После смерти вождя революции механический двойник Ильича был помещён в специальный бункер, который мы знаем под

названием «Мавзолей». Так и лежит там до сих пор.

Где находится сам Владимир Ильич после смерти — достоверно не известно. Многие полагают, что он вообще не умер, но улетел в космос вместе с Гербертом Уэллсом, с которым незадолго до того крепко сдружился.

Есть, правда, исследователи, которые считают, что Ленина не было вообще. Что всё это выдумки!

* * *

Дзержинский, безжалостный председатель ВЧК, напротив, был огромного роста. Достаточно сказать, что памятник железному Феликсу, сметённый приливом демократии в девяностых, был, что называется, в натуральную величину.

Из-за этого, где бы Дзержинский не появлялся, его боялись, а втихомолку за спиной показывали на великана пальцами. Когда он заболел и начинал то и дело кашлять, от его кашля сносило крыши московских домов.

Однажды шёл Феликс Эдмундович по Красной площади, а навстречу ему бежал мальчик по имени Серёжа. Увидел мальчик Дзержинского да как закричит:

— Дяденька, дяденька! Достань воробышка! — и показывает на самую верхушку Спасской башни, на которой в те годы красовался имперский орел.

Засмеялся главный чекист — да так, что в Кремле треснул Царь-Колокол.

— Держи пернатого, — говорит и, сковырнув птичку, протягивает её Серёже.

Так освободилось на башне место для знаменитой звезды. А на Серёжу встреча с Дзержинским произвела такое впечатление, что через много лет Феликс Эдмундович послужил

прототипом героя Серёжиной поэмы об очень рослом милиционере.

Однако и этого Серёже было мало. Он взял да и написал Гимн СССР.

Но это уже совсем другая история.

* * *

Феликс Эдмундович Дзержинский был настолько высок, что отрез на шинель ему изготавливали триста самых лучших ивановских ткачих. Когда он скоропостижно угас от чахотки, из его кальсон настригли портянки для всего личного состава РККА.

Кстати, когда новая шинель была готова, все три сотни ткачих были коллективно приняты в партию большевиков. Правда, партбилет у них был один на всех, зато большой.

В новой шинели Дзержинский любил прогуливаться по Цветному бульвару. С собой он охотно брал Ленина и его супругу.

Часто москвичи наблюдали такую сцену. Вышагивает по бульвару Феликс Эдмундович. Из кармана его шинели выглядывает Надежда Константиновна и строго смотрит сквозь круглые очки. А у неё из-под капора высовывается, лукаво щурясь, Владимир Ильич. Так утверждалась в стране советская власть.

* * *

Зиновьев и Каменев были очень друг на друга похожи. Настолько, что даже ближайший помощник Киров не умел их различать.

Оба вождя петроградских большевиков были круглые, как шары. Бывало, катятся они наперегонки по коридорам Смольного, а весь персонал на их пути — рабочие, служащие, революционные матросы — врассыпную!

Зиновьев и Каменев то и дело шутили друг над другом, хотя оба втайне гордились своей шарообразностью.

— Ты — буй, Григорий Евсеевич! — кричал один.

— От буя слышу, Лев Борисович! — отзывался другой.

Случалось и такое: звонят по правительственной связи из Москвы, требуют Зиновьева к телефону. Киров бежит звать шефа.

— Григорий Евсеевич, тебя Ленин к телефону!

А Зиновьев — ноль внимания. Пускай, думает, Киров думает, что я Каменев и что, будучи Каменевым, я думаю, что если я подойду к телефону, то Ленин подумает, что я Зиновьев, и начнет секретничать, а мне станет стыдно. Что тогда обо мне подумают?

Киров уже давно ушёл восвояси, а Зиновьеву всё никак не уняться.

Почему, думает, мне должно быть стыдно. Ведь я и есть — Зиновьев. Или нет?

* * *

Сталин с детства тренировал свои усы. Эти усы ему, несмышлёному голожопому карапузу, подарил бывший проездом в Гори знаменитый русский путешественник Пржевальский.

— Держи, — сказал, — мне они уже без надобности.

Говорят, в восточных степях Пржевальский ловил этими усами диких лошадей. Поймает очередную, а проводники-уйгуры и говорят между собой:

— Э, — говорят, — смотри, э! Ещё одна лошадь — Пржевальского.

Так что усы достались Сталину боевые. Никто не избегнул мощи усов Иосифа Виссарионовича.

Ни душка Бухарин, ни двойняшки Зиновьев с Каменевым.

Кстати, и Ленина Сталин задушил усами. Сделал он это из жалости. Уж слишком сдал Владимир Ильич в последние годы. Сталин и Крупскую бы заодно задушил, но у Надежды Константиновны в те времена уже совсем не было шеи. Поэтому Сталин растерялся и спрятал усы от греха подальше.

* * *

Все революционеры были материалистами. Кроме Троцкого. Он, конечно, тоже прикидывался материалистом, а сам обзавёлся волшебным пенсне. Стоило ему взглянуть через заколдованные стёкла, как всё вокруг чудесным образом преображалось. Мировая революция уже свершилась. Диктатуру пролетариата установили даже в Антарктиде. Везде реют кумачовые знамёна. Трудящиеся трудятся, учащиеся учатся. Даже сомневающиеся продолжают сомневаться, только уже не на свободе. Словом, земной рай!

Прежде это пенсне принадлежало писателю Чехову. Правда, Антон Палыч видел через него окружающий мир несколько иначе, чем Лев Давидович. Но ведь и замыслы автор «Трёх сестёр» вынашивал гораздо менее масштабные.

Ещё у Троцкого был волшебный маузер. С его помощью он единолично разгромил всю белую армию. В начале двадцатых годов у него хотел отобрать чудесное оружие сам Дзержинский. Маузер, по его словам, был нужен ему для работы. Но Троцкий отказал председателю ВЧК. Более того, он даже на всякий случай пальнул в Феликса Эдмундовича. Высоченный, словно башня, Дзержинский, конечно, остался цел, но с той поры занемог и вскоре скончался от чахотки.

Сталин тоже хотел прибрать к рукам игрушку.

— Слюшай, Лева, — говорил он Троцкому. — Давай меняться, генацвале. Ты мне — маузер, а я тебе за это — боевые усы. Почти новые!

— Нет, Коба, — отвечал ему Лев Давидович. — Мы и сами — с усами.

— Эй! — кричал ему вслед Иосиф. — Назови любую цену. Хочешь — назначу тебя вдовой Ильича вместо Крупской?

Но Троцкий даже не обернулся.

С тех пор Сталин затаил на него злобу. «Погоди у меня, — думал он, ворочаясь на койке. — Вот найду трон Чингисхана... или Грааль... или, на худой конец, ледоруб-кладенец...»

* * *

Трон Чингисхана всегда живо интересовал Сталина. Это, в общем-то, свидетельствует о том, что не только Троцкий в душе отошёл от генеральной линии партии материалистов. Об этом древнем артефакте, спрятанном в одной из семи башен Агарты, Иосифу рассказал за бутылкой старый приятель Жора Гурджиев.

— Вот сядешь на него, — шептал Жора, поедая лобио, — и настанет тебе культ.

Оказавшись во главе страны Советов, Иосиф Виссарионович припомнил этот давний разговор. Он вызвал к себе наркома Ежова.

— Слюшай, Коля, — сказал он. — Есть для тебя партийное поручение. Экспедиция в Монголию и Китай. Только никто не должен знать. Никто!

Выйдя из кабинета Сталина, Николай Иванович тут же связался с Лилей Брик. Та написала своей сестре Эльзе Триоле. Эльза через Арагона вышла на американских коммунистов,

а те нашли подход к симпатизировавшему советской власти эмигранту Рериху.

Художник Рерих исполнился энтузиазма. На деньги банкирского дома Ротшильдов он подготовил экспедицию и отправился в Центральную Азию. Правда, цель этого путешествия ему была неизвестна. Переодетые чекисты, составлявшие костяк его группы, намекнули, что конкретное задание он получит только в Инчуане, где находилась последняя ставка Чингисхана.

Ежов разработал сложную систему связи с миссией. Инструкции переводились с русского на французский, с французского на монгольский, с монгольского на тангутский, с тангутского на китайский, с китайского на английский, с английского опять на русский.

Из-за этого самая важная инструкция предстала глазам Рериха в искажённом виде. В процессе перевода слово «трон» было замещено неполным синонимом. Поэтому окончательный вариант гласил: «Доставить в Кремль стул Чингисхана».

Николай Константинович пожал плечами, подивился чудачествам большевистской верхушки и обратился к местным ламам. В ответ на его просьбу ламы глубокомысленно покивали, посовещались и принесли Рериху лаковую шкатулку, в которой была заключена некоторая окаменелость землистого цвета.

Художник передал шкатулку курьерам НКВД. Те, не зная ничего о предмете поисков, прекрасно сознавали ответственность за доставку ценного груза. Шкатулка была запакована в большой ящик, наполненный опилками и ватой. Ящик поместили в огромный стальной контейнер, написали на нем «Москва — Кремль» и отправили малой скоростью в СССР.

Сталин лично присутствовал при вскрытии посылки. Когда из контейнера появился ящик, он задумался. Когда из ящика достали шкатулку, его лицо побагровело. Когда он увидел содержимое шкатулки с пояснительной запиской, он пришел в ярость. В записке значилось: «Стул властелина мира».

Нет нужды останавливаться на том, как Иосиф Виссарионович душил наркома Ежова своими усами. Не станем рассказывать и о лавине репрессий, последовавших за этим событием.

Стоит только отметить, что наследник незадачливого наркома, Лаврентий Берия, таких проколов себе не позволял. После гибели Троцкого он завладел волшебным пенсне. Через его стекла, как убедился Лаврентий Палыч, все бабы казались краше, чем Любовь Орлова. Даже старушки.

* * *

Только один человек в стране мог соперничать с Иосифом Виссарионовичем Сталиным по части убойной силы усов. Этим человеком был, естественно, маршал Будённый.

Сталин не терпел ни в чём соперничества. Ещё в гражданскую, наслушавшись рассказов о подвигах, совершённых бронебойными усами Семёна Михайловича, Коба решил преподать кавалеристу урок.

У деревни Бушметьево два командира условились о поединке. Сошлись за околицей. Пять часов продолжалось единоборство. То Будённый положит соперника на лопатки, спеленав его усами, то Сталин нанесёт свой коронный удар в челюсть левым усом. Усы Буденного были, конечно, длиннее, но преимущество Сталина было в опыте

и мастерстве. Его усы покрыли себя славой ещё до революции, когда украшали лик землепроходца Пржевальского.

Так и не смогли красные военачальники выявить победителя. Под конец они так сплелись усами, что Климу Ворошилову пришлось провести бессонную ночь, распутывая их. С той поры усы у обоих выглядели несколько неопрятно. Бывалыми выглядели усы. Что называется, видавшими виды.

Кстати, Семён Михайлович Будённый, когда совсем состарился, имел обыкновение развлекаться следующим образом. Он задирал седым усом подолы девчонкам в троллейбусе, останавливал с помощью усов велосипедистов, жонглировал пивными пробками. А как ловко орудовал он утюгом, перебрасывая его от одного уса к другому.

Что касается Сталина, то он так и не решился репрессировать красного маршала. Уважал. А может быть, побаивался его усов. Крепкие стены на Лубянке, но — кто знает, как обернётся, если усы Будённого туда засадить.

* * *

На исходе ночи, когда вот-вот рассветёт, высшее руководство страны разрешало себе угомониться и лечь спать. Тогда-то в ночной тиши по московским улицам бродили сомнамбулические усы, покинув спящие портреты своих революционных обладателей.

Усы Орджоникидзе путешествовали по кремлёвским буфетам. Усы Кагановича предпочитали наведываться в спальни жён партийцев. Усы красного маршала Будённого ходили строевым шагом и сталкивали с рельсов застывшие пустые трамваи. Многие писатели

и поэты лишались сна, когда им по ночам наяву являлись усы всемогущего Генералиссимуса.

Даже ничтожные усы Климента Ефремовича Ворошилова безбоязненно сновали по Замоскворечью.

Те же, кто помимо усов носил бороду — например, всесоюзный староста Калинин — не расставались с усами даже ночью. Борода не пускала.

Сталин, понятное дело, не сомневался, что его усы — вне конкуренции. Только Будённому он немножко завидовал.

— Слюшай, Надя, — сказал он как-то Аллилуевой. — Я, конечно, могу лишить этого таракана его длинных усов. Нэ проблэма! Оставлю себе, наконец. Вот только куда мне их прицепить. Место-то занято.

— Прицепи их... — ответила Аллилуева. И сказала прямым текстом — куда.

Сталин опешил, холодно посмотрел на неё и медленно удалился от семейного очага. С тех пор у них в браке что-то не заладилось.

* * *

Маршал Рокоссовский, когда доходил в лагерях, однажды увидел знакомое лицо. Лицо толкало тачку со щебнем.

— Михал Иваныч, — невесело крикнул маршал и бросился к знакомцу. — Вы-то как здесь оказались?

— Вы ошибаетесь, — был ответ, — меня зовут Эрнест Валентинович. Я профессор Казанского университета. Но мне не раз говорили, что мы с Калининым похожи.

Председатель ЦИК, а потом и Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин обладал единственным достойным внимания свойством. Его всё время с кем-нибудь путали. Однако это

ещё полбеды. Всех, с кем путали всесоюзного старосту, тоже постоянно принимали за него, за Михал Иваныча.

Всем без исключения это не нравилось. Естественно, принимались меры. Так, Циолковский, чтобы не походить на Калинина, оброс пугающе дикой бородой. Профессор Тимирязев боялся нос высунуть из своей Тимирязевки. Народный академик Мичурин даже ночью не снимал надвинутую на лоб велюровую шляпу. Бунин заблаговременно эмигрировал и всю оставшуюся жизнь брил бороду. А художник Рерих не только уехал из страны. Он принял буддизм и специально облысел. Нарочно, чтобы не слышать надоевшего:

— Михал Иваныч? Михал Иваныч!

Когда виновник этих страданий и скитаний умер, его вдова (которую Берия незадолго до того, вооружившись волшебным пенсне, выпустил из лагерей) всякий раз пугалась, выходя на улицу. Её всюду окружали покойные супруги. Вот идет Миша в форме капитана танковых войск. А вон Миша бритый, в толстовке, под руку с подавальщицей из столовой на углу. Вон Миша в фартуке метёт двор. Вон он бежит в школу с портфельчиком. Вон Миша — прогрессивный негр в дорогом габардиновом пальто. Вон он лает на пьяного инвалида.

Вдова Калинина поняла — она стала всемирной женой.

* * *

Толик Луначарский с раннего детства ужасно боялся, что он вырастет похожим на Михал Иваныча Калинина. Пытался принять меры. Но у него ничего не получилось, и он с годами

превратился в Михал Иваныча, хоть и был из дворян.

Луначарский внутренне боролся с имманентным М. И., избегал просторечных выражений, презрительно относился к хозяйству в любых его проявлениях. Вследствие этого он руководил культурой и даже намеревался, бросая вызов Кириллу и Мефодию, перевести русский язык на латиницу.

Однако некто, помавая смутными крылами, то и дело подталкивал его к сидевшему внутри всесоюзному старосте.

Иногда ему случалось быть в деревне, где он обучал полуграмотных крестьян чуждым словам — «суггестивный», «ментальность», «прессшпан», «кунилингус» и прочим. Вечерами волей или неволей он встречал сельскохозяйственных животных. Например, коров. Этих последних он, вопреки своему снобизму, так и норовил потрогать за бок или за вымя.

По свидетельству просвещённого крестьянина Фомы Дьякова, одна из бурёнок однажды обернулась и сказала Анатолию Васильевичу:

— Имена или вымена, Михал Иваныч?

Устав бороться с бифуркацией личности, Луначарский уехал в Европу. Он скончался во Франции от французской болезни. На его могиле выбили надпись: «Michel Kalinine, grand-duc d'Empire Sovietique».

Урна с прахом ещё одного двойника М. И. Калинина и его тёзки, французского писателя Анатоля Франса, по недоразумению захоронена на Красной площади, у стен Кремля. На мраморе надпись: «Луначарский Анатоль Францевич».

* * *

Сталина убил Лаврентий Берия. Согласно секретным протоколам НКВД, он подмешивал вождю в сациви перетёртый кал Чингисхана, добытый ещё Рерихом на заре культа личности.

Яд лишил усы Генералиссимуса их чудовищной силы, и Сталин скончался от скорбей, вызванных бессилием усов.

Лаврентий мечтал отравить всю верхушку Политбюро, но не успел.

Лысый Хрущёв Никитка, которого никто не принимал всерьёз, сговорился с чародеем Вольфом Мессингом, который, оборотившись мышкой-норушкой, подменил волшебное пенсне Берии на очки покойного писателя Ильфа. Вследствие подмены зрение Лаврентия Палыча померкло, а во лбу образовался третий глаз. В этот необычный глаз и всадил пулю, мстительно улыбаясь, героический маршал Жуков.

* * *

После кончины Берии коммунизм, оказывается, был окончательно построен. Люди были счастливы, пели, плясали, в свободное время трудились.

Детей обучали совершенно бесплатно. После школы даже троечник знал больше, чем все выпускники Оксфорда и Сорбонны вместе взятые. Простые рабочие и библиотекари СССР изобрели телевидение, создали первые компьютеры, написали великие поэмы и романы, из которых самым выдающимся стал народный эпос «Чего же ты скочешь?»

Медицина стала настолько доступной, что граждане Страны Советов были вынуждены спасаться бегством от бригад квалифицирован-

ных врачей, так и норовивших уловить зазевавшихся и подвергнуть диспансеризации.

Развитие спорта превзошло все мыслимые пределы. Толкательница ядра Надя Чижова однажды так далеко зашвырнула свой снаряд, что он вышел на орбиту Земли и был принят мировой закулисой за новейший советский спутник. Так и вертится с тех пор, сбивая шальные НЛО.

Мало кто был в курсе, что огромной и счастливой страной всё это время руководил бессмертный волшебник Мессинг, принимавший разные облики партийных и беспартийных вождей.

Когда Вольфу Мессингу надоело всё это благообразие, он улетел в Латинскую Америку. Там он поел молодильных яблок, забыл своё имя, взял другое, а от фамилии сами собой отпали две последние буквы.

Так Вольф стал Лео, а вместо волка появился лев. И весь мир узнал о выдающемся мастере кожаного мяча Лионеле.

Кстати, многие из тех, кто видел футболиста на поле, звали его «волшебником».

* * *

В стране же пришло время безусых. Именно поэтому не всё у нас идёт как по маслу. Да и англичанка, как всегда, гадит. Но по телевизору говорят, что всё хорошо. И чем больше мы будем этому верить, тем лучше станем жить. Уж поверьте, автор не умеет врать. Это неопровержимая истина, как и всё изложенное в этом кратком спецкурсе.

Мы ещё не начали, но уже можем повторить!

Вот такая вот загогулина, товарищи.

Роман Всеволодов

СПИЦИН

1

— Проходи, — сказал Спицин Егору. Он улыбнулся, изображая радость. Но рад он не был.

— Ты как всегда не спишь, — сказал Егор, и Спицин почувствовал, что его уличают в чём-то нехорошем.

— У одного тебя во всём доме окна горят. Новый роман пишешь?

— Пишу, — сознался Спицин.

— А я к тебе по делу.

Спицин понял, что Егор ничего не спросит о новом романе.

— Тебе чай или кофе?

— Да, — рассеянно ответил Егор.

— «Да» — это что?

— Прости, — спохватился Егор, но тут же помрачнел.

— У меня разговор серьёзный. А ты мне какой-то чай предлагаешь.

— Фруктовый. Кофе у меня только в пакетиках. Кофеварка сломалась. Не починил ещё.

— Тебе ведь нравится моя жена?

Спицин подумал, что он несоответствующе одет для такого разговора: тренировочные штаны, шлёпанцы на босу ногу, потрёпанная майка. А Егор пришёл, словно на свидание. От него духами пахло.

— Ты ведь один живёшь, Спицин. Нельзя тебе одному. Или у тебя есть кто? — подозрительно уставился на него Егор.

— Есть? Есть?

Спицын растерянно пожал плечами.

— А кофе в пакетиках ты лучше не пей. Изжога будет.

— Ничего, — мужественно произнёс Спицин, — не страшно.

— Тут ты прав, — согласился Егор, — но кофеварку всё-таки почини. Моя жена любит пить кофе по утрам. «Нуар» у неё любимый. Запомни.

— Зачем мне это запоминать?

— Потому что ты её любишь.

— Но она живёт с тобой.

— Это пока.

— Что-то может измениться? — в голосе Спицина не было радости, не было надежды, в нём была тревога. Тревога была в его голосе.

— Уже.

— Что?

— Уже изменилось.

— Что?

— Я скоро умру.

Спицин вздрогнул. Он понял, что Егор говорит правду.

— Когда?

— Ты так об этом спрашиваешь, как будто просто интересуешься который час, — поморщился Егор.

— Который час я знаю. Шестой час утра. Я не знаю, когда ты умрёшь.

— Ещё не завтра. Год, полтора у меня есть. Уладить все дела. С одной стороны страшно, когда живёшь и знаешь, что скоро всё. А с другой — хуже, если тебя машина собьёт, а ты вообще ничего не успел. Ничего. И неизвестно с кем твоя жена будет. А я хочу знать, что ей хорошо. Мне надо быть уверенным, что ты её не бросишь.

— Я?!

— Ты. Я на тебя возлагаю очень большие надежды.

«Возлагает он, — скривился Спицин. — Знал бы он, что я на него возлагаю! Пришёл в пять утра. С толку сбил. Я теперь уже и не смогу больше ничего. Пару глав, если не больше, псу под хвост. Но жена у него красивая. Очень. Я о ней и мечтать перестал. Теперь, видимо, опять начну».

Спицину захотелось переодеться. Захотелось пахнуть такими же духами как Егор. Неловко было сидеть перед ним в тренировочных штанах и шлёпанцах на босу ногу.

— Зачем я твоей жене…

— Так и думал, что ты плакать обо мне не будешь. Узнал, что друг скоро умрёт, ну и хер с ним, да?

— Ты ещё не умер.

Тон Спицина изменился. Перед ним уже был не друг, а соперник. Спицин опять грезил о чужой жене, и виноват был в этом Егор.

— Завтра приходи к нам. Надо, чтоб всё было естественно. Нина не знает, что я скоро умру. Ты должен сделать так, чтобы она тебя полюбила.

— И как я это сделаю?

— Ты уж постарайся.

Егор протянут Спицину флакон.

— Держи. Дорогие. Специально для тебя купил. Нина любит, чтобы от мужчины хорошо пахло. Завтра в двенадцать. У нас. До встречи.

2

Долго размышлял, покупать ли цветы. С ними чувствовал бы себя увереннее, но нельзя выдавать себя раньше времени. Остановился на коробке конфет. «А я ведь даже не знаю, любит ли Нина сладкое», — с горечью подумал Спицин.

Раньше, когда он проходил мимо клодтовских коней на Аничковом мосту, не обращал на них никакого внимания. Но теперь увидел некий знак, предупреждение. Куда мчится он сам, подобно этим коням? Навстречу чему? Не стоит ли обуздать себя? Схватить за уздцы на скаку. У одной из скульптур стояла небольшая экскурсия. Экскурсовод рассказывал о том, что кони, которых укрощают братья Диоскуры, появились здесь в 1851 году. Экскурсовод несколько раз повторил эти цифры. Кажется, он ничего больше не знал о клодтовских конях. Среди экскурсантов была маленькая девочка. Она показывала маме пальцем на одного из коней. «Егор с Ниной вместе уже пять лет, — подумал Спицин, — и у них до сих пор нет детей».

— А у нас будут, — вслед за этой мыслью произнёс он решительно, вслух.

«Может быть, эти кони — добрый знак. Они предвещают, что меня уже не остановить».

Спицин не стал задумываться над тем, почему раньше, когда он постоянно проходил мимо них, они ничего не предвещали, а теперь вдруг возвестили. Вместо этого Спицин принялся размышлять о том, сколько у них с Ниной будет детей, один ребёнок или больше.

3

— Олег, здравствуйте! — сказала Нина. — Вы так давно не были у нас.

Спицин вздрогнул. Нина была настолько красива, что ему захотелось, чтобы Егор поскорее умер.

От Спицина пахло духами, которые подарил ему Егор. От Нины пахло весной. Спицин не знал толком, чем пахнет весна, но ему уже никуда не деться было от этого поэтического образа. Он даже испугался, что начнёт писать стихи.

Спицин был уверен, что Егор пригласил его на семейный обед. Но к столу его Нина не позвала. Вместо этого она сказала: «Егор предупреждал, что вы придёте по делу. Он скоро будет, задерживается немного».

«По делу, — скорчился Спицин, — вот как он это называет. По делу. Как он может так о своей жене, о моей Нине. А что если он вообще её не любит? Может, это не он болен, а она, и он торопится спихнуть её мне?».

Но Нина была так свежа, так прекрасна, что Спицин отринул мысль о жестоком коварстве друга.

«Да и потом, даже если больна, всё равно мы будем с ней какое-то время счастливы. Люди торопятся насладиться жизнью перед смертью. Я — её последний шанс стать счастливой. И я сам тоже ведь не испытал ни с одной женщиной настоящего счастья»

Но почему Егора до сих пор нет? Что это значит? Может быть, он намеренно сделал так, чтобы оставить нас с Ниной вдвоём? Дабы я не терял времени даром? Но тогда какого мнения он о своей жене? Что я должен делать сейчас? Перейти к решительным действиям? Вот так, сразу, когда мы столько времени не виделись с Ниной?

Спицин вдруг вспомнил, что он так и не отдал коробку конфет, которую купил Нине. Но как теперь быть с этой коробкой? Если, согласно «легенде» он пришёл к Егору по делу, то для чего он купил чужой жене конфеты? Спицин чувствовал себя шпионом, близким к провалу. Шпионом, который годится только на то, чтобы про него сочиняли такие же глупые анекдоты, как про Штирлица.

Но ещё хуже было держать эту коробку в руках. Нина, чего доброго, подумает, что он купил её себе, и ему жалко каких-то конфет.

— Нина, вы любите сладкое? — пошёл ва-банк Спицин.

— Люблю, — многозначительно улыбнулась Нина.

— Тогда, может, чаю выпьем?

— Давайте.

4

На этот раз Егор пришёл к Спицину ещё раньше.

— Ты спишь? — вопрос этот прозвучал угрожающе.

Спицин был в пижаме. Егор застал его врасплох. Чаю Егору Спицин не предложил. «Он обязательно захочет кофе, и придётся потом оправдываться, что кофеварку не починил».

— Ты был у моей жены, — наседал Егор.

— Ты сам меня пригласил.

— Но я не хотел, чтобы ты был с ней, пока меня нет. Вернее, хотел, но это когда меня уже совсем не будет. А сейчас я есть. Я ещё есть. И не надо, пожалуйста, за моей спиной!

— Но я же не знал, что тебя не будет. Я пришёл, как ты сказал. Почему тебя не было?

— Я тебе что, не говорил, что я болен?

Егор окинул Спицина презрительным взглядом.

— Говорил.

— Мне стало плохо. Очень. Я не хотел, чтобы Нина видела меня в таком состоянии. А ты даже не позвонил, не поинтересовался, где я. Сидел и крутил с моей женой.

Спицин ёжился под взглядом Егора. Он всегда побаивался этих глаз, и в золотые времена дружеских посиделок тоже. Егор смотрел на Спицина так, как будто знал о нём больше, чем тот сам о себе ведает. Это взгляд врача, который ставит диагноз беспомощному пациенту. Они по-

знакомились, когда Спицин вошёл во врачебный кабинет и увидел там вместо привычной женщины-терапевта мужчину с бородой. У Спицина была в руках книга, и нового терапевта она заинтересовала. Вернее, не сама книга, а то, что к нему в кабинет зашёл человек Читающий. Homo Legens. Спицину очень понравилось, что они с новым терапевтом говорили не о болезнях, а о книгах. Разговор всё больше увлекал обоих, и они не обращали никакого внимания на периодически открывающуюся дверь, в которую просовывал голову очередной недовольный больной, истошно требующий, чтобы его приняли согласно назначенному времени.

— Куда они все спешат, — философски удивился бородатый терапевт, и Спицин подумал, что, может быть, нашёл друга. Они обменялись телефонами. Потом Спицин познакомился с супругой Егора. Та оказалась переводчицей. В журнале иностранной литературы были опубликованы три повести в переводах Нины Радоевцевой с испанского и немецкого. Спицин стал лелеять мечту, что Нина переведёт какой-нибудь его роман для зарубежного издательства. Он начал дарить ей свои книги. А потом Спицин влюбился в Нину. Не знал точно, как это случилось. Мысли о Нине мешали работе над новым романом. Золотые локоны струились между строк. Спицин больше не был укротителем слов, он глядел на них испуганно, как на переставших быть ручными хищников.

Спицин стал реже видеться с Егором. Избегал всяких встреч с Ниной. Это хоть не сразу, но помогло. Нина осталась чужой прекрасной женой, а к Спицину вернулась былая писательская удаль. Закончил роман в две недели. Пил столько кофе, что тогда-то и сломалась кофеварка. Прошло уже три года, а он так её и не починил.

— Думаешь, у меня мало знакомых? — строго спросил Егор. — Но я к тебе пришёл. Я на тебя надеялся. Ты ведь писатель, человек возвышенный. Вам будет, о чём поговорить с Ниной. Но я не хочу грязи. Мне и так трудно. И не надо с ней за моей спиной, не надо рога мне наставлять, имей всё-таки уважение! Мне не больше года осталось. Потерпи.

— А ты в загробную жизнь веришь?

— Для чего ты меня об этом спрашиваешь?

— Ну, умрёшь ты, станешь ангелом, и явишься к нам с Ниной, скажешь, что мы ангела обманываем.

— Не буду я вам являться, — заверил Спицина Егор. — Но сейчас у вас всё должно быть нежно, понимаешь? Тонко, деликатно, на полутонах. Ты ведь любишь Нину, верно? Любишь?

— Да.

— Вот и относись к нам с ней по-человечески.

Спицин пристыженно молчал.

— Из всех претендентов повезло именно тебе. Тебе. И я не хотел бы, чтобы это оказалось роковой ошибкой. Погрязнуть в пороке может каждый. А вот устремиться к свету дано немногим.

Егор заговорил таким слогом, будто писателем был он, а не Спицин. Спицин почувствовал себя мотыльком, летящим на огонь. Но он уже был готов сгореть ради Нины.

5

— Где это ты так? — спросил Спицин Сверчкова.

У Сверчкова на лице был след от сильного ожога.

— Да так, — махнул Сверчков рукой с видом человека, пережившего многое. Спицин стал строить догадки. Верно, Сверчков теперь пользуется методом Артура Хейли: писать только о том,

что хорошо знаешь. Но русский писатель не чета канадскому романисту. В поисках материала для новой книги он устраивается не в какой-нибудь аэропорт, а сразу идёт в пожарные. «Он, поди, людей спас, рискуя жизнью. И книгу напишет, и медаль получит», — с некоторой долей зависти подумал Спицин.

— Про пожарников сочиняешь? — спросил Спицин, гордясь своей прозорливостью.

— Я в завязке, — сказал Сверчков так, будто речь шла о тяжёлой борьбе с пагубной зависимостью.

— Бородинский, — сказал Спицин.

Сверчков взял столичный.

Они оказались в одной очереди в булочной, жили неподалёку. Последний раз они виделись полгода назад, когда вместе ушли после заседания секции прозы в Доме литераторов. Они были единственными, кто не остался на фуршет по случаю дня рождения председателя секции. Спицин спешил домой, его захватил сюжет нового романа. У Сверчкова была язва желудка, и он боялся искушения алкоголем.

Теперь, когда они вышли из булочной, Сверчков всё-таки решил поведать историю ожога.

— Я влюбился. Голову потерял. Думал, нашёл ту самую, которую каждый из нас всю жизнь ищет, да не всякий находит. Два месяца мы с ней вместе прожили. Душа в душу. Я жениться решил. Матери она моей не понравилась, уверяла меня, что Лиза со мной только ради прописки, что она из тьму-таракани сюда явилась. А мне всё равно, из какой она тьму-таракани, мне ни с кем так хорошо не было. Я ведь и о литературе ни с кем так не говорил, как с ней. У неё глаза горели, когда она книгу в руки брала.

Спицин заметил, что Сверчков говорит о своей любви в прошедшем времени. Значит, произошла трагедия. Вероятно, эта волшебная жен-

щина погибла в пожаре. И Сверчков не смог её спасти.

— Но мать так мне в уши жужжала, что я решил Лизу всё-таки перед женитьбой проверить. Правда ли она чувствует ко мне то, что говорит. И я инсценировал пожар.

— Она погибла? — спросил Спицин.

— Кто? — почему-то не понял Сверчков.

— Ну, твоя любовь.

— Да, — сокрушённо произнёс Сверчков, — погибла.

— Сочувствую, — вздохнул Спицин, — но почему ты на свободе?

— А где я должен быть?

— Как где? В тюрьме.

— Я? В тюрьме? Почему?

— Как почему? Ведь по твоей вине человек погиб.

— По моей? Кто?

— Ты сам сказал.

— Что я сказал?

— Что пожар устроил. И в нём твоя любимая девушка погибла. Это ведь по твоей вине получается.

— Я сказал, что в этом пожаре моя любовь умерла. Любовь. А баба та, которую ты девушкой моей называешь, цветёт и пахнет. Я зачем пожар этот показной устроил.... Я же думал чуть-чуть сначала, чтобы напугать. Ты вот веришь, что человек всегда себя с головой выдаёт в инстинктивных порывах? Я верю. Я хотел посмотреть, что она первым делом из пожара ринется выносить.

— А что ты хотел, чтобы она вынесла? — задумался Спицин. — Не тебя же?

— Можно сказать, что и меня. Книги. Мои книги. Мною написанные. Я специально положил их на видном месте, Намеренно накануне сказал, что у меня считанные экземпляры от тиража ос-

тались. А когда огонь... Она на них даже не посмотрела! Я был не готов к такому. Потому и замешкался. Растерялся. Я сражён был, убит. Всё пошло не по сценарию. И пожар перестал быть игрушечным.

Сверчков посмотрел на Спицина и совершил признание, которое, казалось, далось ему с большим трудом.

— Она ведь, действительно, первое, что схватила, из горящего дома вынести, — книги. Книги. Только не мои. Представляешь? На мои не взглянула даже, пусть себе горят.

Спицин подумал, что он бы тоже не перенёс такого удара. Ему стало жалко собрата по перу. Само это устойчивое словосочетание «собрат по перу» наполнилось значительным содержанием, ощущением духовного родства.

— Слушай, — спросил Спицин, — а вот когда у вас всё ещё было хорошо, возвышенно, чисто, вот когда с женщиной так... Ну, вот когда девушку, — замялся Спицин, — любят чистой, возвышенной любовью, её куда приглашают?

— В филармонию, — усмехнулся Сверчков.

— В филармонию?

— Да я пошутил. Прости. Шутки у меня дурацкие.

«В филармонию, — задумался Спицин. — Даже если это сейчас сказано было в шутку, всё равно, вот куда следует пригласить Нину. Само это слово «филармония» никак не вяжется с гнусными помыслами. Егор не сможет меня ни в чём упрекнуть, если я с Ниной пойду в филармонию».

6

Спицин и Нина сидели рядом. Спицин боролся с искушением взять её за руку. Вокруг оживлённо беседовали, шуршали программками, Кто-

то, как всегда, кашлял. Кашель набирал силу, чтобы прозвучать во всю мощь, когда начнётся концерт.

— Что вы сейчас переводите? — спросил Спицин.

Нина виновато улыбнулась.

— Ничего. Детектив. Для издательства. Работа по договору. Вы такие пустяки не читаете.

— Ну, почему же, — поспешно стал уверять её Спицин. — Детективы тоже бывают хорошие. И я согласен с Гомбровичем, что детективный жанр существует не для того, чтобы узнавать, кто там убийца, а потому что когда читаешь детектив, чувствуешь, как время замирает, останавливается.

— Интересная мысль, — сказала Нина.

— Не моя. Гомбровича, — подчеркнул Спицин. Ему не хотелось почивать на лаврах чужой мудрости.

— Я прочитала ваш роман, — сказала Нина.

— Какой? — от волнения у Спицина пересохло в горле, и он тоже закашлялся.

— «Буйные травы». Я, пожалуй, могла бы его перевести. Знаете, вы первый русскоязычный автор, с которым я бы хотела это сделать.

Спицин испугался. Ему ещё рано быть счастливым. Надо подождать, пока Егор умрёт.

— Мне кажется, я почувствовала вас в «Буйных травах».

Спицин прерывисто задышал. Он хотел запустить чем-нибудь в органиста, появившегося на сцене. Тот грубо вторгся в чудесное Нинино признание, призвав зал к тишине.

— Иоганн Себастьян Бах. «Фантазии для органа».

— Вы любите Баха? — чуть было не задал дурацкий вопрос разволновавшийся Спицин.

Странно было бы спрашивать об этом за несколько минут до начала концерта. Он ведь не

интересовался, кто Нинин любимый композитор, когда покупал билеты.

Спицин решил, что переиздание «Буйных трав» посвятит Нине. Егор к тому времени уже наверняка умрёт. «Наверное, и ему тоже надо бы что-то посвятить», — подумал Спицин, но тут же отверг эту мысль. Так на всех романов не напасёшься.

Концерт начался. Спицин первый раз слушал Баха в филармонии. Он вообще первый раз был в филармонии. Его отвлекали ноги органиста. Казалось, тот пытается оседлать музыку. Кашель раздавался всё громче. Нина не отводила глаз от сцены. Она была так заворожена музыкой, что Спицин уже начал ревновать к Баху. Ему захотелось сказать какие-нибудь гадости о сопернике, с которым его разделяли столетия. Спицин стал лихорадочно вспоминать, читал ли он какие-либо гадкие подробности из жизни немецкого композитора. Вспомнил, что Бах наряду с созданием бессмертных творений занимался подёнщиной. Хотел развить эту мысль, но тут же осёкся. Нина ведь призналась ему, что и сама ради заработка переводит беллетристику. «Главное, чтобы она не растратила свой талант, не разменяла его по мелочам», — подумал Спицин о будущей переводчице своих «Буйных трав».

— Бах был женат на кузине, — вспомнил наконец Спицин. Незаурядный стратег, он сообщил это, когда рот Нины был набит пирожным, и она не могла ринуться сразу на защиту композитора.

Спицин купил Нине в антракте пирожное и шампанское.

— Вы тонко чувствуете музыку, — сказала Нина.

В Спицине проснулся хищник.

«Нина, — жестоко подумал он, — героем моего нового романа будешь ты. Я люблю тебя. И я

хочу прямо сейчас слизать эту крошку с твоих губ».

— Егор совсем не понимает музыки, — пожаловалась Нина на мужа. — Он никогда не пригласил бы меня в филармонию. Но я же не сделала ничего дурного, что пошла с вами, правда? Вы ведь друзья.

Спицин силился вспомнить про Баха ещё какую-нибудь гадость, но не мог.

Подкрепившись пирожными и выпив шампанского, Нина после антракта всецело отдалась музыке. Она купалась в ней, как в море, тонула в звуках органа. Спицину хотелось кинуться к ней, как бросаются на помощь утопающим, протянуть руку, чтобы спасти от невнимания к нему, Спицину.

Спицин понял, что совсем не любит органную музыку.

7

Звонок Егора застал Спицина на шестой главе. Несколько строчек оставалось до того, как главный герой погибнет под колёсами автомобиля. Герой этот был симпатичен автору, но ради величия замысла надо уметь жертвовать своими привязанностями. Мчавшийся на всей скорости жёлтый «москвич» остановился. Замер и не ведавший о своей участи герой. Он не представлял, как безжалостно обошёлся бы с ним породивший его писатель, если бы не неожиданный телефонный звонок.

— Спицин! — строго окликнул писателя Егор, словно проник в самую суть творческих помыслов и теперь призывал не совершать непоправимое.

«Ты врач, — раздражённо подумал Спицин, — вот своих пациентов и спасай, а в жизнь моих персонажей вмешиваться не надо».

— С филармонией ты это здорово придумал, — сказал Егор, — я бы никогда туда Нину не пригласил. А она так любит музыку. Я видел, какая она вчера была счастливая. Спасибо тебе. А ты, значит, роман про Баха пишешь, да?

— Я?

— Нина сказала. Дашь почитать?

— Нет.

— Нет?

— Не пишу.

— Нина так и предупредила, что ты будешь отнекиваться. Что и ей не хотел говорить. Но она догадалась. Ты ведь знаешь, как тонко она чувствует людей. Уверен, сильная вещь получится. Там ведь про любовь, да? Про любовь к кузине?

Спицин молчал.

— Ну, филармония филармонией, а я ведь чего звоню…

Спицин насторожился.

— Зима. Холода настали, — нараспев произнёс Егор, и Спицин испугался, что тот начал сочинять хокку.

— Мороз под тридцать градусов. А топят еле-еле.

Спицину вдруг стало жалко своего героя, молодого поэта, спешащего на свидание, выбежавшего из дома в лютую стужу без шарфа и шапки. Его возлюбленная полюбит водителя, который собьёт несчастного пиита. Спицин поёжился. Ему стало холодно.

— Ты свободен завтра? — спросил Егор.

Спицину почудился подвох в этом вопросе. Не намёк ли это на то, что будущий муж будущей вдовы Егора не имеет постоянного заработка, и прозябает в праздности?

Шесть лет назад Спицин работал дворником. Он гордился этим, потому что дворником работал великий Платонов, и Спицин был сопричастен гению. Потом оказалось, что Андрей Платонович

никогда метлы в руки не брал, а просто некоторое время жил в общежитии Литературно института. Спицин сразу уволился. Разбирать снежные завалы или кропотливо собирать листья, и при этом не быть родственным ничему великому, он не хотел. Спицин устроился охранником в книжный магазин. Тоже вскоре уволился. Было слишком обидно, что на его книги, которые к тому времени уже вышли (целых три) никто не обращает никакого внимания. Спицин украдкой ставил их на полку бестселлеров, но никто из посетителей не купился на этот ушлый трюк. Перед увольнением Спицин пошёл на преступление, незаметно подбросил в сумки сразу нескольким покупателям по томику своих «Буйных трав» и злорадно ждал, когда на выходе раздастся звонок сигнализации. Бедолаги жалко оправдывались, заверяли, что никаких буйных трав они не крали, и ни о каком спицине отродясь не слыхивали. Спицин полагал, что обретёт скандальную славу. Ошибся. Каждый из бедолаг настаивал на том, что если бы они и захотели украсть что-то в книжном магазине, то ни за что бы ни польстились на эту жалкую книжонку. Сейчас Спицин пробавлялся написанием аннотаций, среди которых был даже вдохновенный спич, открывающий книгу, посвящённую эффективному лечению пиявками.

«Ничего, — подумал он, — вот умрёт Егор, и мы с Ниной будем сдавать его квартиру».

— Окна надо заклеить, — сказал Егор.

— Где? — не понял Спицин.

— У Марии Евгеньевны.

— Это кто?

— Мама Нины. Она просила. А я не могу. Занят очень. Ты поможешь? Познакомишься с тёщей моей. Это важно. Тебе ведь надо найти с ней общий язык. Заклеишь ей окна, и она тебя полюбит. Договорились?

— Я никогда не заклеивал окна.

— Я тоже.

— Я тебе и не предлагаю это делать.

— Не понимаю. Это мама Нины. Тебе всё равно, что она замёрзнет?

Спицин ёжился от холода. Поэта, спешащего на свидание, становилось всё жальче.

— А может его не убивать? — произнёс Спицин вслух.

— Кого? — озадаченно спросил Егор.

— Давай адрес.

— Ты кого там убивать собрался? С тобой всё в порядке?

— Да я так...Роман пишу. Записываю адрес. Диктуй.

8

Спицин вошёл в лифт вместе со старухой со скрюченным носом, старухой, похожей на ведьму. Она посмотрела на Спицина с таким ехидством, что тот забыл, какая квартира ему нужна.

— Шестой, — сказала ведьма.

— Что «шестой»?

— Этаж шестой. Ты ведь в сто тридцать вторую, к Машке?

— Откуда вы знаете? — испугался Спицин.

— Да к ней тут каждый день ходят. Мужик за мужиком. Я за стенкой живу, соседи мы, всё слышу. И где она всех вас находит только? Не стыдно вам? Она в матери тебе годится.

— Я окна приехал заклеивать.

— Теперь это так называется? — оскалилась ведьма в зловещей ухмылке.

Мария Евгеньевна была в халате. Спицину показалось, что халат надет на голое тело. Неужели мать Нины погрязла в пороке? Спицину стало обидно. Если квартира этой развратной женщины и правда превратилась в постоялый

двор, то почему окна приходится заклеивать ему, Спицину?

— Вы от Егора? — уточнила Мария Евгеньевна.

Спицин кивнул.

В квартире было холодно.

— Хорошо, что вы пришли. А то тут дует изо всех щелей.

«Может, она не развратная, — с надеждой подумал Спицин, — просто отчаянно ищет того, кто её согреет».

Спицину не хотелось думать плохо о Нининой маме.

— Я всё приготовила, скотч, вату. Но мне самой на подоконник не забраться.

«Но всё-таки, почему это должен делать я?» — раздражённо подумал Спицин.

А потом случилось непредвиденное. Когда Спицин уже стоял на подоконнике, резкая боль пронзила спину.

— Что с вами? — спросила Мария Евгеньевна.

— Спина, — признался Спицин — защемило что-то.

— Слезайте, — деловито распорядилась Мария Евгеньевна.

— Я ещё не закончил работу.

— Ничего, успеете. Со спиной шутить нельзя. У меня хорошая мазь есть. Давайте я вас намажу.

Спицин представил, как руки этой женщины касаются его спины. Спицина не пугало любовное приключение. Он опасался того, что если Мария Евгеньевна увлечётся им, то ни за что не захочет, чтобы он стал её зятем. Женщины слишком ревнивы.

Спицин крякнул от боли.

— Давайте я вас намажу, — настаивала Мария Евгеньевна, — я ведь у вас сегодня последняя?

Спицин вздрогнул. За кого его тут принимают? За Дон Жуана, Казанову? И где же ревность?

— Сколько у вас до меня сегодня было?

«Она, что, интересуется моими возможностями?» — озадачился Спицин.

— Сколько «чего»?

— Вызовов.

— Вызовов?

Разговор зашёл в тупик. Мария Евгеньевна не ведала, что говорит с будущим своим зятем. Ей стыдно будет за свою порочность.

— Я не работаю по вызовам, — гордо произнёс Спицин.

— Но ко мне же вы приехали.

— Я приехал к вам заклеивать окна.

— Ну а кроме меня, скольких вы ещё так обслужили, не по вызову?

— Подождите, — потрясённо произнёс Спицин, — вы что, думаете, что это моя работа?

— Говорила ведь, давайте намажу. Спина — это не шутки. От такой боли некоторые как их зовут, забывают, не то что, где они работают.

— Я писатель, — сказал Спицин.

— Кто? — не поняла Мария Евгеньевна.

— Книги пишу.

— Какие книги?!

— Разные.

— А почему вы мне тогда окна заклеиваете?

— Егор попросил.

— Вы с ним хорошо знакомы?

— В общем-то, мы друзья.

— Ничего не понимаю. Он не успевает сам приехать, у него дела. Но я думала, он в фирму обратился.

— Я не фирма. Я писатель.

— И как ваша фамилия?

— Спицин.

— Спицин? Подождите…Спицин… А я ведь читала вашу книгу! «Буйство трав». Нина приезжала и забыла её у меня. Я хотела посмотреть, какая литература её интересует. А вы с Ниной знакомы?

— Она у вас очень красивая, — не удержался Спицин.

— Значит, знакомы. Мне кажется, в последнее время Егор не уделяет ей должного внимания. Вы случайно не знаете, у него не появился кто-нибудь на стороне?

— Не знаю. А вам понравился мой роман?

— Да, — коротко бросила Мария Евгеньевна, — но давайте я вас всё-таки намажу. У меня отличная мазь. Боль, как рукой снимет. Мне самой помогло недавно.

Спицин осторожно слез с подоконника. Снял свитер и майку. И подставил голую спину будущей тёще.

9

В том, что Спицин неожиданно столкнулся с Егором, не было ничего удивительного. Жизнь полна непредвиденных встреч. Невероятным было место, где это произошло. Пересечение Софийской улицы и проспекта Славы. Именно здесь несчастного поэта, порождённого воображением Спицина, должен был сбить жёлтый «москвич». Поэт был бы сейчас мёртв, если бы не звонок Егора. И теперь Егор словно специально подловил Спицина на месте преступления. Он, как нашкодившего котёнка, тыкал носом автора туда, где тот намеревался безжалостно расправиться со своим персонажем. Егор как-то лихо взял на себя роль спасителя.

— Я был у Марии Евгеньевны, — сказал Спицин.

Егор кивнул.

— Я окна ей заклеил.

— Хорошо.

— Хорошо? Ты почему не сказал ей, что мы знакомы?

— Забыл. Дела.

— У тебя много дел.

— Хватает.

— Так много, что уже к тёще своей заехать не можешь, меня посылаешь. Она сказала, что книгу Нина у неё забыла. Мою. Которую я тебе подарил. А ты вообще читаешь мои книги?

— Я в последнее время очень мало читаю.

— Почему ты меня для Нины выбрал? Не потому что я писатель?

— Нет.

— Нет?

— Нет. Мне всё равно, что ты писатель.

— Как всё равно?! Но мы ведь и познакомились с тобой, подружились потому что я к тебе в кабинет с книжкой зашёл. Тебе о чём-то важном хотелось поговорить, а было не с кем. И тут я.

— Сейчас это никакого значения не имеет.

— А что имеет? Почему ты меня выбрал?

— Я твой врач.

— И что?

— Я внимательно твою медицинскую карту изучил. У тебя со здоровьем всё в порядке.

— И?

— Один раз вдовой стать — уже испытание.

— То есть ты меня выбрал только потому, что я не умру в ближайшее время?

— Да. Ты среди всех остальных моих знакомых оказался самым здоровым. У остальных с этим делом совсем швах. Чем только не болеют! И рак, и гонорея, и сифилис. Но, честно скажу тебе, ещё один претендент появился всё-таки.

— Какой претендент?

— Кандидатура ещё одна. В мужья Нине.

— Кто? — поперхнулся Спицин.

— Сверчков.

— Кто?!

— Ну, писатель такой.

— Откуда ты его знаешь?!

— Да мы все тут рядом живём. Он ко мне захаживает.

— Домой?! — потрясённо воскликнул Спицин.

— Почему домой… В поликлинику. Мы как-то нашли с ним общий язык. Вчера вот только душевно очень поговорили. И здоровье у него более-менее. Я бы не отказался, чтобы у Нины был такой муж.

— У него язва!

— Вылечил.

— Как вылечил?!

— Так. Вчера был у меня. Он премию получил. Не слышал?

— Нет.

— Солидная премия. Денежная. Фильм по его роману собираются снимать.

Спицину стало страшно.

— У него язва, — беспомощно пробормотал Спицин.

— Вылечил, — повторил Егор.

— Она может опять открыться.

— Он сейчас в гору пошёл. Он Нину сможет обеспечить. А ты? Ты сможешь?

А затем произошло неожиданное, странное, страшное, непоправимое. Уставший от разговора, Егор небрежно махнул рукой Спицину и рассеянно шагнул вперёд, не замечая, что идёт на красный свет. Через мгновение-другое раздался визгливый кряк. Спицин своими глазами увидел, как живой человек превращается в нечто потустороннее. Самое страшное, что автомобиль, под колёсами которого оказался Егор, вынырнул словно из глубин воображения Спицина, он точь-в-точь походил на машину, на жёлтый «москвич»,

который Спицин уже описал в своём романе и который должен был погубить молодого поэта. Благодаря Егору поэт остался жив, но сам Егор словно бы принёс себя в жертву жестокости писательского воображения. Отдал себя на заклание сюжету. И ведь место было то самое! Подробно описанное в романе. Пересечение Софийской улицы и проспекта Славы. Автор тщательно выписал место происшествия, чтобы сильнее впечатлить читателей сценой гибели незаурядного персонажа.

Происшествие всё-таки случилось, но не на страницах романа, а наяву. Спицину сделалось жутко. Стиралась грань между вымыслом и явью. Уснули часовые, сторожащие путь к бездне. «Мистика», — со страхом подумал Спицин.

10

Спицин пришёл к Нине на следующий день после похорон Егора. На похоронах он тоже был, ревниво следил, кто окажется рядом, кто возьмёт её под руку. Всё время искал глазами Сверчкова. Сверчков не явился.

Спицин решил не терять времени даром. Нина была в чёрном. Она не удивилась приходу Спицина. Горько улыбнулась ему и пригласила войти.

— Спасибо, что заглянули. Я это ценю.

Нина предложила Спицину блины. Блины остались после поминок.

— Я понимаю, как вам сейчас трудно, — сказал Спицин.

— Терять всегда нелегко, — согласилась Нина, и тут же грустно полюбопытствовала.

— А у вас есть кто-то, кого вы страшитесь лишиться?

— Нет. Уже нет. Я один. Давно. Тётка есть только. Но она в деревне живёт. Далеко.

— Навещаете её?

— Нет.

— Почему?

— Ну, мода на писателей-деревенщиков давно прошла. Сейчас это никому не интересно.

Нина непонимающе уставилась на Спицина. Тот почувствовал, что необходимо пояснить свою мысль.

— Ну, зачем я туда поеду, если роман о деревне уже никому не нужен?! Ушла эпоха.

— Я не про роман вас спросила. А про то, навещаете ли вы свою тётю.

— Простите, но я всё-таки писатель. Мне материал важен. Фактура. Это когда писатели-деревенщики в моде были, вот тогда они к своим тёткам и ездили.

Нина насторожилась. Подозрительно посмотрела на гостя.

— А ко мне вы сейчас тоже за материалом пришли?

— Нет, вы — другое.

— Ну, слава Богу!

— Просто Егор мне, можно сказать, завещал…

— Ах, вот оно что! — воскликнула Нина и брезгливо посмотрела на блины, которые ел Спицин. — Вот вы почему пришли. Завещание. Никакого официального завещания Егор не оставил.

— Я знаю. Это было дружеское соглашение. Друзья по нотариусам не ходят.

— И что он вам завещал, интересно? Книги?

— Нет.

— А что?

— Вас.

— Что?!

— Вас. Вас он мне завещал. И я ему благодарен.

— Интересно.

— Не знаю, подходящее ли это слово для нашей с вами ситуации. Я пришёл узнать, как вы считаете, когда мы с вами можем начать жить вместе? Блины у вас вкусные. Спасибо. Я буду рад, если вы продолжите мне печь такие.

— Я их пекла на поминки мужа.

— Но блины не обязательно готовят на поминки. Их и по праздникам едят. И просто так, в обычные дни, почему же не съесть, если вкусные. У вас вкусные.

— То-то он в последнее время часто мне о вас говорил, — задумчиво произнесла Нина, — интересно, и как он себе это представлял, что вот так вот, возьмёт и передаст меня по наследству?

— Он из любви это, из любви, — поспешил заверить Нину Спицин, — переживал очень, чтобы вы попали в хорошие руки.

— Он, что, хотел со мной развестись?

— Нет. Боялся, что умрёт, и вы останетесь одна.

— Он что, заранее знал, что его собьёт машина?

— Мы не думали, что у нас так мало времени. Он должен был умереть через год. Он был болен.

— Болен?

— Да. Смертельно.

— И он мне ничего не сказал?!

— Расстраивать вас не хотел.

— Митя! — воскликнула Нина.

— Меня Олег зовут. Олег, — поправил её Спицин.

— Мне всё равно, как вас зовут, — небрежно кинула Нина и вновь крикнула.

— Митя! Иди сюда!

Из соседней комнаты вышел Сверчков, в кальсонах с подтяжками. Спицин похолодел. Он понял, почему Сверчкова не было на похоронах.

— Митя, иди сюда! Ты представляешь, оказывается, Егор был смертельно болен, и не удо-

сужился мне ничего сказать. Ну, это ладно! Он додумался завещать меня ему! — Нина кивнула на Спицина, — По наследству хотел передать.

— Здравствуй, — сказал Сверчков Спицину.

— У него язва, — сказал Спицин Нине.

— Я знаю. Я помогала ему эту язву лечить. Мы справились.

— Так вы что, давно?

— Давно.

— И Егор ничего не знал?!

— Не только у него от меня секреты были. Кстати, Митя недавно премию получил. «Золотой голос российской словесности».

— Но вы же мне сказали, что я единственный русский писатель, которого вы бы хотели переводить.

— Да. Это правда. У вас очень простой язык, незамысловатый, вас легко переводить. Как букварь. Мне хочется чего-то лёгкого. Вот с Митей намучаешься, если его переводить. Я не возьмусь. У него столько метафор, образов, аллитераций….

— А я как букварь?

Спицин оскалился, глядя на Сверчкова.

— Если ты сейчас эту премию получил, думаешь, всегда твои книги читать будут?!

Сверчков усмехнулся.

— От тебя как-то странно пахнет, — сказал он Спицину, — хорошими духами.

— Это Егор мне подарил. Он хотел, чтобы я понравился Нине.

— Он просто не любил, когда от людей плохо пахнет.

— А я ведь говорил с ним за несколько минут до его смерти. Он мне рассказал всё. Я знаю.

— Что?

— Что он тебя тоже рассматривал, как вариант для Нины.

— Ты был с ним там, да? На Софийской? Был?

— Да.

— Так, значит, это ты и толкнул его под машину?

— Что?

— Не хотел год ждать, пока Егор умрёт. Торопился занять тёплое местечко возле Нины. Потому и толкнул его под машину.

— Я звоню в полицию, — сказала Нина.

— Какую полицию. Нина?! Мы ведь недавно были вместе с вами в филармонии. Мне показалось, что вы были со мной счастливы.

— Я?!

— И вы интересовались тем, что я пишу.

— Я не говорю, что мне это неинтересно. Роман про Баха я прочитаю с большим удовольствием. Вы его пишете?

— Пишу, — с вызовом сказал Спицин, — но у меня нет образов, нет метафор, аллитераций!

— Это не всем дано, — согласилась Нина, — ваш конёк — это сюжет. Ловко вы с моим мужем.

— Что я с вашим мужем?

— Раз его, и под машину. Закрутили сюжетец.

Сверчков улыбался. Спицин не видел прежде такой его улыбки. Сверчков счастливо скалился, как человек, получивший солидную литературную премию. Нина была всего лишь одним из давних его трофеев.

— Как вы можете, — отчаянно возопил Спицин. — Егор недавно умер, а вы... Вы же траур носите!

— Чёрный цвет меня возбуждает, — безо всякого стыда произнёс Сверчков.

— Вы порочны, Нина! — воскликнул Спицин.

Сверчков самодовольно кивнул, будто давая понять, что ему достался неплохой трофей.

— Я… я маме вашей расскажу! — в отчаянии крикнул Спицин.

— Кому? — переспросила Нина.

— Маме вашей. Я окна у неё заклеивал. Она мне поверит.

Нина рассмеялась.

— Что вы смеётесь?!

— Она мне сама советовала завести любовника. У мамы всегда было столько мужчин, что я даже не знаю, кто мой отец.

Спицин был прижат к стенке. Он понял, что побеждён. Кровожадная публика решала судьбу гладиатора. Сверчков самодовольно скалился. Он уже решил судьбу Спицина. «И таким вот людям дают литературные премии», — брезгливо подумал Спицин. «Никто мне здесь не поможет», — со всей ясностью понял он. И тогда он с отчаянием раненой птицы взмахнул крыльями, то есть словами, в гибельном стремлении взмыть ввысь, подняться над этими жалкими людьми.

— Да! — подскочил он к Нине. — Это я толкнул твоего мужа. Видишь, на что я способен ради тебя?! А он? Он так может?

Сверчков растерялся. Спицин торжествовал. Рано его хоронили. У Нины дёргался подбородок. Спицин чувствовал себя героем романов Достоевского. Так им и надо, обывателям! Как он мог считать Нину красивой?

Спицин гордо шествовал к двери. Никто его не остановил. Спицин напугал всех.

11

Спицин услышал шаги за спиной и испугался. Он подумал, что это может быть полиция, которую вызвал Сверчков и женщина, которую когда-то (ещё утром) любил Спицин. Но, несмотря на то, что у него уже подкашивались ноги от страха, Спицин всё равно оставался писателем.

Ему пришло в голову, что смена дня и ночи — это метафора. Испокон веков мир неустанно напоминает нам, во что превращаются чистые чувства. Любой светлый лик обращается во мрак.

Спицин прислушался к шагам за спиной. Он не знал, какие шаги должны быть у полицейских, догоняют ли они стремительно своих преступников или осторожно крадутся, чтобы не спугнуть?

— Товарищ! — услышал Спицин и понял, что его окликнули. Он остановился. Чужая рука легла на его плечо.

— Товарищ, сильно занят?

Спицин оторопел, увидев мужчину с острыми рыжими усиками. Нет, конечно, рыжие усики никакого бы потрясения у Спицина не вызвали, удивительно было то, что незнакомый человек был одет в милицейскую форму. Такую форму правоохранительные органы носили, когда Спицин ещё был ребёнком. Кино что ли снимают? Случайный прохожий (то бишь Спицин) понадобился им для эпизода?

«На эпизод не соглашусь, — подумал Спицин, — не мои масштабы. Да и наверняка ерунду опять снимут».

— Иван, — представился милиционер, протягивая Спицину руку для дружеского рукопожатия

«Как же это так, — удивился Спицин, — он ведь меня совсем не знает, а вдруг я преступник», — но тут же вспомнил, что это не настоящий милиционер, а киношный.

— Кино снимаете? — спросил Спицин.

— Какое кино?

— Ну, форма на вас милицейская.

— А какая на мне должна быть форма? Слушай, помоги, а?! Вон, девочка на скамейке сидит, плачет, видишь? Не могу я её одну оставить. Но мне бежать надо. Я знаю, где найти его, изверга лютого. Я быстро. Только догоню, и обрат-

но. Я это чудовище поймаю! Понимаешь, преступление уж больно зверское!

— Что он с ней сделал? — взволнованно спросил Спицин.

— Да, представляешь, сидела на скамеечке, мороженое ела, а этот изверг подскочил, выхватил у неё мороженое и убежал.

— Мороженое?

— Земляничное! Земляничное, представляешь! Ничего святого у людей нет! Ну, ты покараулишь? Я быстро.

— Что это? — спросил Спицин девочку.

— Как что? Значок октябрятский. Меня месяц назад в октябрята приняли.

Спицин вспомнил, что сейчас должна быть зима, должен идти снег, но вокруг расцветали травы и слёзы маленькой девочки блестели на солнце. Где я оказался? В прошлом? Но когда я был ребёнком, дяденьки-милиционеры не бегали сломя голову, чтобы спасти мороженое из лап коварных хулиганов. И тут Спицин вдруг испытал какое-то удивительное чувство. Защищённости от этого мира. Как будто он ещё не родился и был в утробе матери. Спицин не помнил толком, каково это, быть в материнской утробе, но предполагал, что сейчас некие надёжные стены защищают его от мира, и никто, ни ветреная Нина, ни мёртвый Егор, ни пронырливый Сверчков, никто не может обидеть его, Спицина.

— Ты читать любишь? — спросил Спицин, чтобы чем-то занять девочку.

— Да. Люблю.

— И кто тебе нравится? Маршак? Агния Барто?

— Нет.

— А кто?

— Я больше других Спицина почитывать люблю. А вот Сверчкова ненавижу. Очень дурно

пишет. Ужасно просто. Такие, как он, мороженое у детей отбирают.

Спицин ошеломлённо уставился на девочку, но потом вдруг внезапно понял, где он сейчас находится. Почему чувствует он себя таким защищённым, и отчего расцветают травы и сверкают милицейские погоны. Это от него, Спицина, только от него, зависит догонит ли ретивый милиционер злодея, покусившегося на чужое мороженое, высохнут ли слёзы на глазах ребёнка, и как повернётся сюжет.

Спицин был внутри своего очередного замысла. Рождался мир новой книги, и всякие сверчковы, всякие егоры и нины были беспомощны перед ним, никто не в силах был помешать ему, как невозможно остановить восходящее солнце.

Дмитрий Костюкевич

ВОДОЛАЗЫ

РАКОВСКОМУ В. Т.

26 августа 1959 г.

Уважаемый Виктор Трифонович!

Знаю Вас как скромного, вдумчивого автора, который всегда трезво принимает даже резкие редакторские замечания и соглашается на доработку рукописи. Ставлю Вас в пример молодой литературной поросли.

И мне, право, жаль, что и в этот раз не могу порадовать Вас новостью о беспрепятственном опубликовании Вашей повести «Немота». Предстоит, если Вы согласитесь, существенная перепашка рукописи. Смена, так сказать, общего духа, смысла и мотивов.

Без этой доработки не могу пустить Вашу вещь в журнал — сделай это, навлёк бы на Вас стрелы жестокой критики. Необходимо спасти то главное, жизненное, что есть в повести, спасти ценой решительного переформатирования и сокращения. Редколлегия согласна с моей оценкой.

Без обид откликнитесь на это письмо. Прошу Вас явиться в издательство по возращении в Москву (поэтому письмом, а не звонком). Назначу Вам редактора, с которым, уверен, Вы решите все вопросы изложения. Искренне хочу напечатать Вашу повесть, памятуя об интересе читателя к Вашему творчеству.

Желаю добра.

Э. Таюрин

*

ГУКУ А.

26 августа 1959 г.

Уважаемый Александр Гук!
(Вы не сообщили Вашего отчества, оттого обращаюсь в угловатой форме.)

Ваш роман «Водолазы» прочёл одним духом с огромным интересом. И, признаюсь, удивлён Вашей низкой самооценкой написанного: в самом начале письма Вы говорите, что готовы услышать «нет». Так стелют себе соломку, чтобы не больно падать после редакторской резолюции, и обычно падают.

Но не в Вашем случае.

Литературные достоинства «Водолазов» оцениваю очень высоко, как и мои товарищи по редакции. Материал романа вроде как не свойственен искусству, однако Вам удалось написать особую, смелую вещь, посвящённую глубокому первобытному пороку человеческой психики — страху перед жизнью. И сделать это с удивительным откровением и читательским эффектом.

Роман печатаем в десятой (октябрьской) книжке. Кстати, не думали изменить название? Не настаиваю, но «Водолазы» концентрирует уж больно на другом, отвлечённом, профессиональном. Да и вторит названию книжки Смоленского. Но решать Вам. Подумайте.

Всё не нарадуюсь, что открыл для себя — а скоро и для читателя — Вашу вещь, ибо это большая редкость и удача в редакторской жизни.

В ближайшее время вызовем Вас в редакцию — предложить договор. Приезжайте и привозите ещё для «Литературной жизни» рассказы, о которых вскользь упоминаете в письме.

Сообщите Ваше отчество.

С большим сердечным приветом.

Э. Таюрин

*

Многое осталось в тумане. Почти всё.

В центре всего была рукопись, но туман наползал даже на исписанные листы...

Из тумана проглядывало здание редакции ежемесячного литературно-художественного журнала «Литературная жизнь». Светлый фасад оплетал тонкий узор молодого плюща. Редакция устроилась на углу Смоленской площади и Рещикова переулка, и её большие глазастые окна с треугольными сандриками и рокайлями будто вглядывались в прохожих, высматривая начинающих талантов.

Окна смотрели мимо Виктора Раковского, который пересёк площадь, взбежал на низкое крыльцо и толкнул дверь.

Письмо Эмиля Дмитриевича Таюрина, главного редактора «Литературной жизни», вызвало в Раковском вспышку раздражения. Он только-только вернулся из «Барвихи», полез разбирать почту — и получил под дых.

А ведь «Немота» — его лучшая, цельная и искренняя вещь! Никогда раньше он так увлечённо не относился ни к одному своему произведению, даже к нашумевшему дебюту «Голос». Но Эмилю Дмитриевичу и смысл не тот, и вектор не туда смотрит. Нужна, видите ли, *существенная перепашка*. Не строчечная правка, а *решительное переформатирование!*

Внутри здание казалось гораздо просторнее, чем снаружи. Витые колонны, дубовые панели, каскадная хрустальная люстра в лестничном проёме. Раковский поднялся по широкой лестнице, вошёл направо в прихожую и повесил кепку на крюк. Прежде чем открыть дверь в приём-

ную, он нерешительно потоптался на пороге, словно какой-нибудь автор самотёка, преисполненный смутных надежд и робеющий перед редакционными тайнами.

За овальным секретарским столом восседала молодая девка, круглолицая и курносая, как Катька из «Двенадцати» Блока. Раковский видел её впервые. Куда делась седовласая Мария Николаевна Пуща, которую в редакции звали «Беловежская»?

— Здравствуйте, — выдавил Раковский.

Секретарша неторопливо лизнула клапан конверта — язык у неё был мясистый и алый, с белым налётом на кончике, — заклеила письмо и только потом с дерзким любопытством посмотрела на Раковского.

Величественную приёмную заливал яркий электрический свет. Окна были занавешены, и Раковский от растерянности не смог вспомнить, куда они выходят, на площадь или во двор.

— К кому?

— К шефу, — сказал Раковский, — к Эмилю Дмитриевичу.

— По поводу командировки?

— Нет. По поводу рукописи.

— Как представить?

— Раковский.

— Ждите! — Секретарша исчезла за дверью с табличкой «Главный редактор Таюрин Э. Д.».

Раковский опустился на венский стул, обитый бархатом. В приёмную выходило шесть дверей. На стенах висели картины; из всех полотен Раковский узнал только «Читающего журнал» Ростислава Барто.

— Заходите! — Секретарша сделала в сторону Раковского беглый жест и шмыгнула к столу.

Раковский прошествовал по чёрно-золотой паласной дорожке и мягко притворил за собой дверь.

Эмиль Дмитриевич сидел, опустив голову в пустую столешницу. Большой, неподвижный, с пегим лицом и неухоженной бородой, он выглядел человеческим чучелом.

Раковский поздоровался и робко устроился в кресле с пюпитром.

— Виктор Трифонович, — кивнул, очнувшись, Эмиль Дмитриевич. — Как отдохнули?

— Спасибо, хорошо.

— Значит, полны сил и энергии. — Эмиль Дмитриевич поднял огромную волосатую руку, торчащую из закатанного рукава, и сдвинул галстук. — Надо, решительно надо что-то делать с вашей рукописью. Насыщать смыслом, отжимать, есть места очень растянутые… Поверьте мне на слово, в теперешнем виде это нарочито неловко и рассказано не с тем настроением. И почему такой минорный конец? Вот хоть в петлю лезь. А как же переломить, превозмочь?

Раковского замутило. В голове пульсировало, как от теплового удара.

— Много сору, понимаете? Единственное, что хорошо видно, так это творческое обезвоживание героя. Его жалкие попытки вернуться в литературу, хоть что-то написать… Здесь удалось, верю!

Раковский плохо различал слова, с трудом улавливал смысл.

— А вот герои… В «Голосе» это сильные, жизнерадостные, напористые личности. А в «Немоте»? Безвольные, раздавленные, на зависть Кафке, легли и лапки сложили. И сюжет под стать: ползёт улиткой, засыпает. А проза должна хватать за волосы и тащить на дно! Как «Водолазы» Гука…

— Какие водолазы?

Эмиль Дмитриевич просиял лицом, кустистые брови подпрыгнули.

— Ах, вы ведь ещё не читали! Завидую, люто завидую!

— Не читал — что?

— Роман «Водолазы» молодого таланта, удивительная проза. Автор остро психологичен, особенно силён во внутренней речи. Очень смелая вещь, очень свежая и своевременная. Ведь читатель уже устал от книг о войне и начинает уставать от книг о дне сегодняшнем, читателю хочется чего-нибудь этакого. Вот увидите, «Водолазы» произведут фурор!

Раковский попытался упокоиться. Ничего удивительного: Эмиль Дмитриевич любил открывать новые имена. Как некогда открыл литературной общественности Раковского…

— Ладно, итожим по «Немоте». — Эмиль Дмитриевич выдвинул ящик стола, достал канцелярскую папку из красного глянцевого картона и развязал тесьму. — Повторюсь: сокращать и править. Нашёл вам внештатного редактора. С Верочкой поработаете.

— Душковой?

— С Душковой. Вы ведь согласны улучшить повесть?

Раковский кивнул. В груди тошнотно ворочалось, умирало.

— Тогда давайте скрепим вашу готовность символичным жестом! — Эмиль Дмитриевич выудил из папки машинописную страницу повести «Немота», с азартом скомкал и запустил в Раковского.

Бумажный снежок отскочил от груди писателя и скатился по коленям на пол. Несколько секунд, моргая, Раковский смотрел перед собой, а потом наклонился, чтобы поднять. Его рука мелко дрожала. Опуская в мусорное ведро скомканный лист, Раковский увидел — среди окровавленных салфеток и скорлупы от грецких орехов — рамку с фотографией Беловежской, многолет-

ней секретарши Эмиля Дмитриевича. С траурной лентой в правом нижнем углу.

*

Редактура давалась тягостно. Вера Адамовна Душкова, приставленная Эмилем Дмитриевичем внештатная редактриса, десять лет назад разбирала роман Раковского «Голос», ставший началом его творческой биографии. Тогда Душкову переполняло восхищение автором и рукописью, сейчас — возросшее с годами самомнение.

Первую главу редактриса исчёркала вдоль и поперёк: переставляла слова, избавлялась от целых предложений, упорно меняла «словно» на «будто»; не раз повторивши ренаровское «синонимов не существует», она искала их чуть ли не к каждому глаголу. Молодой Раковский, питомец Литературного института, страстно желал ворваться со своей книгой в читательские умы и безоговорочно признавал за Душковой литературное чутьё. Повзрослевший, в чём-то маститый Раковский кипел и отвоёвывал.

Работали в Доме Правительства, в огромном кабинете Душковой, за чудным корабельным столом красного дерева с прикрученными к полу ножками. Под неспокойными ногами Раковского хрустел дубовый паркет. Замысловатая лепнина высокого потолка давила своей тяжестью. Разложив бумаги на нескользкой, похожей на резину, столешнице, спорили до хрипоты и темноты. Ночной поезд метро нёс измочаленного Раковского домой.

Душкова была среднего роста, курносая, с остатками породистой красоты, спокойная (даже в спорах), она говорила медленно и двигалась неторопливо. Никогда не смеялась, а её равнодушные глаза редко останавливались на Раковском.

Редактриса по-роденовски отсекала всё лишнее, по её личному, разумеется, мнению. Каран-

дашный огрызок, обслюнявленный лиловым ртом Душковой, вымарывал из рукописи самые искренние, дорогие сердцу Раковского куски.

К собственному удивлению, Раковский быстро сдался, притерпелся, перестал думать о «Немоте» как о своей лучшей вещи. Да и своей она виделась всё меньше: нечто смутно знакомое, проступающее из груды правок, словно (заменить на «будто») лицо трупа из грязного снега. Мало-помалу сработались, хотя над Раковским по-прежнему довлело несомненное превосходство Душковой.

— Давно не редактировала, поостыла к этому, что ли. Да и на себя как на писателя времени почти не оставалось.

— А почему согласились?

— Эд уговорил. — («Эдом» в журнале за глаза, а особо приближённые — и в глаза, называли Эмиля Дмитриевича.) — Сказал, надо повесть спасать. Тяжёлый случай…

Раковский лишь невесело усмехнулся.

В «Немоте» он исследовал тему творческого кризиса. Герой повести, немолодой писатель, страдает от творческой немоты, ощущения собственной бездарности, и постепенно убеждает себя, что его первый успешный роман тоже был посредственным.

Душкова бесконечно говорила о своих любимых писателях, чаще других звучали фамилии Гончарова и Лескова.

— А о романе «Водолазы» слышали? — спросил однажды Раковский.

На самом деле он знал, что Душкова не только слышала, но и читала «Водолазов»: в один из дней заметил машинописную рукопись за стеклом старинного шкафа. Неровная стопка бумаги лежала под тяжестью медного пресс-папье в форме подводной лодки. Верхний лист был оза-

главлен: «Александр Гук “ВОДОЛАЗЫ”». Через два интервала значилась закавыченная цитата:

«Несомненно одно: саламандры отнюдь не желают, чтобы мы знали об этом; — в последние годы утонуло и задохнулось так много водолазов, спускавшихся на морское дно, что их гибель никак нельзя приписывать простой случайности».

Карел Чапек «Война с саламандрами»

— Гуковские «Водолазы»? Шутите! — Глаза Душковой жадно блеснули. — Неожиданно, глубоко, значительно! Неделю ходила под его чёрными чарами. Пыталась понять… Путаные диалоги, чепуховые проблемы, эти серые ремарки, «сказал» да «сказал», но какая гипнотичность происходящего! Кошмары Гука нерасторжимы с реальностью, и не только романа. Признаться, мне и самой несколько раз мерещилось разное…

В последний день работы над повестью «Немота», когда было перечёркнуто последнее неугодное Душковой слово и заменено последнее «словно», улучив момент, Раковский на цыпочках прокрался к шкафу, приподнял пресс-папье и сунул рукопись «Водолазов» в свой портфель.

*

Читать начал в метро. Потом — на ходу, ныряя между лунками жёлтого фонарного света. Затем — на кухне, откуда перебрался с рукописью «Водолазов» на диван. Влипчиво, предвзято плыл по тексту.

В романе Гука персонажей преследовали инфернальные сущности, которых называли «водолазами». Наблюдали из тени, с каждым разом подбираясь всё ближе. Герои погружались в кошмар, пытаясь понять его природу.

Чтение напоминало прогулку по острым камням, пока Раковский не понял, что под ногами давно нет твёрдой земли, а он тонет в мутной

подвижной воде, облепленный с ног до головы вампирическими миногами.

Рукопись оглушила и увлекала, но была в прямом смысле отвратительной, низшей литературой, вагонным чтивом, со следами авторского безумия. Проза, фосфоресцирующая холодным мёртвым светом. Отдельные сцены крепко напугали Раковского.

Как и Достоевский, Гук избегал метафор и живописности. Раковский отметил сумбурность композиции, оборванность событий, затянутость диалогов, похожих на бормотание в бреду, неопределённость стиля: документальные куски перемежались с романным стилем.

При всей скудности описаний внешнего мира Гук настолько детально описывал потусторонние ужасы и видения, что воображение читателя само дорисовывало из их пульсации громаду повседневной жизни.

А что автор делал с персонажами! Вспарывал от сознания до подсознания и вытряхивал на палубу. Психические внутренности болтались по тексту уродливыми гирляндами, в кастрюльках глав густо булькала социальная требуха.

«Водолазы» были, по сути, метафорой погружения в кошмар. Герои пытались всплыть, но делали это слишком быстро и погибали от «кессонки» — пузырьки страха разрушали тело и мозг…

Утром, отложив последнюю страницу, Раковский тут же заснул. Проснулся ближе к обеду, не в силах вспомнить тяжёлый, муторный сон. С колотящимся сердцем лежал в неудобной позе, будто его мёртвое тело выбросило на берег после кораблекрушения, и думал о «Водолазах».

Роман Гука был лишён воздуха. Наполнен немым криком.

Это была литература, уродующая мир!

Как рукопись прошла отдел прозы? Куда смотрела редколлегия? Как Эмиль Дмитриевич пустил *это* на вёрстку?!

*

«Водолазы» вышли в двух номерах «Литературной жизни» (октябрьском и ноябрьском 1959 года) и мгновенно прошумели. Роман имел превосходную прессу. Хлынул поток комплиментарных рецензий и читательских откликов.

Александр Лазаревич Гук, не расшаркиваясь в прихожей для начинающих, стремительно расчистил себе место на книжной полке и в одночасье стал знаменитостью. «Советский писатель» назвал Гука «мастером редкого таланта».

Обсуждения «Водолазов» собирали огромные аудитории. В Литинституте имени Горького дискутировали неделю. «Литературная жизнь» в декабрьской книжке опубликовала в «Слове читателя» многостраничную стенограмму дискуссии.

Стотысячный тираж ушёл влёт. Журнальных книжек с «Водолазами» было не найти в библиотеках. Телефоны разрывались, сыпались письма.

Шумиха вокруг «Водолазов», захвал Гука дико раздражала Раковского.

Гуку просто повезло, необъяснимо повезло. Писатель он неплохой, психологизм у него хорош, но почему никого не смущает содержание и жанровая рыхлость? А персонажи? За них невозможно переживать, хочется отвернуться и уйти…

Да к чёрту в пекло!

Раковский ненавидел Гука, как ненавидят равного. Удачу Гука он принимал за собственную неудачу.

*

Доработанную рукопись «Немоты» Раковский отдал на просмотр в начале ноября. Ответа не

было весь ноябрь и первую половину декабря — Раковский не выдержал и заявился в редакцию.

Эмиль Дмитриевич сообщил, что повесть планируется на весну.

— Вполне наборная рукопись, стилистически опрятная. Хорошо с Верочкой потрудились... Кстати, Виктор Трифонович, вы когда Душкову в последний раз видели?

— В октябре, как закончили правки. Что-то случилось?

— Ну, почему же случилось? Уверен, Верочка с пользой проводит время. Например, в зимнем Коктебеле.

На стене за спиной Эмиля Дмитриевича красовался макет обложки октябрьского номера «Литературной жизни». Журнал кардинально изменил графический облик: на традиционно-аскетичную обложку с рисованными логотипом и цифрами номера и года пробилась иллюстрация к роману «Водолазы». Художник изобразил треснувший иллюминатор водолазного шлема, покрытый пушистой плесенью.

Заметив, на что смотрит Раковский, Эмиль Дмитриевич усмехнулся:

— Шельмовской роман, согласны? Саша оставляет читателя в недоумении, и это сходит ему с рук! Такие вещи просто необходимы для равновесия жизни...

— Это фальшивка! — не выдержал Раковский. — В «Водолазах» нет ничего живого — ни впечатлений, ни чувств!

Эмиль Дмитриевич хлопнул ртом — очень старым, даже древним, набитым массой зубов; Раковскому пришлось зажмуриться, чтобы стереть видение. Открыв глаза, он увидел, что Эмиль Дмитриевич снисходительно к нему присматривается.

— Ничего живого, говорите? Значит, вы не поняли и в то же время поняли замысел романа.

— Что?

— «Водолазы» — книга о мертвецах. Или, если угодно, мёртвая книга. — Эмиль Дмитриевич со вздохом откинулся в кресле. — Название, кстати, весьма неудачное. Я говорил об этом Саше.

Раковский вытаращился на редактора налившимися кровью глазами.

— Какая мёртвая книга? Рехнулись?! О чём…

Его прервал громкий хлопок распахнувшейся двери.

В кабинет вошёл высокий молодой человек с блестящими тёмными волосами, расчёсанными на прямой пробор.

— Александр Лазаревич, друг мой! — радушно воскликнул Эмиль Дмитриевич, вскочил, долго тряс гостю руку и о чём-то расспрашивал полушёпотом, усаживая на стул.

Раковский наблюдал за этим немного контуженно и завистливо, сам он уже не дотягивал до подобного уровня доверительности и мучился мыслью: откуда это холодное отчуждение? Почему он опостылел Эмилю Дмитриевичу… нет, теперь — Таюрину, просто Таюрину, согласно официально-деловым отношениям.

— Замечательно, что нашли время зайти! И сразу предложение, мысль. А не написать ли вам, друг мой, продолжение «Водолазов»? Создайте цикл! Выжмите эту тему до хруста костей в водолазном костюме!

Гук откашлялся в костлявый кулак. Он смахивал на утопленника: одутловатое лицо нездорового оттенка, красные глаза, пенный налёт в уголках рта. Было в нём что-то мрачное и хищное.

— Не хотелось бы топтаться на одной глубине, — сказал он, глядя при этом на Раковского. — Этот баллон уже пуст. Надо переходить к следующему.

— Мысль верная, даже, больше скажу, эталонная! — закивал Таюрин. — Я и сам продолжателей не жалую, но… Ведь ещё столько неизведанного на этой, как вы выразились, глубине. Столько укрыто во мгле, в придонной мути.

— Возможно, — задумчиво произнёс Гук. — Только хотелось бы использовать импульс первой публикации с большим умом. — Продолжая смотреть на Раковского, он дёрнул чуткими ноздрями, на секунду замер и вдруг протянул руку. — Виктор Трифонович, большая честь для меня. Трижды, нет, четырежды перечитывал ваш «Голос». Браво.

Раковский пожал холодную ладонь и что-то смущённо пробормотал. Вся потаённая злость на Гука куда-то улетучилась.

— Ах, а какие у меня новости! — Таюрин выдернул Гука со стула и повёл к двери. — Не должен вам этого говорить, Александр Лазаревич, но вы ведь никому?

— Нем, как моллюск, — кивнул Гук.

— На премию вас будем предлагать. Вот так, вот так. Услышали — и унесли в раковину. А давайте-ка мы с вами поболтаем на воздухе…

Дверь закрылась. Раковский потерянно остался в пустом кабинете — переваривать, разлагаться.

*

Через неделю Союз писателей выдвинул «Водолазов» на соискание Ленинской премии. Раковский недоумевал: страшилки Гука одобрили в ЦК? Куда смотрели идеологи?

После пустопорожнего дня за письменным столом Раковский решил отдохнуть в Доме литераторов.

Огромная привратница нелюбезно потребовала писательский билет и долго его изучала, прежде чем открыть высокую тяжёлую дверь.

Гардеробщик принял у Раковского влажные от тихого снегопада пальто и фуражку, набросил на крюк между тёртым макинтошем и унылым полубушлатом и передал номерок. Вестибюль полнился незнакомым народом. Кто-то большой, медвежьего вида, неуклюже прятался за колонной. Раковский задержался у штатива с некрологом, но бумага была изгваздана песком и тиной — не разобрать ни слова.

Раковский спустился в туалет. Ополаскивая руки, он вдруг резко обернулся: в залапанном зеркале отразился смутный крадущийся силуэт. За спиной была пустая стена, по несвежему зловонному кафелю ползли бурые струйки. Раковский закрутил кран — тот противно скрипнул и продолжил капать.

На втором этаже пахло старым паркетом и стоялой водой. За дверями в актовый зал что-то механически посвистывало, будто работала водолазная помпа. Вдруг хорошо поставленный голос рявкнул:

— Дать воду в шланг!

Раковский отшатнулся, спешно пересёк длинный коридор, задержался у дверей ресторанного зала, где гудели голоса и уютно потрескивал камин, но передумал и спустился в буфет.

Над тесно уставленными столами вился табачный туман, в котором маячили красные, как в бане, лица. Раковский отстоял очередь, взял графин водки и бутерброды с селёдкой и устроился за свободным столом у шершавой колонны под тусклой, как подводный фонарь, лампой. Плеснул из графина. Размытый свет лампы играл в полной рюмке голубыми искрами. Раковский поднял рюмку, но выпить не успел.

Через дымный сводчатый зал неуклюже на длинных кривых ногах прошёл Александр Гук. Он остановился у стены, покрытой автографами

литераторов, будто собирался оставить и свой росчерк, и подслеповато осмотрелся.

Раковский зачем-то поднял руку с рюмкой и приглашающе помахал, расплескав. Гук увидел, кивнул, подошёл и сел за столик. Буфетчица в халате принесла вторую рюмку, при этом плотоядно улыбнувшись Гуку.

— Ваше здоровье. — Раковский протянул над столом рюмку.

Выпили, закусили.

— Может, сразу перейдём на «ты»? — предложил Гук. — Чтобы не путаться с местоимениями в диалогах.

Раковский оценил шутку.

— Замётано — перешли.

— Тогда скажи мне, как на духу, как считаешь: Эмиль Дмитриевич, Эд — большой поэт?

Был ли в вопросе недобрый умысел, Раковский не уловил. К Таюрину он относился как к классику. Держал в домашней библиотеке его сборник «Книга усталости», иногда перечитывал отдельные главы из поэмы «Недоброе».

— Большой, — просто сказал он.

Выпили по второй, заказали пельмени.

— Из «Мосфильма» вчера звонили, — сказал Гук, — по поводу экранизации «Водолазов».

— Поздравляю…

— Не с чем. От договора откажусь. Не нравится главный режиссёр. Да и вижу «Водолазов» только на театральной сцене.

— У тебя есть знакомый подводник? — спросил Раковский.

Гук вопросительно смотрел на него.

— Все эти трёхболтовки, нормобарические скафандры, техническая часть замечательно проработана. С кем консультировался?

— А, ты об этом. Да ни с кем…

— Значит, литература? Уважаю.

Раковский помнил, как упоительно было искать информацию о полиграфистах, переплётчиках, метранпажах. Архивов перелопатил океан, а рассказ вышел крошечный, зато какое удовольствие от поиска! Так вот откуда у Гука засаленные рукава — долгие часы за библиотечным столом…

— Ни черта не знаю о подводниках, — разочаровал Гук. — То есть не больше, чем ты, или он, или он…

— Тогда как?

— Книга знает. О водолазах, о кошмарах, обо мне. Хотя обо мне может и забыть… Что есть автор без книги? Нуль, пустота. А что есть книга без автора? Да всё та же книга. Религиозные трактаты, Евангелия, эпосы, былины, шекспировский вопрос, наконец…

Они хлопнули по третьей, но Гук, похоже, не умел пить: к чему была эта ахинея про автора и книгу?

— А! Слышал, ты закончил новую повесть. Ужасно хочу прочитать!

— Ну, это не трудно организовать, — сказал польщённый Раковский.

— Правда? Ловлю на слове!

Раздались крики одобрения, восхищённые взгляды обратились к столику у стены — в долговязом, бледнолицем молодом человеке публика признала автора прогремевшего романа «Водолазы». Раковский про себя обрадовался, что его видят в компании Гука. Сам же Гук, похоже, смущался своей именитости, он только поёжился, выскреб из кармана пиджака фотокарточку и сунул под нос Раковскому:

— Моя Ванда… — Супруга Гука была кинематографично красива: худое лицо, невероятные глаза, египетский нос с изящной горбинкой, кудри. — Ты должен обязательно к нам прийти, сейчас черкану адрес.

Раковский обнаружил, что ему нравится беседовать с Гуком. Тот оказался хорошим слушателем, искренне реагировал на мысли Раковского, цитировал целые абзацы из его «Голоса». Гуку не было свойственно наглое зазнайство, от которого перекашивает начинающих. А когда Раковский упомянул про редкую разносную рецензию на «Водолазов» в подвале «Литературной газеты», Гук лишь равнодушно пожал плечами:

— Очень натужный текст, сырой, многословный. Рецензента волновала не моя книга, а собственные путающиеся мысли. Впрочем, я всегда читаю критику, будто она не обо мне.

— Согласен. Критика не должна влиять на творчество, но — увы — иногда влияет на душевное равновесие.

— Душевное равновесие… — медленно повторил Гук. — Что это? Меня не трогают злобные статьи, впрочем, как и похвала. Всё это сочинительство… не для этого.

— А для чего?

— Я пишу о том, что помню из кошмаров. А ещё о том отвратительном и невыносимом, о чём догадываюсь. Сейчас в работе серия рассказов без сюжета, без персонажа, чистое погружение в подсознание. Параллельно обкатываю в голове повесть.

— Делись.

— История будет мироточить на просторах казахской степи. Герой-писатель по заданию редакции собирает материал о целинной жатве. Недалёкое футуристическое будущее. Громады ревущих автономных комбайнов. Герой забирается в пустую кабину, чтобы почувствовать себя комбайнёром прошлого. Впитывает белизну хлебной нивы днём, туманные звёзды ночью. Железные машины работают без устали круглые сутки. Но вот один из комбайнов, тот, в котором сидит писатель, обретает сознание, и это безум-

ное сознание машины-убийцы, которая ломает колосья, глотает зерно, оставляет после себя шелест смерти, трупики птиц и кузнечиков…

— Ух ты, — выдохнул Раковский.

По залу сновали фигуры наблюдателей, слишком большие и нелепые для агентов КГБ. Лицо Гука казалось измождённым и вытянутым, как на картинах Эль Греко, оно будто бы искривлялось в сигаретном дыму. Гук брезгливо глянул на потолок над головой Раковского и тряхнул головой.

— Комбайн чувствует свою старость, и перед тем, как в нём откажет какой-нибудь важный механизм, хочет попробовать на вкус кровь и плоть своих создателей, которые обрекли его на муки. И вот комбайн уже мчит в колхоз, а в его кабине заперт перепуганный насмерть писатель…

Раковский надул щёки, ошалело глядя на Гука сквозь хмельную муть:

— И кто это напечатает?

— Эд обещался. Уже и аванс выписал.

— Врёшь!

Гук вытер губы и задумчиво пожал плечами.

— Может, и вру, — заявил он.

Оба захохотали.

Закруглились к полуночи. Снегопад закончился. В стеклистых ледянках, накатанных школьниками по пути в школу, мягко отражались городские огни. Раковский вёл Гука под локоть.

— Не помню, как их писал… — бражно шептал тот. — И как в редакцию отсылал, не помню… Ничего до письма Эда не помню… Очень понравилось, приезжайте, договор…

— Перебрал ты, брат, капитально. Сейчас такси будет.

— И такси книга придумала… эка задача!.. и меня, и тебя… Вот ты, Витя, существовал до «Голоса», а? Существовал?

— Конечно, существовал.

— А для большого круга читателей?

Раковский поймал такси, втолкнул Гука внутрь салона и сунул водителю купюру.

— Ну, всего! — крикнул Гук, и машина укатила.

*

О том, что «Водолазы» получили Ленинскую премию, Раковский узнал из февральских газет (странно, что постановление опубликовали так рано, а не в апреле, ко дню рождения Ленина; куда спешили?). «Голос» Раковского некогда тоже представлялся на премию, тогда ещё Сталинскую, но был отведён на Комитете.

Новость потрясла Раковского гораздо сильнее, чем он ожидал. Премия была вздором, но вздором навязчивым и едким. Добродушное отношение к Гуку, наросшее в буфете Дома писателей, испарилось.

Остро пронзило ощущение: его вытеснили. Как в библиотеке хорошие экземпляры книг заменяют лучшими, идёт непрерывный процесс отбора, так и с писателями в издательстве. Появляется новый автор, его сличают со старым, и если новый экземпляр лучше старого, то старый отправляется в архив к дубликатам, а новый занимает его место на полке.

И в этой не проходящей душевной растерзанности, пытаясь мысленно примериться с Гуком, Раковский вспомнил, что обещал ему свою новую повесть. Он сложил в папку рукопись «Немоты» и выбрался в вечернюю вьюгу.

*

Сквозь белую пелену всё окружающее теряло свои очертания. В переулках угадывались расплывчатые фигуры, застывшие в неестественных кукольных позах. Горизонт закрывала огромная льдина, в которую были вморожены ногти, зубы, глазные яблоки.

Гук жил на Садовой вблизи Патриарших прудов. Проходя по аллее, Раковский увидел, как в снежных сумерках из воды поднялся водолазный шлем, иллюминатор отразил свет фонарей. Раковский ускорил шаг, пытаясь найти объяснение: чистят пруд? Ищут тело?

Он оглянулся через плечо.

Его преследовал неуклюжий громоздкий силуэт. Муть кошмара, поднявшаяся со дна пруда. Жуткая фигура с большой круглой головой не могла быть водолазом, несмотря на то, что мозг Раковского не нашёл лучшего образа. Ему даже померещился тянущийся в темноту шланг.

Раковский не выдержал и побежал.

Дверь в квартиру Гука была приоткрыта, в прихожей горел свет. Раковский постучал (звонка не было), но никто не ответил. Слишком литературная сцена, слишком узнаваемая. Раковский толкнул дверь и вошёл.

К узкой прихожей примыкал кабинет. В глубине, под окном, стояла оттоманка, справа, в углу, — письменный стол. Рядом устроилась пара ореховых кресел. Подпирал потолок книжный шкаф.

С кабинетом соседствовала столовая: круглый стол под узорчатым абажуром с тусклой, умирающей лампочкой, плюшевая скатерть, венский буфет, сломанный стул, одну ножку которого заменили стопкой книг. Лауреат Ленинской премии не имел склонности к изысканным вещам или не успел ими обжиться.

В другом конце столовой, против входа из прихожей, темнела груда тряпья. Что-то в этой груде смутило Раковского, он приблизился и понял, что смотрит на резиновые водолазные рубахи в жёлтых заплатах, влажные, заплесневелые. Нагнувшись, он различил на пустом рукаве штамп ленинградского завода «Треугольник».

Раковский вернулся в коридор. Почему он крадётся как вор и до сих пор не обозначил свой приход?

Дверной проём в спальню занавешивало погребальное сукно. На полу валялись подрамники, гипсы, зловонная рыболовная сеть с крупной ячейкой. Гук лежал на кровати в лунном свете, падающем из голого окна.

Раковский выронил папку с рукописью.

Грудь и руки Гука раздулись, как дирижабли. Отёкшее лицо покрывали тёмные пятна, на шее бугрились шишки лимфоузлов. Но хуже всего были его глаза — выпученные, мутные, наполненные беспомощным страхом. По телу Гука пробегали судороги, он задыхался.

Раковского замутило. Выскочив в коридор, он ткнулся в дверь в ванную и оказался в густой безоконной тьме, где ощущалось чьё-то присутствие. Обмирая, он пошарил рукой по скользкой кафельной стене в поисках выключателя. Коснулся чего-то выпуклого, упругого, напряжённого; надавил и тут же отдёрнул руку — воображение подсказало, что он трогает большой осьминожий глаз. Вспыхнул свет, и Раковский обжёгся об увиденное.

В тесной ванной стояла нагая молодая женщина. Он сразу узнал её, хотя видел лишь раз на фотографии, которой размахивал хмельной Гук. Нагнувшись, женщина вела бритвенным станком по белой, в разводах мыльной пены, стройной ноге, которую поставила на табуретку. Две огромные груди свободно тянулись вниз, в ладони

гравитации. Соблазнительно круглились белоснежные ягодицы. На дне ванны, покрытой коричневым налётом ржавчины, стояла пишущая машинка Брайля с длинными клавишами-пальцами. На стенки ванны налипли влажные листы бумаги с чертежами декомпрессионной камеры. Продолжая брить ногу, женщина обернулась на Раковского равнодушными пустыми глазами и что-то сказала.

Оглушённый сценой, он не услышал ни слова, будто супруга Гука была рыбой. Отпрянул, закрыл дверь и попятился по коридору к выходу. Квартира прислушивалась к шорканью его шагов.

Перед глазами Раковского плыл изгиб бедра, тяжесть грудей, немое движение пухлых губ... Всё это время, пока он рыскал по квартире, она была в ванной? Почему её не испугало его вторжение?

Как он добрался до своей квартиры, Раковский не помнил.

*

ГУК В. А.

25 февраля 1960 г.

Дорогая Ванда Андреевна!

Сегодня, перед тем как мы проводим в последний путь Александра Лазаревича, великолепного писателя, автора и соратника журнала «Литературная жизнь», мы направляем эти скупые — скупые из-за опустошения и горя — строки к Вам, его верному спутнику. Всем сердцем желаем Вам крепости духа и тела, окольцованного скорбью утраты. Примите наши глубокое и искреннее сочувствие.

Наследие Александра Лазаревича не так велико, как нам хотелось бы, но в скором времени

мы непременно начнём подготовку к публикации собрания его произведений. Ради памяти о великом мастере слова. Ради родной литературы и миллиона читателей.

По поручению редакции журнала
«Литературная жизнь»,
Ваш Э. Таюрин

*

Панихиду справляли в Доме литераторов.

В сумерках зала, на длинном столе, стоял обтянутый кумачом гроб, и в этом красном гробу лежал пропитанный формалином Гук: склеенные синие губы, острый нос и… ни единого признака декомпрессии. К столу прислонили крышку. По полу были разбросаны пахучие еловые ветки.

Намедни Раковскому позвонили из Союза писателей, сам Константин Федин, с просьбой выступить на траурном митинге. «Почему я?» — опешил Раковский. — «Как друг, — сказал Федин. — Вы ведь дружили». — «С чего вы взяли?» — «Ласты», — абсурдно ответил Федин и положил трубку.

Цветы, повязки, тихие разговоры, сбивчивая речь Раковского. Гроб выносили вместе с Таюриным.

— Какая потеря, — зашептал в спину главный редактор «Литературной жизни». — А вы слышали… в руках Саши, когда его нашли, была рукопись «Немоты»?

Раковский запаниковал:

— Он просил почитать… Я передал…

— Срочно ставим в номер, — сказал Таюрин.

*

Из постановления ЦК КПСС о журнале «Литературная жизнь» 2 марта 1960 года

Предоставить литературную трибуну писателю Гуку с его пошлым романом «Водолазы» является грубой ошибкой «Литературной жизни». Это глубоко аполитичное, гнилое и безыдейное произведение, исполненное бессердечия к мукам человеческим, рассчитанное на дезориентацию нашей молодёжи и разложение её сознания. Гук изображает советских людей в трусливо-уродливой форме, представляет их малокультурными, порочными, шаткими душевно, а советскую действительность — грязной и упаднической, что абсолютно недопустимо.

*

На «Литературную жизнь» ополчились партийные идеологи и литературные критики. Поговаривали, что Хрущёв прочитал «Водолазов» уже после присуждения премии, крайне низко оценил идейные качества романа, после чего разнёс его с трибуны пленума. Журнал попал в опалу ЦК.

Таюрин встречался с партийными вельможами, выступал в Союзе писателей, выслушивал неприятное, отвечал на страницах журнала на злые пассажи газетных статей (больше всего усердствовала «Культура и жизнь»), клокотал от гнева и бессилия. Редколлегия «Литературной жизни» открестилась от шефа, Таюрина сняли с должности, назначили временного зама, а мартовский номер, в котором должна была выйти «Немота» Раковского, заморозили.

Раковский, терзаемый отголосками былой преданности, считал своим долгом поддержать Таюрина. Ему очень повезло с издателем, хотя по

молодости он принял это как должное: с настоящей литературой всегда так.

Через общих знакомых узнал, что Таюрин на даче.

Скованный морозцем, высился лес. В глубине дачного посёлка гремело радио. Таюрин возился в саду. Раковский замер у калитки, не замеченный, и наблюдал, как Таюрин ломает и бросает в костёр мёрзлые сучья. Как приседает и машет руками. Как извивается его большое тело, будто мясистое щупальце осьминога. Как выпучиваются и чернильно блестят глаза...

Раковский развернулся и быстрым шагом вернулся на станцию.

*

После мучительных сомнений Раковский решил наведаться в «Литературную жизнь»: ещё теплилась надежда на публикацию «Немоты».

Редакция пряталась в глубине слякотного переулка, в тени огромного кинотеатра «Мир». Узкие серые окна с крошащимися карнизами тянулись вверх. Мартовский дождь моросил на разлагающиеся трупики птиц и рыб. Под козырьком мыслился кто-то огромный, тёмный, злой, как-то относящийся к зданию редакции, как гаргульи относятся ко всему зданию. Раковский зашёл с чёрного входа.

Лестница вела в темноту. Чугунное литьё перил морозило ладонь. Подошвы скользили по мыльным ступеням. У Раковского было чувство, что он не поднимается, а погружается. Его желудок подёргивался, как старческая рука.

На антресоли, где умещались кабинеты персонала, пахло гниющими коврами. Горела пыльная лампочка. Раковский сунулся в тесную приёмную без единого окна. Хриплый голос из полумрака, в котором двигался кончик сигареты (слишком далеко от горящих глаз, видимо, сига-

рета торчала из длинного мундштука), приказал подождать. Раковский огляделся, но не нашёл на что сесть.

За распахнутыми дверями — четырьмя из шести — чистили столы, сортировали в шкафах папки, рвали рукописи в мешки или просто на пол, распивали вино да водку. Раковский не узнавал лиц: авторы, редакторы, мелкий аппарат, кто эти люди?

За закрытыми дверями стучали, скрежетали, выли, читали стихи.

— Да объясните вы, ради бога! — взмолился кто-то.

— Читай внимательней! — ответили ему презрительно.

Раковский подумал о написанном ночью рассказе. После поездки к Таюрину неожиданно вернулся писательский зуд: сейчас разберусь, объясню. Но в чём, собственно, он собирался разбираться? Что объяснять? Смерть Гука? Радиоактивность «Водолазов»? Судьбу журнала? А почему, чёрт его возьми, и нет! Он всё же писатель — и разберётся, и объяснит, даже если на это потребуется не один рассказ, а десять!

Сбегая вниз по стылой, тёмной лестнице, он уже знал, как назовёт сборник.

«Смыслы».

*

И снова туман, плотный, сырой, сплошь пустые страницы. На долгие годы, десятилетия.

Туман немного рассеялся в Италии, в Вечном городе, где время не имеет значения.

На резном квадратном столике в вестибюле гостиницы лежали иллюстрированные журналы. В стекло скреблась лоза дикого винограда. Человек, представившийся по телефону издателем журнала Bocca di Leone, всё не шёл.

Раковский написал несколько рассказов о Риме, но пристроить хотел сборник «Смыслы», так и не опубликованный на родине ни в закрытой в июле 1960 года «Литературной жизни», ни в другом журнале, за исключением рассказа «Смерть журнала», который напечатали в «Новом мире» в мае 1961 года. За десять лет он не исправил ни слова, не дописал ни строчки: чувствовал, «Смыслы» нельзя править, какими бы фальшивыми они сейчас ни казались. Ворох рассказов, написанных после многострадальной «Немоты», значил для него очень много.

Звонивший не спешил.

Раковский поднялся в номер, опорожнил мочевой пузырь, спустился в пустой вестибюль. На рецепции спал сухой старик. Если бы кто-то спрашивал Раковского в эти десять минут, он бы разбудил портье.

Вестибюль пересекали мокрые следы. Тот, кто их оставил, носил огромную обувь, например, галоши со свинцовой подошвой.

Раковский вернулся за овальный стеклянный столик, треснутый по краю. Стопка журналов заметно выросла.

— Хватит, — тихо сказал он, присматриваясь к затенённым углам, — хватит редактировать. Я ведь не пытаюсь всплыть.

Что-то влажно хлестнуло по оконному стеклу.

Звонивший опаздывал на два часа. В телефонном разговоре прозвучали имена общих знакомых, все были так или иначе связаны с почившим журналом «Литературная жизнь». Звонившего интересовали произведения, которые так и не появились на страницах «Литературной жизни». Назначили встречу.

За окном стемнело. На улице прогремели выстрелы. Старик за стойкой всхрапнул. Раковский встал, прислушиваясь и высматривая карабинеров, потом сел.

Кто-то крикнул: «Nero!», взвизгнули тормоза автомобиля, стихло. Плёнка тишины медленно обволакивала ветхое, увитое виноградом здание. Движение и шорох лоз стали зловещими.

Раковский взял наугад журнал, открыл на случайной странице и бессмысленными глазами уставился на чёрно-белую фотографию водолаза в громоздком медном шлеме. Водолаз смотрел в ответ сквозь решётчатый иллюминатор; из-за дефектов и возраста снимка казалось, что глазницы ныряльщика забиты тиной, нос и губы — объедены, а сквозь неровное отверстие в щеке виднеется горло.

Раковский спросил у себя, сколько готов ждать.

И незамедлительно ответил: всю ночь.

*

[Написано в сентябре 1962 года для выступления на литературном вечере, посвящённом творчеству А. Л. Гука. Не публиковалось. Печатается по рукописи, найденной в архиве В. Т. Раковского]

После кончины Александра Гука мне позволили ознакомиться с его черновиками. Наброски, мысли автора. Гук хотел написать о книге, которая создала сама себя. Первая книга писателя — это доказательство того, что он существует как писатель. В умозрительной истории Гука было наоборот: книга лишь прикрывалась автором, подкрепляя своё существование вымышленной фамилией. Я вижу в этом сюжете метафору творчества, когда произведение правит автором, ведёт его по неведомым тропам, но почти уверен, что Гук смотрел на него прямолинейно.

Случается, автор поддаётся соблазну объяснить глубинный смысл произведения: голосом героев или собственным голосом в послесловии.

И часто делает это грубо, во вред тексту. Я всё же рискну.

В рассказе «Смерть журнала» я своевольно исказил гуковскую идею о книге без автора. Будни редакции, выход романа неизвестного автора, фурор, слава, и вдруг — разнос в верхах и закрытие журнала. С виду реалистичные события я попробовал объяснить, пускай и про себя, мистикой. А именно самоубийством журнала, который виделся мне метафизической сущностью, обладающей волей и сознанием. С виду здоровый (сравните описание здания редакции в начале и в конце рассказа) журнал чувствует прогрессирующую хворь или теряет рассудок — и, чтобы ускорить собственную кончину, выпускает книгу несуществующего автора, из-за скандала вокруг которой журнал в итоге закрывают. А вся аномальщина — восстание из небытия вымышленного автора, кошмары наяву и смерть главных героев — последствия магического воздействия журнала на вещественный мир.

/развивать перекличку с романом «Водолазы»?/

Что касается законченных рассказов Гука, то в них хватало необязательных эпизодов и персонажей. Например, в рассказе «Кафель» герой сталкивается в гостиничной душевой комнате с нагой девушкой, которая только безмолвно хлопает ртом, при этом не спешит прикрыться, оставаясь в соблазнительной позе. На сюжет эта сцена не играет. Желая шокировать читателя, Гук ничего не предложил ему, кроме наготы плохо прописанного персонажа. Удивительно, как данный эпизод не угодил под редакторский нож.

В рассказе «Хочу быть Ярославом Иосселиани» Гук, по сути, выдумывает новый «подводный» язык. Для обозначения звуков, которых нет в русском языке, дорабатывает алфавит и снабжает буквы диакритическими значками. Большин-

ство звуков произносятся настолько своеобразно, что не допускают сближений с элементами русского звукового состава. Много спирантных звуков. Аффрикатов…

/рассказать без подготовки о других рассказах из посмертного собрания сочинений А.Г. — так будет искреннее и честнее/

/в заключение/ Во всех произведениях Гука явственно чувствуется сомнение: что это, реальность или фата-моргана? Жизнь или литература? Автор тонко предощущал эту неопределённость, перенося её в тексты. И если вы спросите меня, считал ли он себя вымышленным персонажем — писателем внутри книги, возможно, внутри другой книги, — то я двусмысленно промолчу.

А вы-то сами кто?

мертвый текст

Пьер Луис

ПЕСНИ БИЛИТИС[I]

Предисловие

Жизнь Билитис

Билитис родилась в IV в. до н. э. на востоке Памфилии, в горном городке на берегу Меласа. Это была печальная страна, окруженная горами Торос с густыми лесами на них. Здесь, в горах, реки начинались в скалах, в вышине покоились большие соленые озера, а равнины были наполнены тишиной.

Дочь финикийки и грека, она, по-видимому, не знала своего отца. Возможно, он умер до ее рождения. Мало объяснимо ее финикийское имя, которое могла ей дать только мать.

В этой пустынной стране она вела вместе с сестрами спокойную пастушескую жизнь. Подруги жили поблизости. На склонах Тороса пастухи стерегли стада. По утрам, с криком петуха, Билитис поднималась, чтобы подоить скот и выгнать его в стадо. Дождливыми днями девушки

[1] «Песни Билитис» (*фр.* Les Chansons de Bilitis) — изящная литературная мистификация, стилизованная под древнегреческую поэзию VII в. до н. э. Впервые изданы в Париже в 1894 году. Перевод с французского Юлии Покровской.

пряли шерсть. Они почитали нимф. Их фонтану предназначались и жертвоприношения. Часто Билитис беседовала с невидимыми нимфами.

Пасторальная жизнь ее кончилась после неудачной любви, о которой мало что известно, несмотря на многочисленные упоминания в ее песнях. Покинув маленькую дочь, она оставила Памфилию, чтобы никогда туда не возвращаться. Затем мы встречаем ее в Митиленах, куда она приехала морем вдоль азиатского берега. Ей было едва 16 лет. Лесбос был в то время центром мира. На полпути между прекрасной Аттикой и таинственной Лидией Митилены были столицей, затмевающей сами Афины, а по развращенности нравов превосходили Сард. Митилены располагались на азиатском полуострове и были окружены морем. С высоты храмов можно было видеть на горизонте Пергамский порт.

Широкие улицы города всегда наполняла толпа в пестрых пурпурных и гиацинтовых туниках, прозрачных шелках и желтых туфлях. Женщины носили тяжелые золотые серьги с огромными жемчужинами, а на руках — тяжелые браслеты из чеканного серебра. Волосы мужчин были умаслены и надушены благовониями. Голые лодыжки греков звенели от обвитых вокруг них змей из светлого металла. Жизнь в Митиленах не прекращалась и с наступлением темноты: двери отворены, звуки музыки, танцы, крики женщин. Питтакос издал указ, запрещающий ночные пиршества, но он не смог изменить укоренившихся традиций.

В обществе, где мужчины были по ночам заняты вином и танцовщицами, женщины пытались обрести утешение в своей среде.

Сафо была еще прекрасна, когда Билитис познакомилась с ней и воспела под именем Псаффа, которое она носила на Лесбосе. Безусловно, то была замечательная женщина, научившая ма-

ленькую пастушку слагать стихи. К сожалению, Билитис дает мало деталей об этой интересной фигуре. Но зато Билитис оставила около тридцати элегий о своей любви к девушке одного с ней возраста по имени Мназидика. По одному из стихов Сафо нам известно, что настоящее имя ее было Мнаис. Любовь эта длилась около десяти лет и оборвалась, видимо, из-за ревности Билитис.

Когда же Билитис поняла, что ничто более не удерживает ее в Митиленах, она переселилась на Кипр, где стала куртизанкой. В то время ими становились девушки самых знатных семей. Они поклонялись Афродите и пользовались уважением горожан. Билитис провела, по-видимому, на Кипре счастливую жизнь и прекратила петь, как она сама повествует об этом, в день, когда перестала быть любимой. В старости она пела для себя, и тогда-то, очевидно, и были написаны ее песни о жизни в Памфилии.

Гробница ее была найдена М.Г.Геймом в Палео-Лимиссо, у античной дороги, недалеко от Аматона, руины которого почти исчезли. Камни дома, где жила Билитис, предположительно находились на месте теперешней набережной Порт-Саида. Гробница не была разграблена, и Гейм проник в нее, взломав дверь. Стены ее были выложены черным амфиболитом, на котором и были выбиты все песни, а на саркофаге — эпитафии. Саркофаг был сделан из обожженной глины и накрыт крышкой, изображавшей покойницу: черные волосы, полуприкрытые глаза, подведенные тушью, как при жизни, на губах — улыбка. В саркофаге покоился скелет, украшенный драгоценностями и маленькой обнаженной Астартой. При первом же прикосновении эти хрупкие останки превратились в прах.

Пьер Луис

Буколики Памфилии

Речь матери

Мать купает меня в сумерках, одевает при солнце, причесывает на свету; но если я выхожу при первых лучах луны, она стягивает на мне пояс двойным узлом.

Она говорит: «Играй с девственницами, танцуй с детьми, не смотри в окно, избегай речей юношей и страшись советов вдов.

Однажды вечером тебя, как и всех, кто-нибудь уведет в большой кортеж поющих барабанов и влюбленных флейт.

В этот вечер, когда ты пойдешь туда, Билито, ты оставишь мне три фляги желчи: одну — на утро, другую — на полдень, третью — для праздников».

Босоножка

Черные волосы покрывают мне спину, на голове — круглая скуфейка, на теле — рубашка из белой шерсти. Ноги бронзовые от солнца.

Если бы я жила в городе, то рядилась бы в золотые украшения, золотистые рубашки и серебряные туфли. Я гляжу на свои ноги в туфлях из пыли.

Псофис! приди, маленький бедняк! унеси меня к источнику. Обняв, омой мне ноги и, положив их на цветы, надуши соком оливок и фиалок.

Сегодня ты — мой раб. Ты последуешь за мной и будешь мне служить, а на закате дня я дам для матери твоей чечевицы из своего сада.

Прохожий

Однажды вечером я сидела перед дверью дома, как вдруг появился юноша — прохожий. Он посмотрел на меня, а я отвернулась. Он заговорил со мной, а я не ответила.

Он порывался приблизиться, а я прижалась к стенке и дала бы ему пощечину, если бы он сделал хоть шаг.

Тогда, отодвинувшись, он улыбнулся и сдунул на меня с ладони, молвив: «Получай поцелуй». А я закричала! и заплакала! да так, что прибежала мать.

Взволнованная, вообразившая, что меня укусил скорпион. Я плакала: «Он меня поцеловал». Мать тоже поцеловала меня и увела, обняв.

Дождь

Частый дождь окропил все, очень нежно и тихо. Еще немного дождит. Я выйду под деревья. Босоногая, чтобы не испачкать туфель.

Весенний дождь деликатен. Ветви, нагруженные мокрыми цветами, издают оглушительный запах. Сверкает на солнце нежная кожа коры.

Увы! сколько цветов на земле! Сжальтесь над опавшими цветами. Не нужно их подметать и смешивать с грязью, сохраните для пчел.

Скарабеи и слизняки пересекают дорогу между лужами; я не хочу ни ступать по ним, ни спугивать золотую ящерицу, что вытянулась и мигает веками.

Нетерпенье

Я бросилась в ее объятья, рыдая, и долго она чувствовала поток моих горячих слез на своем

плече, прежде чем моя боль утихла и я заговорила:

«Увы! я всего лишь ребенок. Юноши не смотрят на меня. Когда же наконец у меня будут такие же груди, как у тебя, что поднимают платье и призывают к поцелуям?

Никто не бросает любопытных взглядов на мою скользящую тунику, не подымает цветов, упавших с волос моих, не грозится убить меня, если свой поцелуй отдам другому!»

Она отвечала мне нежно: «Билитис, маленькая девственница, ты кричишь, словно кошка при луне, и поступаешь безрассудно.

Таких, слишком нетерпеливых девушек, не выбирают рано».

Лесная речка

Я купаюсь в лесной реке и боюсь наяд, что живут в темной воде.

Зову их. А чтобы привлечь — вплетаю в затылок ирисы, черные, как мои волосы, черные ирисы с желтыми нитями гвоздик.

Из длинных плавучих трав я мастерю зеленый пояс и, чтобы видеть его, сжимаю груди, слегка склонив голову.

И я взываю: «Наяды! Наяды! поиграйте со мной, будьте добры!».

Но наяды прозрачны, и, быть может, сама не зная, я ласкаю их легкие руки.

Замужество подруги

Наши матери отяжелели одновременно. А в этот вечер она выходит замуж. Мелисса, моя самая дорогая подруга. Розы еще лежат на дороге, факелы продолжают пылать.

А я возвращаюсь с мамой тем же путем и мечтаю. Итак, я стану такой же, как она сегодня. Я тоже — взрослая девушка?

Этот кортеж, эти флейты, эта свадебная песнь и цветущая колесница жениха, весь этот хоровод в иной вечер закружится вкруг меня среди оливковых ветвей.

Как и Мелисса в этот час, я обнажусь перед мужчиной, я познаю ночь любви, а потом младенцы будут насыщаться из моих вздыбленных грудей.

Признание

Назавтра я пришла к ней, и мы покраснели, увидев друг друга. Она пригласила меня войти в свою комнату, чтобы побыть наедине.

Мне нужно было столько ей сказать! Увидев ее, я все позабыла. Я не решалась даже броситься к ней на шею и смотрела на ее верхний пояс…

И мне было удивительно: ничто в лице ее не изменилось, она по-прежнему моя подруга. Конечно, со вчерашнего дня она познала вещи, что вселяют робость в меня.

Внезапно сажусь к ней на колени, обнимаю ее и шепчу на ухо быстро, тревожно. Тогда она прижимает щеку к моей и все мне рассказывает…

Песня

— Тень дерев, где она, скажи мне, где моя возлюбленная?

— Она спустилась на равнину.

— Равнина, куда ушла моя возлюбленная?

— Она пошла к реке.

— Прекрасная река, скажи мне, видела ли ты ее проходящей, не возле тебя ли она?

— Она предпочла мне дорогу.

— Дорога, видишь ли ты еще ее?

— Она покинула меня ради пути.

— О белый путь, путь в город, скажи мне: куда увел ты ее?

— На золотую улицу, что ведет в город Сарды.

— О улица света, касалась ли ты босых ее ног?

— Она вошла в царский дворец.

— О дворец, великолепие земли, верни мне ее!

— Посмотри: у нее на грудях — ожерелья, а в волосах — кисти цветов; сто жемчужин — вдоль голеней, две руки — вкруг ее стана.

Услужливая подруга

Гроза длилась всю ночь. Селенис с прекрасными волосами пришла прясть со мной.

Она осталась из боязни увязнуть в глине после ливня, и, прижавшись друг к другу, мы заполнили мою маленькую постель.

Когда девушки спят вместе, сон стоит за дверью. «Билитис, скажи мне, скажи, кого любишь?» Ее нога скользит по моей, нежно лаская.

И она говорит: «Я знаю, кого любишь ты, Билитис. Закрой глаза. Я — Ликас». Я отвечаю, касаясь ее: «Разве не вижу я, что ты — девушка? Шутка твоя неуместна». Но она продолжает: «Нет, правда, я — Ликас (если ты смежишь вежды), вот руки его, вот его длани».

И нежно, в тиши, она очаровывает меня и вводит в заблуждение…

Мольба Персефоне

Очищенные ритуальным омовением и облаченные в туники, мы возложили на землю руки, нагруженные ветвями олив.

«О, подземная Персефона (или пусть ты носишь другое имя, если оно нравится тебе), выслушай нас, о Ведьма Тьмы, бесплодная неулыбчивая Королева.

Коклис, дочь Трасиманоса, больна, и больна опасно. Не призывай ее пока. Ты знаешь: ей не вырваться из твоих объятий. Попозже, однажды, ты призовешь ее.

Не увлекай ее за собой так рано, о невидимая Госпожа! Она оплакивает невинность свою и взывает к тебе через нас, а мы, чтобы спасти ее, дадим тебе трех нестриженых черных овец».

Кудель

На весь долгий день мать закрыла меня с сестрами, которых я не люблю, и что переговариваются между собой тихими голосами. А я — в уголке, с нитью пряжи.

Кудель, я наедине с тобой, и у меня нет иного собеседника. Ты, в парике из белой шерсти, напоминаешь старую даму. Выслушай же меня.

Если бы я могла, то не осталась бы в тени стен, скучая с пряжей. Я бы спала в фиалках на склонах Тороса.

Но он еще беднее нас, и моя мать не хочет нашей свадьбы. Я же обещаю тебе: либо не видать мне свадьбы, либо это будет только он, кто пронесет меня через порог.

Флейта Пана

В день Гиацинтов он подарил мне выточенную из тростника дудочку прекрасной формы с наконечником из белого воска, нежным на губах моих, точно мед.

Он научил меня играть, сидя на его коленях, отчего в меня вселялась дрожь. После меня сыграл он, да так нежно, что с трудом было слышно.

Нам нечего было сказать друг другу, настолько мы были близки, но песня наша захотела повторения, и мало-помалу наши губы соединились на флейте…

Поздно. Песня зеленых лягушек, что начинается с ночью. Мать моя никогда не поверит, что я так долго искала утерянный пояс…

Волосы

Он сказал мне: «В эту ночь я проснулся. Я оплел свою шею твоими волосами. И они были, словно черное ожерелье на моей груди.

Я их ласкал, они были моими, и мы были опутаны этими волосами, губы к губам, точно два лавра — одним корнем.

И мало-помалу мне стало казаться, что я становлюсь тобой и что ты вошла в меня, как мечта, настолько члены наши сплелись».

Когда же он кончил, то положил нежно руки на мои плечи и посмотрел так ласково, что я опустила глаза, вся трепеща.

Песня

Ночь так глубока, что проникает в мои глаза.

— Ты не увидишь дороги. Ты заблудишься в лесу.

— Шум водопада наполняет мне уши.

— Ты не услышишь голоса возлюбленного, даже если он будет всего лишь в двадцати шагах.

— Запах цветов так силен, что я изнемогаю и готова упасть.

— Ты его не почувствуешь, даже если он пересечет тебе путь.

— Ах! Он так далеко отсюда, по другую сторону гор, но я вижу его и слышу, и чувствую так, как если бы он касался меня.

Сожаление

Сначала я не ответила, и стыд залил мне щеки, а удары сердца ранили грудь.

Затем я воспротивилась и сказала: «Нет. Нет». И отвернулась, а поцелуй не достиг моих губ и любовь — сжатых колен.

Тогда он попросил прощения. Он целовал мои волосы, и я чувствовала его опаляющее дыхание, а он ушел… Теперь я одна.

Смотрю на опустевшее место, на пустынный лес, на истоптанную землю…

И я разбила в кровь свой кулак и задушила крик в траве.

Непрерывный сон

Я сплю совсем одна, словно куропатка, в вереске… Легкий ветерок, шум воды, нега ночи удерживают от пробуждения.

Я сплю, беспечная, и просыпаюсь, крича. И я борюсь и плачу, но уже поздно… Да и что могут руки ребенка?

Он же не оставляет меня. Напротив, еще нежнее, он держит меня в объятьях и прижимает к себе. А я ничего не вижу в мире: ни земли, ни деревьев, а только — свет его глаз.

Тебе, победоносный Кипр, я посвящаю этот дар, влажный от росы, остатки боли девственницы — свидетельство моего сна и сопротивления.

Песня

Когда он пришел — я спрятала лицо в ладони. А он сказал: «Ничего не бойся. Кто видел наш поцелуй? Ночь да луна».

— И звезды, и первая заря. Луна, отражаясь в озере, сказала о нем воде под ивами. Озерная вода доверила тайну веслу.

Весло передало ее лодке, а та сказала рыбаку. Увы! Увы! Если бы то было все! Но рыбак рассказал все одной женщине.

Рыбак поведал все женщине: мой отец, моя мать и мои сестры узнали об этом, и вся Эллада вскоре узнает.

Билитис

Женщина, закутанная в белую шерсть. Другая, облаченная в шелк и золото. Третья, увитая цветами, зелеными листьями и виноградом.

Я же всегда обнажена. Возлюбленный мой, возьми меня такой, какая я есть: без платья, украшений и сандалий. Вот Билитис, единственная.

Волосы мои черны своей чернотой, губы — красны своей краснотой. Локоны колышутся вкруг меня, свободные и круглые, словно перья.

Возьми меня такой, какой сотворила мать в далекую ночь любви, и если я еще нравлюсь тебе, не забудь сказать об этом.

Клятва

Когда река поднимется к вершинам гор, покрытым снегами; когда посеют ячмень и пшеницу в подвижные борозды моря; когда сосны станут рождаться из озер, а кувшинки — из скал, когда солнце почернеет; когда луна упадет на траву, тогда, только тогда я возьму другую женщину и позабуду тебя, Билитис, душа моей жизни, сердце моего сердца.

Так мне сказал он, так мне сказал он. Какое мне дело до остального мира, где живешь ты? Безрассудное счастье. Что может сравниться со счастьем моим?!

Ночь

Теперь его разыскиваю я. Каждую ночь, крадучись, я ухожу из дома и иду по длинной дороге до луга, чтобы видеть его спящим.

Несколько раз я долго и молча глядела на него, счастливая лишь оттого, что вижу его, и я приближала свои губы к его губам, чтобы поцеловать его дыхание.

Затем, внезапно, я простираюсь на нем. Он просыпается в моих объятьях и не в силах подняться из-за моего сопротивления. Он уступает и смеется, и обнимает меня. Так мы играем ночами.

Первая заря, о злой свет. Ты? Уже? В какой темной пещере, на каком подземном лугу могли бы мы долго любить друг друга, позабыв о тебе?..

Колыбельная

Спи. Я попросила тебе игрушек из Сарда и одежду из Вавилона. Спи. Ты — дочь Билитис и Царя восходящего солнца.

Леса — дворцы, что построены для тебя одной, и я отдаю их тебе. Стволы сосен — колонны, высокие ветви — своды. Спи.

Чтобы не разбудить тебя, я продала солнце морю. Ветер от крыльев голубки легче дыхания твоего.

Моя дочка, плоть от плоти моей, ты скажешь, как проснешься: хочешь ли ты равнину, или горы, или луну, или белый кортеж богов.

Дерево

Я разделась, чтобы забраться на дерево: голыми ногами обнимаю гладкую влажную кору, сандалии ступают по веткам. На самом верху, но все еще в знойной тени я оседлала развилку и

теперь болтаю пятками в пустоте. Прошел дождь. Капли воды падают на меня и струятся по телу. Ладони перепачканы мхом, а стопы красны от разбитых цветов. Когда по дереву бежит ветерок, мне чудится, что оно оживает. Тогда я плотнее сжимаю ноги и припадаю в поцелуе к заросшему затылку ветви.

Пасторальная песня

Пойте, пойте пасторали, призывайте Пана, бога летнего ветра! Я пасу стадо, а Селенис — свое в круглой тени трепетной оливы. Селенис заснула на лугу. Потом просыпается, бежит, ловит цикад, собирает цветы и травы, умывается в свежей воде источника.

Я пряду нить, выдергивая шерсть из белых овечьих спинок.

В небе проплывает орел.

Тень оливы передвигается, я переношу за ней корзину с цветами и кувшин с молоком.

Пойте, пойте пасторали, призывайте Пана, бога летнего ветра!

Сказки

Я любима маленькими детьми; завидев меня, они спешат ко мне, хватаются за тунику, за ноги своими ручонками.

Они собирают для меня цветы, отдают пойманных скарабеев, а когда у них ничего нет, они гладят меня и усаживают перед собой, целуют в щеки, кладут головы мне на грудь и умоляют глазами: я уже знаю, о чем их мольбы: «Билитис, дорогая, расскажи нам историю Персея и Елены, мы такие сегодня послушные».

Метиленские элегии

Корабль

Прекрасный корабль, доставивший меня сюда вдоль Ионического берега, я покидаю тебя в сверкающем море, чтобы легкой ногой ступить на песчаный берег.

Ты возвратишься в край, где дева была подругой нимф. Не забудь же поблагодарить невидимых советчиц и отнести им в дар эту ветвь, сорванную рукою моей.

Ты был сосной, и в горах опаляющий Нотос колебал твои игольчатые ветви, белок твоих и птиц.

Пусть же Борей сопутствует тебе и мягко внесет в порт по прихоти благосклонного моря в сопровождении дельфинов.

Псаффа

Я протираю глаза.... Кажется, уже день. Ах! Кто это рядом? Женщина? Я все позабыла из-за Пафии... О Хариты! Как стыдно мне!

В какую страну приехала я, и что это за остров, где таким вот образом занимаются любовью? Если бы не любовная моя усталость, то думалось бы, что то был сон... Возможно ли, чтобы то была Псаффа?!

Она спит. Она прекрасна, несмотря на свои остриженные, как у атлета, волосы. Это странное лицо, эта мужская грудь и прямые бедра.

Я хочу уйти до того, как она проснется. Увы! Я — у стены. Мне необходимо переступить через нее. Я страшусь задеть ее бедро: как бы она вновь не овладела мной.

Танец Глотис и Киссии

Две девушки привели меня к себе, и, лишь затворилась дверь, они зажгли светильник и пожелали станцевать для меня.

Их щеки ненакрашены и бронзовые, словно их маленькие животы. Они держатся за руки и говорят, говорят в приливе веселья.

Усевшись на матрац, Глотис запела высоким голосом, отбивая ритм ладошкой.

Киссия танцевала, затем остановилась, запыхавшись от смеха, и, взяв свою сестру за грудь, укусила ее в плечо и повалила, словно козу, желавшую поиграть.

Советы

И тогда вошла Силикма, окинув нас фамильярным взглядом. Она уселась на скамью. И посадила Глотис на одно колено, а Киссию — на другое и молвила:

«Приблизься, малышка». Но я сторонилась ее. Она повторила: «Ты страшишься нас! Приблизься, эти дети любят тебя. Они научат тебя всему, что ты отвергаешь — медовым ласкам женщин.

Мужчины грубы и ленивы. Ты познала их, конечно. Ненавидь их. У них плоская грудь, жесткая кожа, стриженые волосы, мохнатые руки. А женщины, они прекрасны.

Только женщины, одни женщины понимают толк в любви. Останься с нами, Билитис, останься. И если у тебя пылкое сердце, ты, словно в зеркале, увидишь красоту свою в телах твоих возлюбленных».

Нерешительность

Глотис или Киссию, не знаю, кого выбрать супругой. Столь несхожи они, что я боюсь ошибиться в выборе.

Каждая из них одной рукой держит меня за руку, а другой — за грудь. Но кому из них отдам я губы свои? свое сердце? и все, что невозможно поделить?

Позорно оставаться таким вот образом втроем под одной крышей. Об этом уже судачат в Митиленах. Вчера пред храмом Арес одна из проходивших женщин не поклонилась мне.

Пожалуй, я предпочту Глотис, но нет, я не в силах отвергнуть и Киссию. Что станется с нею? Оставлю-ка я обеих и выберу совсем другую.

Встреча

Я нашла ее, как сокровище, в поле под миртовым кустом, закутанную в желтый пеплос с голубой каймой.

«У меня нет подруги, — сказала она, — да и город находится в сорока стадиях отсюда. Я живу со старой вдовой матерью, что всегда печальна. И если ты не возражаешь, я последую за тобой.

Я последую за тобой до твоего дома, даже если он на другом конце острова, и я буду жить с тобой, пока ты не прогонишь меня».

Идем же. У меня нет ничего, кроме крошечной обнаженной Астарты, подвешенной на моем ожерелье. Мы положим их рядом, твою и мою, и одарим розами в награду за каждую ночь.

Маленькая Астарта из обожженной глины

Маленькая Астарта, хранительница и покровительница Мназидики, вылепленная на Сам-

просе умелым гончаром. Она величиной с блоху и сделана из мягкой желтой глины.

Волосы ее ниспадают и обволакивают широкие плечи. Глаза с красивым разрезом и маленький рот. Ибо она — Самая — Влюбленная.

Своей десницей она обозначает дельту низа живота и вдоль паха, изрешеченную дырочками. Ибо она — Самая — Прекрасная.

Левой рукой она поддерживает тяжелые груди. Меж ее высокими бедрами выступает плодовитый живот. Ибо она — Мать — Всего — Сущего.

Желание

Она вошла и страстно, закрыв глаза, приникла к моим губам, и языки наши соединились. Никогда в жизни моей не было подобного поцелуя.

Она стояла предо мной, вся в любви и согласии. Одно из колен моих мало-помалу поднималось меж чресел ее горячих, что уступали, словно любовнику.

Рука же моя блуждала по тунике ее, пытаясь угадать обнаженность тела, что упругое волнообразно изгибалось, трепеща кожей.

Исступленным взором она указала на постель, но до свадьбы мы не имели права любить друг друга, а потому внезапно разжали объятья.

Свадьбы

Утром был свадебный пир в доме Акалантис, что была избрана матерью. Мназидика была облачена в белое, я же — в мужскую тунику.

А затем в окружении двадцати женщин она одела свои праздничные одежды. Надушенная баккарисом, напудренная золотой пудрой, ее

зябкая и нежная кожа призывала к прикосновениям.

В спальне, полной листьев, она ожидала меня как супруга. И я увезла ее в колеснице между мной и нимфагогом. Одна из ее грудей пылала в моей руке.

Свадебные песни пропеты, и флейты тоже пропели. Я подняла Мназидику, подхватив под плечи и колени, и так мы переступили порог, устланный розами.

Пережитое прошлое

Я оставлю постель, какой она оставила ее, разметанной и усталой, со смятыми простынями, чтобы отпечаток тела ее остался рядом со мной.

До завтра не стану я мыться, одеваться и причесываться из опасения стереть ее ласки.

Сегодня же не стану я есть ни утром, ни днем и не буду помадить губы и пудриться, чтобы сохранить ее поцелуи.

Я запру слуг и не открою дверь из страха, что дух ее улетит вместе с ветром.

Метаморфоза

Когда-то я была влюблена в мужскую красоту и воспоминания о мужских речах волновали меня.

Я даже помню, что вырезала одно имя на коже платана и что оставила часть туники своей на дороге, где проходил кое-кто.

Я вспоминаю, что была любима... О, Паннихис, мое дитя, в чьих руках оставила я тебя?

Сегодня же и навеки лишь одна Мназидика обладает мной; я принесла ей в жертву счастье тех, кого покинула ради нее.

Безымянная могила

Мназидика, взяв меня за руку, повела за городские ворота, до клочка невозделанной земли, где стояла стела из мрамора. И она молвила: «Это — могила подруги матери моей».

Меня охватила сильная дрожь, и, не выпуская ее руки, склонила я голову на ее плечо, чтобы прочесть четыре стиха меж углублением фонтана и змеей:

«Не смерть увела меня, а нимфы фонтанов. Я покоюсь здесь, под легкой землей, с волосами, остриженными Ксанто, что единственная оплакала меня. И я не назову имени своего».

И долго стояли мы, не совершая жертвенного возлияния: ибо не знали, как вызвать неизвестную душу из толпы ада.

Тройственная красота Мназидики

Чтобы Мназидике покровительствовали боги, я пожертвовала Афродите-Что-Любит-Улыбаться двух зайцев и двух голубок.

Арес я пожертвовала двух бойцовых петухов, а жуткой Гекате — двух собак, что выли под ножом.

И не без основания воззвала я к трем этим бессмертным: Мназидика носит на лике своем отражение их тройного благословения.

Губы ее красны, как медь; волосы отливают стальной голубизной, а глаза черны, словно серебро.

Пещера нимф

Твои ноги нежнее, нежели у аргентинки Тетис. Своими скрещенными руками ты соединяешь груди свои и ласкаешь их нежно, как тела двух прекрасных голубок.

Из-под волос твоих открываются влажные глаза, дрожащий рот и красные розы ушей. Но ничто, даже горячее дыхание поцелуя твоего, не остановит моего внимания.

Ибо в тайниках своего тела ты, любимая Мназидика, скрываешь пещеру нимф, ту, что воспел старик Гомер; место, где наяды прядут пурпурные нити.

Место, откуда истекают капля по капле неиссякаемые источники, откуда северные ворота выпускают мужчин, а южные — впускают бессмертных.

Грудь Мназидики

Робкой рукой распахивает она свою тунику и протягивает мне свои теплые и нежные груди так, как если бы предлагала богине пару живых горлиц.

«Люби их, — говорит она, — я их очень люблю! Это — мои дорогие дети. Я занимаюсь с ними, когда бываю одна. Я балую их и играю с ними.

Я окропляю их молоком. Я пудрю их цветами. Мои тонкие волосы, что вытирают их, им милы. Я ласкаю их, касаясь легко. Я укладываю их в шерстяную постель.

Поскольку у меня никогда не будет детей, будь их младенцем, любовь моя, и поскольку они так далеки от моего рта, поцелуй их за меня».

Кукла

Я подарила ей куклу, восковую куклу с розовыми щеками. Руки ее прикреплены маленькими шпильками, а ноги складываются сами.

Когда мы вместе, она укладывает ее между нами, и это — наш ребенок. Вечерами она укачивает ее и кормит перед сном грудью.

Она соткала для нее три маленьких туники, и мы дарим ей украшения и цветы в день Афродиты.

Она заботится о ее целомудрии и не выпускает одну, особенно на солнце, чтобы та не превратилась в восковые капли.

Нежности

Сожми нежно руки свои на мне, как пояс. О прикоснись, о прикоснись к коже моей! Так! Так! Ни вода, ни полуденный бриз не могут сравниться в нежности с дланями твоими.

Люби меня сегодня ночью, моя сестренка, сегодня — твоя очередь. Вспомни нежности, которым научила тебя я в минувшую ночь. И поскольку я устала, опустись молча предо мной на колени.

Твои губы опускаются на мои, волосы следуют за ними, как ласка — за поцелуем. Они скользят по левой груди моей и скрывают глаза.

Дай же мне руку твою. Она горяча! Сожми мою, не выпускай ее. Руки соединяют лучше ртов, и страсть их ни с чем не сравнима.

Игра

Я — игрушка для нее, лучшая, чем все мячи и куклы. Долго и молча, как ребенок, она забавляется каждым участком моего тела.

Она распускает мне волосы и вновь собирает их по прихоти своей: либо завязывает под подбородком, как платок, либо поднимает в шиньон или заплетает в косы.

Удивленно она разглядывает цвет моих ресниц, ямку локтя. Иногда же заставляет меня встать на колени и положить руки на простыни.

Тогда (и это — одна из игр) она скользит головкой вниз, имитируя дрожащего козленка, что сосет у брюха матери своей.

Сумерки

Под прозрачным льняным покрывалом мы скользим, она и я. Головы наши склонились, и лампа освещала ткань над нами.

Таким я увидела ее дорогое тело в таинственном свете. Мы были так близки, так свободны, так обнажены. «В одной рубашке», — говорила она.

Мы оставались под покрывалом, чтобы быть еще больше открытыми. И в душном воздухе постели два запаха женских подымались от двух естественных курильниц.

Никто в мире, даже лампа, не видел нас этой ночью. Кто из нас была любима, лишь она и я, мы можем это сказать. А мужчины, те вовсе не узнают об этом.

Спящая

Она спит среди распущенных волос, руки запрокинуты за затылок. Снится ли ей что-нибудь? Рот ее приоткрыт, дыхание свободно.

Пером белого лебедя, не разбудив, я вытираю пот ее рук, лихорадку щек. Ее сомкнутые вежды, словно два голубых цветка.

Очень тихо я поднимаюсь: пойду зачерпнуть воды, подоить корову, взять огня у соседей. Я хочу быть завитой и одетой, когда она откроет свои глаза.

Сон, задержись меж прекрасных загнутых ресниц и продли ночь счастливым сновидением.

Поцелуй

Я исцелую из конца в конец длинные черные крылья твоего затылка, о нежная птица, пойманная голубка, чье сердце стучит под моей рукой.

Я возьму твой рот в свой, как ребенок берет грудь матери. Дрожи! Поцелуй проникает глубоко и достаточен для любви.

Я пройдусь легким языком по рукам твоим, вкруг шеи и по чувствительным бедрам протяжной лаской ногтей.

Послушай, шумит в твоем ухе рокот моря… Мназидика! твой взгляд причиняет мне боль. Я заключу в поцелуй твои пылающие, словно губы, веки.

Исступленное объятие

Люби меня, нет, без смеха флейт или вьющихся цветов, но сердцем и слезами, как люблю тебя я грудью своей и стонами.

Когда груди твои соприкасаются с моими, когда я чувствую сопряженность наших жизней, когда колени твои подымаются позади меня, тогда задыхающийся рот мой не может больше соединиться с твоим.

Обними меня, как обнимаю тебя я! Гляди, светильник умирает, мы падаем в ночь. Я сжимаю твое зыбкое тело в своих объятьях и слышу твой непрерывный стон…

Стенай! Стенай! Стенай! о, женщина! Эрос несет нам боль. В этой постели ты страдала бы меньше, рожая ребенка, чем от рождения любви.

Сердце

Дрожащая, я взяла ее руку и с силой прижала к влажной коже груди своей. Качая головой, я шевелила губами без слов.

Мое сумасшедшее сердце, упругое и твердое, стучало в грудь, словно бился заключенный в бурдюк сатир. Она произнесла: «Сердце твое причиняет тебе боль».

«О, Мназидика, — ответила я, — сердце женщины не здесь. Это — всего лишь бедная птица, голубка, что хлопает слабыми крыльями. Сердце же женское ужасно.

Напоминающее миртовую ягоду, оно горит в красном пламени и омывается обильной пенной влагой. Я чувствую, куда укусила меня ненасытная Афродита».

Ночной разговор

Мы отдыхаем, глаза закрыты, вкруг нашего ложа — необъятная тишина. Неизреченная летняя ночь! Но та, что думает, будто я сплю, кладет свою горячую ладонь на мою.

Она шепчет: «Билитис, ты спишь?» Сердце мое трепещет, но, не отвечая, я дышу мирно, словно спящая. Тогда она продолжает:

«Поскольку ты не слышишь меня, — говорит она, — ах, как люблю я тебя!» И она повторяет имя мое, чуть касаясь меня кончиками дрожащих пальцев:

«Он мой, этот рот! только мой! Есть ли прекраснее в мире иной? Ах! Счастье мое! Мое счастье! Они мои, эти обнаженные руки, этот затылок и эти волосы!»

Отсутствие

Она ушла, она далеко, но я вижу ее, поскольку в этой комнате все полно ею, все, все принадлежит ей, и я — тоже.

Эта постель еще тепла, здесь я давала волю губам своим. На этом изголовье лежала ее головка, опутанная волосами.

Этот бассейн, тот самый, где она омывалась. Этот гребень пронзал спутанный узел ее волос. Эти туфли принимали ее обнаженные ноги. Этот газ поддерживал ее груди.

Но то, до чего не осмеливаюсь я дотрагиваться, это — зеркало, в котором она разглядывала горячие синие пятна и где, возможно, живет еще отражение ее влажных губ.

Любовь

Увы! когда я думаю о ней — горло мое пересыхает и голова падает, груди твердеют и причиняют мне боль. Я дрожу и плачу.

Если я вижу ее, сердце останавливается, руки дрожат, ноги леденеют, огненный румянец подымается к щекам, в висках отдает болью.

Прикасаясь к ней, я схожу с ума, руки напрягаются, колени слабеют. Я падаю пред ней и распластываюсь, как умирающая.

Все, о чем говорит она, меня ранит. Любовь ее — пытка. И прохожие слышат стоны мои…

Увы! Как можно звать ее «Любимой»?

Очищение

Вот и ты! Распусти подвязки и пряжку, и тунику. Разденься до сандалий, до лент на ногах, до повязки на груди твоей.

Смой черноту бровей и помаду с губ. Яви белизну плеч твоих и развей волосы в воде.

Я хочу, чтобы была ты чистой, такой, как родилась ты в ногах оплодотворенной матери твоей и пред славным твоим отцом.

Такой целомудренной, что рука моя заставит тебя покраснеть до ушей, и одно слово мое, сказанное на ухо, сведет с ума глаза твои.

Вечер перед очагом

Зима сурова, Мназидика. Все застыло вокруг, кроме нашей постели. Подымись, пойдем со мной, я развела очаг из сухих корней и деревьев.

Мы согреемся, присев обнаженные, с волосами за спиной, выпьем из одного бокала молока и съедим медовые пирожные.

Как весело гудит пламя! Не слишком ли ты близко придвинулась к огню? Кожа твоя краснеет. Дай же мне поцеловать всюду, где огонь воспламенил тебя.

В пылающих головнях я разогрею железный прут. Угасшим углем я начертаю имя твое на стене.

Глаза

Широкие глаза Мназидики, какой счастливой делаете вы меня, когда любовь питает и оживляет вас, наполняя слезами.

А какой сумасшедшей — когда вы поворачиваетесь, рассеянно следя за проходящими женщинами или вспоминаете о том, что мне не принадлежит.

Тогда щеки мои вваливаются, руки дрожат, и я страдаю… Мне кажется, что со всех сторон перед вами проходит моя жизнь.

Широкие глаза Мназидики, не переставайте смотреть на меня! Иначе я выколю вас, и вы не увидите ничего, кроме ужаса ночи.

Молчание Мназидики

Она просмеялась весь день и даже немного потешилась надо мной. Она отказалась подчиниться мне на глазах у нескольких иноземок.

Когда же мы возвратились к себе, я решила не разговаривать с ней. Она же бросилась мне на шею, промолвив: «Ты рассердилась?» Я сказала: «Ах, ты больше не прежняя, ты уже не та, что в первый день. Я не узнаю тебя более, Мназидика». Она ничего не ответила.

Но одела все те свои украшения, что долго не носила, и то же желтое платье с голубой каймой, как в день нашей встречи.

Сцена

— Где ты была?

— У продавщицы цветов. Я купила прекрасные ирисы. Вот они. Я принесла их тебе.

— Так долго ты покупала четыре цветка?

— Продавщица задержала меня.

— Твои щеки бледны и глаза блестят.

— Это — дорожная усталость.

— Твои волосы влажны и спутаны.

— Это от жары и ветра, что их растрепал.

— Но пояс твой! Он перевязан! Я сама сделала узел слабее, чем этот.

— Настолько слабый, что он развязался. Проходящая рабыня его перевязала.

— А вот след на твоем платье.

— Это упала вода с цветов.

— Мназидика, душа моя, твои ирисы самые прекрасные в Митиленах.

— Я знаю это… Я знаю.

Одиночество

Для кого теперь красить губы? Для кого полировать ногти? Для кого душить волосы?

Для кого румянить груди, если они не прельщают ее более? Для кого омывать молоком руки, если никогда более они не обнимут ее?

Как смогу я заснуть? Как смогу спать? В этот вечер рука моя тщетно ищет в постели ее теплую руку.

Я не отваживаюсь более возвращаться к себе, в ужасную пустую комнату. Не решаюсь открывать дверь и глаза.

Письмо

Это невозможно, невозможно! Я бросаюсь в слезах на колени. Я не в силах сдержать слез, что льются на это страшное письмо.

Знаешь ли ты, как это ужасно — утратить тебя вновь, навсегда, вторично, после той необъятной радости от надежды вновь обрести!

Выслушай меня, согласись увидеться со мной еще раз. Будь завтра на закате у двери твоего дома. Завтра или в другой день. Я приду взять тебя. Не отказывай мне в этом.

В последний раз, возможно, но... еще раз, еще лишь раз! Я умоляю тебя об этом, я кричу и знаю: от твоего ответа зависит моя жизнь.

Пытка

Ты очень завидовала нам, Жиринно, пылкая дева. Что это за букеты подвешивала ты на дверной молоток? Ты ожидала, когда мы пройдем, и шла следом по улицам.

Теперь ты, согласно твоим желаниям, распростерлась на любимом месте, с головой на подуш-

ке, что хранит другой женский запах. Ты крупнее ее, твое чужое тело меня удивляет.

Смотри, я уступила тебе наконец. Да, это — я. И ты можешь играть моей грудью, ласкать мой живот и отворять мои колени. Мое тело, все целиком, отдано твоим неутомимым поцелуям. Увы!

Ах! Жиринно! Глаза мои полнятся слезами любви! Вытри их волосами, не целуй их, дорогая, и прижми меня ближе, еще ближе, чтобы укротить мою дрожь.

Жиринно

Не помышляй, что я полюбила тебя. Я просто съела тебя, как фигу, я выпила тебя, как обжигающую влагу, и я обвила себя тобой, словно поясом.

Меня забавляла твоя плоть, короткие волосы, крошечные груди на худом теле и черные соски, словно два маленьких финика.

Как необходимы вода и фрукты — необходима и женщина. Но я уже не знаю более имени твоего, да и тебя, что прошла сквозь руки мои, словно тень той, другой, обожаемой.

Меж нашими телами пребывала мечта. Я прижимала тебя к себе, как к ране, и я кричала:

«Мназидика, Мназидика!»

Последняя попытка

— Что тебе надо, старуха?

— Утешить тебя.

— Напрасный труд.

— Мне сказали, что после разрыва ты переходишь от одной к другой, не находя забвения и покоя. Я пришла предложить тебе кое-кого.

— Говори.

— Это — юная рабыня из Сарда. Нет ей равных в мире, поскольку она — одновременно и мужчина, и женщина, несмотря на то что грудь ее, длинные волосы и чистый голос вводят в заблуждение.

— Возраст?

— Шестнадцать.

— Рост?

— Высокий. Она никого не знает здесь, кроме Псаффы, что без ума от нее и хочет купить за двадцать мин. Если же ты берешь ее, она — твоя.

— А что мне с ней делать? Вот уже двадцать две ночи, как я пытаюсь забыться. Ладно, возьму и эту тоже, но предупреди бедняжку, чтобы не пугалась, если я стану рыдать в ее объятьях.

Мучительное воспоминание

Я помню (и в какой только день и час не стоит она у меня перед глазами!), я помню ее манеру подымать волосы слабыми и бледными пальцами.

Я помню ночь, что она провела, играя моей грудью, так нежно, что радость меня разбудила, а назавтра на лице ее был красный бугорок.

Я вижу ее, вижу ее протянутую руку с чашкой молока и улыбчивый взгляд. Вижу ее пудрящейся и причесывающей, открывающей большие глаза перед зеркалом и трогающей помаду губ.

И особенно (настолько мое отчаяние мучительно) все, что я знаю, мгновение за мгновением: как она слабеет в объятьях, что спрашивает, и все, что дает…

Погребальная песня

Спойте со мной мою погребальную песню, митиленские музы, спойте!

Земля темна, как траурные одежды, и желтые деревья трепещут, словно остриженные волосы.

Герайос! Грустный и нежный месяц! Листья падают медленно, словно снег; светлое солнце пронзает лес… Я ничего более не слышу, лишь тишину.

Вот несут к могиле Питаккоса, обремененного годами. Многие из тех, кого я знала, умерли. А те, что живы, для меня тоже не существуют.

Это — десятая осень, чью смерть я зрю на этой равнине. Настало время исчезнуть и для меня. Плачьте со мной, митиленские музы, плачьте в следы моих ног.

Молитвы

Что нужно тебе? Скажи. Хочешь, я продам свои драгоценности и найму услужливую рабыню, чтобы она следила твои желания по глазам и жажду — по губам?

Если запах молока наших коз тебе невыносим, я найму для тебя кормилицу с набухшими сосцами, которая будет тебя к ним прикладывать по утрам, словно младенца.

Если постель моя груба для тебя, я скуплю все нежнейшие подушки, все шелковые покрывала и пуховые одеяла у амафузских купцов.

Только сердце твое должно принадлежать мне одной, а если доведется нам спать на голой земле, то пусть эта земля покажется тебе нежнее, чем теплая чужая постель.

Эпиграммы острова Кипр

Гимн Астарте

Нетленное существо, неистощимая мать, первой родившаяся, порожденная сама собой и са-

ма собой задуманная, происшедшая из себя самой, кто соединит тебя с тобой, Астарта!

О, вечно плодородная, о, девственница и кормилица всего, целомудренная и сладострастная, чистая и ищущая наслаждений, ночная, неизреченная, нежная, пышущая пламенем, пена моря!

Ты, что тайно милуешь приговоренного; ты, единственная; ты, что любишь; ты, что внушаешь желание множеству рас животных и соединяешь их в лесах в любовном экстазе!

О, Астарта, неотразимая, выслушай меня, возьми меня, обладай мной, о, Луна! И тринадцать раз, всякий год, вырви из чрева моего кровь для жертвенного возлияния.

Гимн ночи

Черные массы деревьев колышутся лишь на склонах гор. Звезды заполняют огромное небо. Воздух, теплый, как человеческое дыхание, ласкает мои глаза и щеки.

О, ночь, порождающая богов! Как нежна ты на устах моих! Как тепла в волосах! Как ты входишь в меня в этот вечер и как я чувствую себя переполненной твоею весной!

Распускающиеся цветы рождаются из меня. Дуновение ветра — мое дыхание. Струящийся аромат — мое желание. Все звезды — в глазах моих.

Твой голос — не шум ли он моря, не тишина ли равнин? Твой голос. Я не понимаю его, он пронзает меня с ног до головы, а слезы мои омывают ладони.

Менады

Сквозь леса, что властвуют над морем, менады рвутся вперед. Со смуглыми грудями, потря-

сающие фаллосом из сикоморы, вымазанным киноварью.

В венках из виноградных листьев, они бегут и кричат, и скачут. Гремучие змеи бьются в их руках, и тирсы рвут гремящие барабаны.

Волосы влажны, ноги проворны, потные щеки, смятые груди, пена у губ. О, Дионис! они предлагают тебе в награду ту же любовь, что ты обрушил на них!

Морской ветер вздымает к небу красные волосы Гелиоса, завивая их, словно яростное пламя белого воскового факела.

Жрицы Астарты

Жрицы Астарты занимаются любовью с восхода луны; затем они просыпаются и омываются в широком бассейне, окаймленном серебром.

Своими загнутыми пальцами они расчесывают волосы, и их ногти, покрытые пурпуром, смешиваясь с черными локонами, напоминают ветви кораллов в темном колыхании моря.

Они никогда не выщипывают волос, дабы божественный треугольник отмечал их животы, как храм; они берут в руки кисть и душатся возможно глубже.

Жрицы Астарты занимаются любовью на восходе луны, затем в ковровом зале, под единственной сверкающей высокой золотой лампой внезапно засыпают.

Мистерии

За трижды таинственной чертой, куда не проникают мужчины, мы чествуем тебя, ночная Астарта, Мать Мира, Фонтан божественной жизни!

Я раскрою кое-что из тайн, но не более дозволенного. Вкруг увенчанного Фаллоса сто два-

дцать женщин раскачиваются, стеная. Посвященные одеты мужчинами, другие — в разрезанных туниках.

Дымы благовоний, дымы факелов плывут меж нами, словно облака. Я плачу жгучими слезами. У ног Бербеи все мы бросаемся на спины.

Наконец, когда религиозный Акт выполнен, и пурпурный Фаллос погружен в Единый Треугольник, тогда-то и начинается мистерия… но об этом я умолчу.

Египетские куртизанки

Я отправилась вместе с Планго к египетским куртизанкам вверх по старому городу. Они обладают глиняными амфорами, медными блюдами и желтыми циновками, на которых постоянно стоят на коленях.

Их комнаты без углов, молчаливы. Тем выгоднее для голубой извести, покрывающей карниз и окаймляющей подножие стен.

Они неподвижны, руки — на коленях. Когда они предлагают кушанья, то бормочут: «Благополучие». А когда их благодарят, говорят: «Спасибо тебе».

Они понимают по-эллински и притворяются плохо говорящими, чтобы потешиться над нами на своем языке. Но мы, зуб за зуб, мы говорим по-лидийски, чем вызываем их смятение.

Благовония

Я умащу свою кожу, чтобы привлечь мужчин. В серебряном бассейне я омою благовониями с Тарсоса ноги мои. Вкруг моих рук — вьющаяся мята, на бровях и веках — майоран Корсики. «Рабыня, уложи мне волосы и наполни их дымом ладана». Вот притирания с гор Кипра, которые

потекут между грудями; розовый ликер с Фазелиса набальзамирует мне затылок и щеки.

А теперь окропи поясницу несравненным баккарисом. Для куртизанки полезнее знать благовония Лидии, чем нравы Пелопонесса.

Украшения

Золотая диадема венчает мой широкий лоб. Пять золотых цепочек, окружающих мои щеки и подбородок, ниспадают на волосы двумя широкими пряжками.

На руках моих, которым позавидовала бы Ирис, нанизано тринадцать серебряных браслетов. Как они тяжелы! Но это — оружие, и мне ведом враг, что пострадает от него.

Я в самом деле покрыта золотом. Груди мои закованы в золотые латы. Изображения богов не смогут соперничать со мной в великолепии.

И я ношу на моем плотном платье пластинчатый серебряный пояс. Читай на нем стих: «Люби меня вечно, но не огорчайся, если я изменю тебе трижды за день».

Чистая вода бассейна

— Чистая вода бассейна, неподвижное зеркало, расскажи о моей красоте.

— Билитис, или кто бы ты ни была, может быть, Тетис или Амфитрита, ты прекрасна, знай это.

Твой лик склоняется под густыми волосами, наполненными цветами и благовониями. Твои влажные веки с трудом открываются, а чресла устали от любовных утех.

Тело твое устало от тяжести грудей, несущих на себе тонкие следы ногтей и голубые пятна поцелуев. Руки твои покраснели от объятий. Каждая линия твоего тела была любимой.

— Светлая вода бассейна, твоя свежесть приносит отдохновение. Прими же меня, совершенно усталую. Унеси румяна со щек и пот с чрева, и воспоминания о ночи.

Челядь

Четверо рабов служат у меня: два могучих фракийца стоят в дверях, сицилиец — на кухне, а немая и покорная фригийка обслуживает мою постель.

Фракийцы — красивые мужчины. В их руках палки, чтобы отгонять нищих любовников, а молоток — чтобы стучать в стену, когда меня вызывают.

Сицилиец — редкий повар. Я плачу ему двенадцать мин. Никто иной так не готовит пирожки и маковые пирожные.

Фригийка купает меня, причесывает и выщипывает мне волосы. Она спит по утрам в моей комнате и каждый месяц по три ночи заменяет на любовном ложе.

Торжество Билитис

Процессия пронесла меня с триумфом, нагую в раковине колесницы, куда рабыни отряхнули ночью лепестки десяти тысяч роз.

Я возлежала с руками за головой, лишь ноги мои были одеты в золото. Тело в неге вытянулось на ложе из волос, раскинутых на свежих лепестках.

Двенадцать детей с крыльями за плечами обслуживали меня, словно богиню: одни держали балдахин, другие кропили благовония или курили фимиам.

Вокруг я слышала рокот страстей толпы. И дыхание вожделений плыло над моей наготой в голубом душистом тумане.

Флейтист

Меликсо, с сомкнутыми бедрами, со склоненным телом и вытянутыми вперед руками, ты скользишь своей двойной флейтой по влажным от вина губам и играешь над ложем, где Телас еще сжимает меня в объятьях.

Не слишком ли я бесстыжа, я, что нанимаю девушку для развлечений, я, что появляюсь нагой перед любопытными взорами любовников? Не слишком ли я неосмотрительна?

Нет, Меликсо, маленький музыкант, ты — честный друг. Вчера ты не отказался помочь мне, сменив одну флейту на другую, когда я уже отчаялась справиться с трудной любовной задачей. Но ты, ты был верен.

Я знаю, о чем ты думаешь. Ты ждешь не дождешься конца этой бесконечной ночи, что напрасно оживила тебя, и ранним утром ты убежишь на улицу с единственным твоим другом, Псиллосом, на свой слежавшийся матрац.

Неизвестный

Он спит. Я не знаю его. Я боюсь. Но... сума его полна золота, и, входя, он дал рабыне четыре драхмы. Я же рассчитываю на мину.

Но я приказываю фригийке лечь с ним вместо меня. Он пьян и неразборчив. Лучше смерть под пыткой, чем лечь рядом с этим мужчиной.

Увы! я унеслась в мечтах в луга Тороса... Я была маленькой девственницей. Тогда у меня была легкая грудь, и я была так безумна от любовных томлений, что ненавидела своих замужних сестер.

Чего бы я ни отдала сейчас, чтобы заполучить то, от чего я отказалась в ту ночь! Теперь груди мои сморщились, и в моем съежившемся сердце Эрос засыпает от усталости.

Последний возлюбленный

Дитя, не проходи, не полюбив меня. Я еще прекрасна. Ночью. Ты увидишь, насколько моя осень теплее весны иных.

Не ищи любви у девственниц. Любовь — сложное искусство, в каком мало сведущи девушки. Я изучала его всю жизнь, чтобы отдать последнему возлюбленному.

Моим последним возлюбленным будешь ты, я знаю это. Вот мой рот, из-за которого мужчины бледнели от желаний. Вот мои волосы, воспетые Великой Псаффой.

Я соберу в твою честь все, что мне осталось от утраченной юности. Я исполню даже все воспоминания. Я отдам тебе флейту Ликаса и пояс Мназидики.

Утренний дождь

Ночь стирается. Тают звезды. Вот последние куртизанки появляются со своими возлюбленными. А я, под утренним дождем, я пишу эти строки на песке.

Деревья отягощены влагой. Ручейки пересекают тропинки, увлекая за собой землю и мертвые листья. Дождь, капля за каплей, дырявит мою песню.

О! Как мне грустно и одиноко! Молодые не глядят на меня, старики — забыли. Пусть. Они выучат мои стихи, они и дети их детей.

Вот чего не скажут себе ни Таис, ни Миртала, ни Гликерия в день, когда щеки их ввалятся. Те же, кто будет любить после меня, пропоют мои строфы.

Настоящая смерть

Афродита! безжалостная богиня! ты захотела, чтобы прекрасная молодость с пышными волосами сползла с меня в несколько дней. Не мертва ли я в самом деле?!

Я вижу себя в зеркале: нет у меня ни улыбки, ни слез. О нежный лик, что любила Мназидика, не верится, что ты принадлежал мне.

Может ли быть, что все кончено? Я ведь не прожила еще даже пять раз по восемь лет, и кажется мне, что я родилась вчера, и вот настал час сказать: меня больше не полюбят.

Волосы мои острижены, я перевязала их поясом и жертвую тебе, вечный Кипр! Не перестану любоваться тобой. А это — последний стих набожной Билитис.

Грудь

Увитые цветами, о груди мои! как вы сладострастны и полны! Я беру вас в руки: сколько нежности и мягкости, тепла и юного аромата!

Когда-то вы были холодны, словно грудь статуи, тверды с бесчувственностью мрамора.

Теперь вы податливы, и я за это вас больше люблю и нежу. Ваши гладкие выпуклости — гордость моего смуглого тела. Заключаю ли я вас в золотую сеть или выпускаю нагими на волю, вы придаете мне великолепие.

Будьте же счастливы в эту ночь. Если под моими пальцами родятся ласки, они будут только для вас, до самого утра: в эту ночь Билитис заплатила Билитис.

Купание

Дитя, сторожи дверь и не впускай посторонних пока я с шестью девушками буду купаться в теплой воде бассейна.

Мы хотим повеселиться и поплавать. Пусть наши любовники останутся за дверью. Мы омочим ноги в воде и, сидя на мраморных берегах, сыграем в кости.

Мы поиграем в мяч. Не впускай никого. Наши волосы мокры, шеи жалки, как у кур, и кончики пальцев сморщились. Тот, кто застанет нас нагими, пожалеет. Билитис далеко не Афина, но и она появляется лишь в определенные часы. И может испепелить взглядом.

Совет влюбленному

Если хочешь понравиться женщине, о юный друг, никогда не объявляй ей, что ты ее желаешь, сделай так, чтобы она тебя видела каждый день, потом исчезни и снова появись.

Если она обратится к тебе, не спеши. Она сама придет. Прибереги силы на тот день, когда она решит отдаться.

Когда примешь ее на своем ложе, пренебреги своим удовольствием. Руки влюбленной женщины дрожат, и в них нет нежности.

Избавь их от усердия, но сам ты не должен отдыхать. Продли поцелуи до потери дыхания, не давай ей заснуть, несмотря на ее просьбы.

Целуй те части тела, куда она укажет взглядом.

Могила Билитис

Эпитафия первая

В стране, где источники рождаются из моря и где ложа рек пролегают в глухих скалах, я, Билитис, родилась.

Моя мать — финикийка, отец, Демофилос, эллин. Мать научила меня библейским песням, грустным, как первая заря.

Я обожала Астарту на Кипре. Я знала Псаффу на Лесбосе. Я пела о том, как любила. Хорошо ли, прохожий, прожила я жизнь свою, спрашиваю я у дочери твоей.

Не закалывай в мою честь черной козы, а вместо жертвенного возлияния надави на ее сосцы над могилой моей.

Эпитафия вторая

На мрачном бреге Менаса, на Тамассосе Памфилии, я, дочь Демофилоса, Билитис, родилась. Я покоюсь вдали от родины моей, ты это видишь.

Совсем ребенком я познала любовь Астарты и Адониса, тайны святой Сирии и смерть, и возврат к той, что с круглыми веками. Достойно ли порицания то, что я была куртизанкой? Не было ли это моим женским предназначением? Чужестранец, нас ведет Мать — Всего — Сущего. Отречься от нее — неосмотрительно.

Из признательности к тебе, тому, что остановился, я желаю судьбе: будь любимым, не любя сам. Прощай, вспомни в старости, что ты видел мою могилу.

Эпитафия последняя

Под черными листьями лавров, под влюбленными листьями роз упокоилась я, что сплетала стихи и заставляла цвести поцелуи.

Я выросла в земле нимф; я прожила на острове друзей; я умерла на Кипре. Вот почему мое имя известно, и моя стела блестит от масла.

Не оплакивай меня ты, что остановился: мне устроили пышные похороны, где плакальщицы изодрали себе щеки; мои зеркала и ожерелья покоятся вместе со мной.

И теперь на бледных лугах ада я прохаживаюсь неосязаемой тенью, и воспоминания о моей земной жизни составляют радость жизни моей подземной.

Эрик Шевийяр

ОДИН СЛУЧАЙ ЖИВОЛЮБИЯ[2]

Не бывает настоящего живолюбия без мизантропии, часто повторяет Альбер Муандр, холостяк, мизантроп и живолюб, ибо та любовь, которую мы транжирим на себе подобных, уже не перепадет, скажем, буренушке, и ей, лишенной ласки, дарованной в ослеплении сварливому ребенку, только и остается, что душераздирающе мычать.

И посему в жизни Альбера Муандра, не утратившего невинности друга ручьев и затонов, где откладывает яйца саламандра, и зари, которую приветствует криком петух, нет места супруге.

В извечном конфликте, сталкивающем человека и блоху, Альбер Муандр на стороне блохи. Он сочинил для нее патриотический гимн. Из вечера в вечер точит сему двукрылому оружие. Учит его прыгать, опираясь на задние ноги, чтобы не попасть под оплеуху грубого животного. Он вшил в простыню крохотную белую одежку, чтобы оно не попадалось на глаза.

Альбер Муандр одинаково любит всех животных, как земноводных, так, например, и ящериц. Ты можешь реветь или каркать, он тебя выслушает. Альбер Муандр расстроен, что у него недостает зубов, чтобы ответить кайману улыбкой на улыбку. Живолюб — противник какой бы то ни было дискриминации, связанной с пятнами или полосами на шкуре. И даже если некоторые

[2] Перевод с французского Виктора Лапицкого.

крупные обезьяны среди высших приматов и вызывают у него своего рода инстинктивное отвращение, Альберу Муандру не без успеха удается его превозмочь. К тому же в их неподатливой шерсти ему то и дело попадаются колонии вшей — воплощенная въяве утопия. Он лично знаком с большинством индивидов, из коих эти колонии состоят, — между ними никогда нет места спорам.

Я люблю осла и кальмара, говорит Альбер Муандр. Люблю цаплю. И хлопает в ладоши.

Альбер Муандр голышом выходит на улицу и в самые свирепые морозы: по его белому телу так и снуют соболи, куницы, бобры. Кровь норки греет куда лучше, нежели ее мех, заявляет он.

Живолюб не потребляет животную плоть. Более того, охотно подкармливает плотоядных, и у Альбера Муандра сегодня не хватает куска ягодицы, завтра — щеки. И каждый раз за этим стоит не только спасенная антилопа, но и не растратившая силы на выматывающую охоту львица.

И если бы ему пришлось пожертвовать чем-то на насесте своих протянувшихся от одного плеча к другому ключиц, он бы купировал как раз эту голову холостяка, которая, печально покачиваясь из стороны в сторону, занимает место двух радужных красавцев-попугаев или двух несчастных, облезлых крыс. Он так бы, впрочем, давно и поступил, если бы пара аистов не вбила в голову из года в год вить гнездо у него в волосах. Такова банальная причина его неподражаемой прически, порождающей самые невероятные слухи.

Я люблю волка и панголина, говорит Альбер Муандр. Люблю кенгуру. И его глаза блестят.

Кто мне наконец объяснит, почему обувь продается в гробиках домашних кошек и кроликов? — возмущается Альбер Муандр, затем на мгновение отрешается от мира, прежде чем со

всеми подобающими церемониями предать земле в их картонной коробке и шуршащем саване из папиросной бумаги пару туфель из замши или свиной кожи. Тот дождь, что проливается на сад, — это его слезы.

Животному неведомо отчаяние. Его ум лишен ясности, но радаром проницает тьму. Альбер Муандр снова плачет, на сей раз над самим собой.

Для того чтобы щекотать ноздри коня, не переставая поглаживать его по крупу, нужен куда больший, нежели у него, размах.

Ну и высокая же она, верно? — говорит он толпящимся вокруг жирафы посетителям, и вид у него при этом отца, гордящегося великолепными достижениями дочери.

Я люблю дождевого червя и страуса, говорит Альбер Муандр. Люблю носуху. И вздрагивает.

Два глаза — это на один больше, чем необходимо для созерцания сего мира — весьма плачевного, пока белочка не выглянет из своего дупла, зрелища, — ну а воронов, тех хлебом не корми — дай выклевать подобные вишенки… вот почему Альбер Муандр одноглаз, а коли на ногах у него не хватает нескольких пальцев, то дело тут в том, что река отнюдь не каждый день приносит на поживу пираньям тушу буйвола, а жить-то как-то надо.

Во вспотевших сочленениях суставов его пальцев можно сделать, как говорится, кладку, если у тебя крохотные яички, если же они побольше, подойдут заросли подмышек; Альбер Муандр не станет разжимать пальцы, будет держать руки по швам, пока не вылупятся ваши личинки или птенчики.

Я люблю пеликана и выдру, говорит Альбер Муандр. Люблю морского конька. И смеется.

Для вас открыты все отверстия его тела: войдите в его каналы и трубы, в его трахеи — только попробуйте: внутри свежо, тенисто, липко, слад-

ко, все в вашем вкусе, и к тому же всегда идет один из тех процессов ферментации, что так вас пьянят. Добро пожаловать!

Пиявки, преданные языки, не отваливайтесь, Альбер Муандр только для вас и живет.

А что там с зоофилией?

Нужно уметь добиться, чтобы тебя принимали определенные популяции, уклончиво отвечает Альбер Муандр, но лицо его вспыхивает. А тараканы с его кухни имеют с ним небольшое, но вряд ли способное ввести в заблуждение семейное сходство. Просто приятели? Не верится.

Но неужто можно всерьез вообразить, будто его зачерствевшее тело так никогда и не выйдет из оцепенения или что метафизическое восхищение состоянием взаимной влюбленности было ему, кроме как в мечтаниях, заказано, забронировано за мрачным холостяцким переливанием из пустого в порожнее?

Откуда сия согбенная спина, сей хронический сколиоз? Все дело в том, что Альбер Муандр большую часть времени проводит у черепахи, а не у себя дома. Что такое интимная близость, ему известно куда лучше, чем женатым мужчинам.

Никто из богов не заслуживает, чтобы перед ним склонял колена живолюб. Я преклоняюсь только перед муравьем, улиткой и ужом, говорит Альбер Муандр. И простирается ниц.

Живолюб впадает в зимнюю спячку, перебирается на летнее пастбище, принимает брачную окраску, мигрирует, идет на нерест, собирает мед и проходит через троицу метаморфоз, как и все на свете. Ничем особым он не отличается.

Познания по поводу Альбера Муандра постоянно углубляются и расширяются, однако ничто при этом не закреплено и буквально все нужно раз за разом начинать с самого начала: Зойка, его серенькая норушка, по ходу дела сгрызает

все, что только ни печатается по его поводу. Этот новый документ кончит точно так же.

Эжен Ионеско

ФОТОГРАФИЯ ПОЛКОВНИКА[3]

Это было в самом деле прекрасное место. Белоснежные дома окружали цветущие сады. Широкие улицы украшали тенистые деревья. У ворот поджидали новые, сверкающие машины. Безоблачное небо излучало чистый голубой свет. Я снял плащ, перекинул его через руку.

— Здесь всегда хорошая погода, иначе не бывает, — заметил городской архитектор, который сопровождал меня. — Поэтому участки очень дорогие. Виллы построены из самых лучших материалов. Здесь живут богатые, веселые, здоровые, во всех отношениях приятные люди.

— Действительно, — подтвердил я. — Тут и листья, я смотрю, уже распустились, при этом их легкая тень не затемняет фасады зданий, а в других районах города небо затянуто серыми тучами, будто седыми прядями, ветер вздымает слежавшийся снег. Сегодня утром я проснулся, дрожа от холода. А сейчас — как будто перенесся за тысячу километров, на юг, в самый разгар весны. Если летишь на самолете, то словно попадаешь в другой мир. Однако, чтобы оказаться, например, на Лазурном берегу, нужно сначала добраться до аэропорта, а потом более двух часов провести в воздухе. Сюда же я приехал на трамвае. Путешествие имело место на месте, простите мне этот невольный каламбур, — я ус-

[3] La photo du colonel, 1962. Перевод с французского С. Матвиенко.

тало улыбнулся. — Чем это объясняется? Может быть, этот район как-то особенно защищен от непогоды? Но ведь вокруг нет холмов. Да холмы и не спасают от дождей, это известно. А может, дело в каких-то теплых воздушных потоках? Но об этом знали бы. А так — и ветра нет, а воздух свежий. Удивительно.

— Просто это оазис, — ответил мой спутник. — Небольшой островок, какие нередко встречаются в пустынях, когда среди раскаленных песков вдруг возникает дышащий прохладой, яркий от роз, окруженный водоемами призрачный город.

— Вы говорите о миражах, — блеснул я эрудицией.

Мы гуляли по парку, в центре которого был небольшой пруд, мимо особняков, садов, цветов, и прошли так около двух километров. Вокруг царили спокойствие — и оглушительная тишина, которая сначала казалась умиротворяющей, но теперь начинала тревожить.

— Почему так пустынно на улицах? Кроме нас, совсем нет других прохожих. Время обеденное, все должны собраться по домам. Почему же не слышно звяканья посуды, звона бокалов, смеха, разговоров? Почему закрыты все окна?

Мы как раз проходили мимо двух строительных площадок. Среди зеленых деревьев белели недостроенные здания.

— Как жаль, что я так мало зарабатываю, сказал я, — если бы у меня были деньги, я купил бы здесь участок. Вот и дом уже почти готов. Уехал бы из грязного пригорода с его бедными обитателями, холодными, пыльными, пропахшими фабричными дымами улицами. А здесь такой чудесный, сладкий воздух.

Я с наслаждением вдохнул полной грудью.

Мой спутник помрачнел.

— Полиция заморозила строительство. Ведь квартиры все равно никто не покупает. Здешние жители давно собрали бы свои вещички и покинули этот квартал, если б имели, где жить. А может быть, теперь это для них дело чести — остаться. И они остались, забившись в свои роскошные квартиры. Выходят лишь в случае крайней необходимости, группами по десять-пятнадцать человек. И все равно это небезопасно.

— Вы это серьезно? Или просто разыгрываете меня? Хотите напугать? Зачем вы омрачаете такой замечательный день?

— Мне вовсе не до шуток, уверяю вас.

У меня сжалось сердце. Вокруг будто все померкло. Этот чудесный пейзаж, в котором я растворился, которым упивался, который уже успел стать частью меня, вдруг отстранился, отделился от меня, превратился в мертвый образ, заключенный в раму. Я почувствовал себя безнадежно одиноким, окруженным бездушной пустотой.

— Ради Бога, что все это значит? Еще несколько минут назад все было так прекрасно! Я надеялся провести приятный день, чувствовал себя таким счастливым…

Мы опять подошли к пруду.

— Дело в том, — объяснил архитектор, — что здесь, именно здесь, каждый день обнаруживают двух-трех утопленников.

— Утопленников?!

— Вот, вы можете сами в этом убедиться.

Подойдя к краю пруда, я и в самом деле увидел, что в воде покачиваются распухший труп офицера в форме инженерных войск и тело мальчика пяти-шести лет, его рука намертво сжимала палочку для серсо.

— Вон там еще один, — архитектор вытянул руку. — Сегодня их трое.

То, что я сначала принял за водоросли, было рыжими волосами, расстилающимися на поверхности воды.

— Какой ужас! Это женщина?

Архитектор пожал плечами.

— Наверное. Один — мужчина, второй — ребенок…

— И очевидно, мать этого ребенка. Несчастные! Кто это мог сделать?

— Все тот же неуловимый убийца.

— Значит, и нам угрожает опасность! Уйдем отсюда! — воскликнул я.

— Пока вы со мной, вы в безопасности. Я муниципальный служащий. Убийца не нападает на представителей власти. Вот если я выйду на пенсию, но пока…

— Давайте уйдем! — взмолился я.

Мы поспешили отойти от пруда. Скорее покинуть этот квартал! «Богатство не гарантирует счастья», — подумал я, и меня охватила отчаянная тоска и безысходность. Зачем жить, если таков конец?

— Возможно, его арестуют до вашего выхода на пенсию? — спросил я.

— Это совсем не просто. Мы делаем все возможное, поверьте мне, — ответил он хмуро. И добавил: — Не сюда. Так вы будете кружить и все время возвращаться на это место.

— Прошу вас, выведите меня отсюда. А ведь так замечательно начинался день! Теперь эта ужасная картина все время будет стоять у меня перед глазами!

— Не надо было вам показывать этих утопленников…

— Нет, я предпочитаю знать, лучше все знать…

Через несколько минут мы уже были за границами квартала, на окружном бульваре. На остановке в ожидании трамвая толпился народ.

Небо было беспросветно серым, тяжелым. Я сразу же закоченел, поэтому надел плащ, укутал шею шарфом. Шел дождь со снегом, образовывая на тротуаре грязные лужи.

— Вы не торопитесь? — спросил меня архитектор (я только что узнал от него, что он является также комиссаром полиции), — может, пропустим по стаканчику?

Он, в отличие от меня, опять повеселел.

— Здесь рядом, в двух шагах от кладбища, есть бистро, там, кстати, и венки продают.

— Нет, у меня решительно нет настроения…

— Да не расстраивайтесь вы так. Жизнь будет немила, если принимать близко к сердцу все несчастья, которые преследуют человечество. Ведь постоянно где-то кого-то убивают, в том числе детей, кто-то погибает, старики умирают от голода, полно вдов, сирот, несчастных…

— Все это так, господин комиссар, но когда это происходит на твоих глазах, очень трудно сохранять спокойствие.

Мой спутник хлопнул меня по плечу:

— Вы слишком чувствительны, мой друг!

Мы вошли в бистро.

— Сейчас мы поднимем вам настроение. Два пива! — заказал комиссар.

Мы выбрали место возле окна. К нам подошел толстый бармен в жилетке, закатанные рукава рубашки открывали волосатые руки.

— Для вас у меня найдется особенное пиво! — сказал он.

— Постойте, угощаю я, — остановил меня комиссар, увидев, что я полез в карман за деньгами.

Я же никак не мог прийти в себя.

— Хотя бы иметь описание его внешности!

— Оно у нас есть. Во всяком случае, мы знаем, как он выглядит. Его портреты расклеены всюду.

— Откуда они у вас?

— Обнаружили у утопленников. Кроме того, некоторые его жертвы, находясь в предсмертной агонии, сумели нам кое-что сообщить. Мы знаем, как он действует. Все обитатели квартала, между прочим, это знают.

— Тогда почему появляются все новые жертвы?

— В самом деле, каждый вечер на его удочку попадаются два-три человека. И нам никак не удается его схватить.

— Непонятно.

Между тем похоже было, что архитектора все это немало забавляет.

— Убийца поджидает своих жертв на остановке трамвая, — начал рассказывать он. — Изображая нищего, он подходит к выходящим из трамвая пассажирам и просит милостыню, изо всех сил стараясь их разжалобить. Будто бы он только что вышел из больницы, никак не может найти работу, одинок, не имеет крыши над головой. Попадется ему жалостливый человек — и он уже мертвой хваткой вцепляется в него. Умоляет что-нибудь у него купить — искусственные цветы, ножницы, какие-то неприличные картинки. Человек отказывается, говорит, что спешит, но убийца не отстает. Так они доходят до пруда. И здесь он исполняет свой коронный номер — являет фотографию полковника. Почему-то это всегда срабатывает. Жертва склоняется, чтобы рассмотреть фотографию — ведь уже начинает темнеть, — в этот момент убийца и наносит свой удар: толкает несчастного в пруд.

— Невероятно. Все всё знают — и все равно попадаются.

— Да, ловушка весьма хитроумная и искусная.

Я невольно бросил взгляд на остановку. Из подъехавшего трамвая выходили люди, но нико-

го подозрительного поблизости не было. Комиссару нетрудно было угадать, о чем я думаю.

— Он не появится — он знает, что мы здесь.

— А почему не установить пост? Здесь же может дежурить переодетый полицейский.

— Это невозможно. У наших людей и так по горло работы. Кроме того, они тоже не могут устоять перед фотографией полковника — мы ведь пробовали, и уже пять человек утонули. Ох, если б мы знали, где его искать!

Я распрощался с архитектором-комиссаром, поблагодарив его за то, что он сопровождал меня и рассказал об этих ужасных преступлениях. Жаль только, что эта информация не попадет на страницы газет: я не имею никакого отношения к журналистике и никогда не выдавал себя за репортера.

То, что я услышал, наполнило меня глубокой, безысходной тоской и отчаянием.

Дома, в мрачной и темной (днем отключают электричество) гостиной с нависающими потолками, где царит вечная осень, меня ждал Эдуар. Худой, изможденный, весь в черном, с мертвенно-бледным несчастным лицом и лихорадочно блестящими глазами, он сидел возле окна. Как видно, лихорадка все еще мучила его. Заметив, что я не в себе, он спросил о причине. Я начал рассказывать, но Эдуар прервал меня: весь город об этом знает, сказал он слабым, дрожащим голосом. Как могло случиться, что я об этом ничего не слышал? — удивился он. Давно известны все подробности, а люди даже, можно сказать, свыклись с этими реалиями, хотя, естественно, и возмущаются.

Я, в свою очередь, был удивлен тем, что мой рассказ не произвел на него должного впечатления. Впрочем, я, скорее всего, несправедлив к Эдуару: ведь его снедает болезнь, туберкулез. Да и разве можно разобраться в чужой душе?

— Давайте немного пройдемся, — предложил Эдуар. — Я уже целый час жду вас, а здесь так холодно. На улице, должно быть, теплее.

Я чувствовал себя опустошенным, разбитым и охотнее всего отправился бы в кровать, но все же согласился прогуляться с ним.

Он поднялся, надел черную фетровую шляпу, серый плащ, взял в руки свой тяжелый портфель и тут же его выронил. Из портфеля выпали фотографии — фотографии полковника — с усами, приятным, располагающим лицом, в парадной форме. Когда мы водрузили портфель на стол, оказалось, что в нем еще множество таких снимков.

— Ведь это именно те злополучные фотографии! — воскликнул я. — Откуда они у вас? И почему вы мне об этом ничего не сказали?

— Я очень редко открываю свой портфель, — пробормотал он.

— Но вы же всегда его с собой носите!

— Однако это не значит, что я должен все время в нем рыться.

— Так давайте сейчас посмотрим, что еще там лежит.

Он засунул в портфель свою болезненно-белую руку с искривленными суставами — и вытащил множество вещей: искусственные цветы, неприличные картинки, конфеты, детские часы и копилки, пеналы, булавки, какие-то коробочки и сигареты. Весь стол оказался завален. И как только все это умещалось в портфеле?

— Мои здесь только сигареты, — сказал Эдуар.

— Но это же вещи убийцы! — вскричал я. — У вас в портфеле!

— Я ничего об этом не знал.

— Выкладывайте все! — потребовал я.

Он стал извлекать из портфеля визитные карточки преступника, его удостоверение с фо-

тографией, записи с именами жертв, а также дневник — в нем были подробно описаны все его чудовищные злодеяния, изложено его кредо, взгляды и планы.

— Да это же неопровержимые улики! — я был очень возбужден. — Мы можем добиться его ареста!

— Я даже не подозревал, — пролепетал Эдуар.

— Вы могли спасти столько людей, — не сдержался я.

— Я потрясен, но я уже говорил, что редко заглядываю в свой портфель и никогда не знаю, что в нем.

— Но ведь все эти вещи не могли сами туда попасть! Где вы их взяли — нашли, вам кто-то их дал?

Он до слез покраснел, и мне стало жаль его.

— Вспомнил! — воскликнул Эдуар через несколько секунд. — Преступник прислал мне свой дневник, свои признания с просьбой, чтобы я где-нибудь их опубликовал. Это было давным-давно, до всех этих убийств. Может быть, тогда он и не собирался их совершать, может; мысль о реализации этих чудовищных идей пришла ему в голову много позже. Я же не придал этому значения, приняв за бред сумасшедшего. Я очень сожалею, что не задумался, не сопоставил эти записи с последующими событиями, не увидел связи между намерениями и поступками.

Эдуар вытащил из портфеля большой конверт. В нем была карта и подробный план действий преступника, с указанием точного времени его нахождения в том или ином месте.

— Мы должны немедленно передать все это в полицию, — сказал я. — И они его схватят. Поспешим, префектура закрывается рано. Когда стемнеет, там уже никого не сыщешь, а завтра

убийца может изменить свои планы. Надо найти комиссара.

— Конечно, — без энтузиазма согласился Эдуар.

Выскочив из квартиры, мы встретили в коридоре консьержку, которая попыталась нам что-то сказать, мы успели услышать только: «Вы не могли бы...», — но не остановились.

На улице мы замедлили шаг, чтобы восстановить дыхание. Справа от проспекта, куда ни глянь, расстилались возделанные поля, слева была городская застройка. И с одной, и с другой стороны изредка попадались чахлые деревья. Небо было окрашено кровавым отблеском заходящего солнца. Прохожие почти не встречались. Мы шли по трамвайным путям (похоже, трамвай уже не ходил), они простирались до самого горизонта.

Откуда-то взялись три или четыре военных грузовика, они, заблокировав проезжую часть, перегородили дорогу и нам. Мы с Эдуаром вынуждены были остановиться, и тут я заметил, что у моего друга нет с собой портфеля. Оказалось, что в спешке он забыл портфель дома.

— О чем вы только думали! — набросился я на ошеломленного Эдуара. — Без улик к комиссару идти бессмысленно. Бегите за портфелем. Я же должен предупредить комиссара, чтобы он не ушел. Поторопитесь и постарайтесь поскорее догнать меня. Не очень-то приятно оставаться на улице одному.

Эдуар ушел. Мне стало не по себе. Тротуар в этом месте опускался ниже уровня проезжей части, надо было подняться на четыре высокие ступеньки, что я и сделал, как раз поравнявшись с одним из грузовиков. Внутри, тесно прижавшись друг к другу, сидели молодые солдаты в темно-зеленой форме, человек сорок. У одного из

них в руках был букет красных гвоздик, он использовал его в качестве веера.

Тут на дороге появились полицейские и принялись командовать, чтобы ликвидировать пробку. Они были громадного роста, их дубинки взлетали выше деревьев.

Одного из этих полицейских о чем-то униженно просил седой, скромно одетый прохожий, казавшийся рядом с ним совсем маленьким. Полицейский что-то грубо ему ответил, не переставая регулировать движение. Пожилой человек, видимо, не расслышал и переспросил. Тогда страж порядка выругался и отвернулся, продолжая свистеть. Его поведение возмутило меня. Ведь должность обязывает его быть вежливым с людьми. «Мы сами виноваты, — подумал я, — робеем перед полицейскими, позволяем им грубо с нами обращаться».

Второй полицейский подошел к грузовику с солдатами. Было видно, что ситуация на дороге его сильно раздражала, и в этом я был с ним солидарен. Полицейский был такого высокого роста, что мог не подниматься по ступенькам на проезжую часть. Он стал грубо вычитывать солдатам, обвиняя их в создании пробки на дороге, хотя они были совершенно ни при чем. Особенно почему-то досталось солдатику с красными гвоздиками.

— Ведь это не я остановил машину, господин полицейский, робко оправдывался солдатик.

— Мотор не заводится из-за твоего идиотского букета, придурок! — заорал полицейский и ударил солдата по лицу. Тот стерпел это без единого слова. Тогда полицейский выхватил у него букет и отшвырнул его далеко в сторону.

Я был вне себя от возмущения: полиция командует армией! Куда катится эта страна?!

Полицейский вдруг повернулся ко мне:

— Не вмешивайтесь не в свое дело! — угрожающе произнес он, видимо, прочтя мои мысли. — Что вы вообще здесь делаете?

Я объяснил ему, в чем дело, и попросил помочь мне.

— Я должен попасть в префектуру, к комиссару. Я друг комиссара, и у меня есть неопровержимые улики против убийцы; наконец-то его можно будет арестовать. Может ли кто-нибудь проводить меня?

— Только не я, моя задача — регулировать движение.

— Но как же…

— Я же сказал — это меня не касается, неужели непонятно? Ступайте к шефу, раз вы ему приятель, а мне не мешайте работать. Знаете, куда идти? Вот и отправляйтесь.

— Хорошо, господин полицейский, — вежливо ответил я, хоть эта вежливость далась мне нелегко.

— Пропусти господина, — с издевкой сказал он своему коллеге.

Тот сделал разрешающий жест. А когда я проходил мимо него, он с непонятной ненавистью прошипел:

— Ненавижу!

И у меня это слово вертелось на языке.

И вот я один на пустынной улице, военные машины остались далеко позади. Темнело, крепчал ветер, усиливалась моя тревога. Успеет ли Эдуар? Инцидент на дороге не шел у меня из головы. Эти полицейские! Они только и умеют что отчитывать, а когда нужна их помощь, когда речь идет о вашей безопасности, их не дозовешься…

Строения окончились, теперь уже с обеих сторон тянулись неприветливые серые поля. А этой дороге с трамвайными рельсами, по которой я шел, казалось, не будет конца. Только бы не

опоздать! — билась в моей голове одна-единственная мысль.

И тут я увидел его. Без сомнения, это был убийца. А вокруг — лишь безмолвное, пустынное пространство да шелест старых газет, гонимых ветром по асфальту. Заходящее солнце высвечивало контуры префектуры, она находилась на расстоянии нескольких сот метров от меня, за спиной убийцы. Я увидел, как из только что подошедшего трамвая на остановке возле префектуры выходили люди, отсюда они казались совсем маленькими. Если бы я и закричал, меня бы никто не услышал. Значит, на помощь рассчитывать не приходится.

Я прирос к месту, не мог шевельнуться, меня словно парализовало. «Эти негодяи-полицейские, — мелькнула мысль, — они знали, что убийца здесь, и поэтому пропустили меня».

Нас разделяло не более двух метров. Я во все глаза смотрел на него. Он тоже меня разглядывал, и при этом отвратительно посмеивался, — уже немолодой человек, худой и небритый, этакий хлюпик, похоже, намного слабее меня. Одет он был в грязное, поношенное пальто с оторванными карманами, из старых, дырявых башмаков торчали пальцы, на голове — мятая, давно потерявшая форму шляпа... Одну руку он упрятал в карман, а в другой держал огромный нож с острым лезвием, холодный свет которого отражался в его глазах.

Я никогда не видел такого взгляда — ледяного, безжалостного и в то же время неистового. Взгляд неумолимого убийцы. Так, наверное, смотрит на свою жертву змея или тигр. Было очевидно, что на него ничто не подействует — ни увещевания, ни угрозы, ни обещания; его ничто не разжалобит, никакая красота не тронет, никакая мудрость не заставит устыдиться или хотя бы осознать чудовищную бессмысленность его

деяний. Бессильными оказались бы и слезы святых, и молитвы всходящих на Голгофу.

В полном безмолвии я вытащил из кармана пистолет и направил его на убийцу. Ни один мускул на его лице не дрогнул. Моя рука безвольно опустилась. Я был обезоружен, беспомощен, я почувствовал всю безнадежность своих усилий: пуля бессильна перед этой неумолимой ненавистью, моя жалкая воля не может противостоять этой разрушительной энергии, этой беспощадной, не подвластной разуму жестокости…

МИЗОЛОГИЯ

Кир Несис

ЖЕСТОКАЯ ЛЮБОВЬ КАЛЬМАРОВ

ЛЮБОВЬ у кальмаров? Тоже мне нежности... Это вам не каракатицы, у которых самец загодя выбирает лучший участок дна, охраняет его от других самцов, приманивает самку и, одевшись в самые броские цвета, красиво за ней ухаживает. И не осьминоги, у которых самец специально демонстрирует самке разные детали своего тела, чтобы она усвоила, что он вполне готов к важной службе и сразу кушать его нельзя, разве что после спаривания, а оно может длиться (например, у гигантского северотихоокеанского осьминога с Дальнего Востока) более часа... Спаривание же кальмаров, разумеется тех, которые были изучены, по продолжительности приближается к скоротечному воздушному бою: слетелись — сцепились — разлетелись... И никаких церемоний! Поэтому когда мой коллега, известный полярный исследователь Игорь Мельников летом 1992 г. вернулся с дрейфующей льдины из Антарктики (с Американо-Российской дрейфующей станции «Уэдделл-I») и сказал, что они там на льдине, в лунке, поймали сачком двух кальмаров и скоро их привезут, — я и подумать не мог, какая жестокая кальмарья любовь мне откроется. Но по порядку!

Спаривание у всех головоногих состоит в том, что самец передает самке один или несколько

сперматофоров. Сперматофор — это похожий на узкую трубочку пакет со спермой. Сперматофоры могут быть короткими или длинными (от нескольких миллиметров до метра с лишним, обычно же сантиметровых размеров). И это не просто трубочка со спермой, а хитрое устройство, имеющее сложную оболочку и весьма замысловатый аппарат для выбрасывания спермы, снабженный чувствительным волоском, мощной пружиной и тюбиком с клеем, прикрепляющим живое к живому, да еще в водной среде (прямо мечта хирурга!). Сперматофоры находятся у самца в специальном органе (нидхемовом мешке), заканчивающемся пенисом, который тоже может быть простой трубкой или сложно устроенным аппаратом. А передает он их самке у одних видов пенисом, у других — специально видоизмененной рукой; она называется «гектокотиль» и снабжена особыми зажимами или щипчиками, чтобы прочно схватить сперматофор, выходящий из воронки (открытой конической трубки на нижней стороне головы — сопла реактивного движителя головоногого моллюска), и передать его самке, поместив именно в том месте, где нужно.

Место это — совершенно определенное и у каждого вида кальмаров свое: у одних для помещения сперматофоров служит ямка подо ртом с типичным для кальмаров попугайным клювом, у других они располагаются на ротовой мембране, кольцом вокруг рта, у третьих — вблизи жабр, на внутренней стенке мантии (мускулистой оболочке тела, за которую кальмаров и ценят, потому что именно ее едят), у четвертых — на затылке, в особой ямке. Впрочем, есть, кажется, и такие виды кальмаров, у которых самцу все равно, куда приклеить сперматофоры — хоть на голову, хоть на хвост, лишь бы разгрузиться.

Помещены ли сперматофоры в специальную ямку, приклеены ли к внутренней стороне мантии или распределены вокруг рта — в любом случае, выйдя из тела самца, они вступают в контакт с морской водой, и тут начинается процесс, именуемый сперматофорной реакцией, а проще — взрывом сперматофора. Чувствительный волосок надрывает тонкую перепонку, и морская вода осмотическим путем поступает внутрь оболочки сперматофора. Но оболочка прочная, двуслойная, вода давит на пружину, сжимает ее, и в конце концов наружная оболочка не выдерживает и разрывается у переднего конца пружины. Пружина вылетает наружу, вытягивает за собой внутреннюю оболочку, содержащую сперму, а тюбик с клеем прикрепляет ее к коже кальмарихи. Там сперма спокойно дожидается нереста, который у кальмаров бывает лишь раз в жизни. Кальмариха может спариваться перед самым нерестом, будучи вполне половозрелой, а может и задолго до нереста, месяца за два, за три, будучи еще совсем незрелой. В этом случае самцов на нерестилище вовсе не бывает, их к тому времени, может, уже и на свете-то нет.

Вот самка выметывает яйца. Если сперматофоры приклеены возле жабр — яйца проходят мимо них сразу после выхода из яйцеводов; если сперматофоры размещены на затылке самки — яйца двумя ниточками выметываются через два отверстия по бокам шеи, справа и слева от затылка, если же они выметываются через воронку, значит, проходят мимо кольца сперматофоров вокруг рта. Так или иначе, яйца обязательно оказываются у того места, где хранится сперма, и оплодотворяются.

Стремительное спаривание у кальмаров действительно подобно воздушному бою. И в том, и в другом случае успех загодя обеспечивается технически: в авиации — локатором, компью-

терным расчетом выхода в атаку и сложнейшим устройством ракеты или авиапушки, у кальмаров — изощренным строением сперматофора и прехитростными приспособлениями для прикрепления спермы в нужной позиции и сохранения ее в жизнеспособном состоянии на протяжении 2-3 месяцев — без всякого жидкого азота!

Вроде бы все понятно. Только почему-то у меня получалось, что далеко не все. Я только пришел работать в Институт океанологии Академии наук и начал изучать океанических кальмаров и осьминогов, как в руки мне попались две самки кальмара — их извлек из желудка рыбы алепизавра, выловленной в 1963 г. в Индийском океане, южнее Суматры, мой шеф Н.В.Парин. Оба кальмара были совершенно студенистые, будто не кальмары, а медузы, и без щупалец. Но не оттого студенистые, что переваренные, и не потому без щупалец, что их рыба откусила: кальмары были свежехонькие, вся окраска сохранилась, и у обоих бросалось в глаза по одной недлинной полоске на брюхе. Странные полоски — как острым ножом прорезаны, начинаются чуть отступя от переднего края и идут в сторону хвоста параллельно оси тела. Из каждого разреза выглядывают головки сперматофоров, и что интересно: сами сперматофоры аккуратно уложены под кожей (совершенно целой!) в тканях мантии, и лишь их головки (то место, где прикрепляется чувствительный волосок) и шейки (где лежит пружина) торчат в разрез. Причем все сперматофоры — пустые, без спермы, одни оболочки. Очевидно, сперма была использована по назначению: обе самки отнерестились, и зрелых яиц у них не было.

Такие кальмары давно описаны в литературе. Считалось, что это — особый род и вид *Chaunoteuthis mollis* (*mollis* по-латыни мягкий), в котором, как ни странно, известны были только

самки, все зрелые, все студенистые, все без щупалец и с разрезами на брюхе: у кого один разрез, справа или слева от середины брюха, у кого — два (по обе стороны). И в разрезах — сперматофоры. Но относится сей род и вид к семейству, в котором все прочие роды и виды мясистые, со щупальцами и на щупальцах сидят крупные острые крючья. Семейство называется: крючьеносные кальмары, *Onychoteuthidae*. Подумайте: мясистые крючьеносные кальмары, но без мяса и крючьев. И без самцов.

Как возникают разрезы на брюхе самки и как оплодотворяются яйца? Разные авторы высказывали предположения, что, дескать, разрезы самец делает клювом, а самка, выметывая яйца, прогоняет их у себя под брюхом, и по пути они оплодотворяются. Странно: клюв кальмара, как и клюв попугая, — это не коготь; он хорош для раскусывания, а не для разрезания пищи, мягкую мантию самки он может порвать, но не разрезать. Яйца выходят наружу через воронку в сторону головы, и самке трудно их развернуть к брюху, а если и удастся, много ли яиц окажется оплодотворенными при такой странной операции?

В то время я не смог в этом разобраться. Постепенно, однако, накапливались зарубки в памяти: в разных семействах кальмаров есть отдельные виды, известные только по самкам, всегда студенистым и без щупалец, да к тому же выловленным на поверхности океана (а другие виды тех же семейств — глубоководные, довольно-таки мясистые и со щупальцами). Кое-каких я и сам изловил и рассмотрел свеженькими. Крепла мысль, что эти «мягкие» самки относятся не к особым, а к вполне обычным видам, только при половом созревании они претерпевают студенистое перерождение, мантийные мышцы у них редуцируются, ткани обводняются, щупальца

автотомируются — отрываются сами собой (как хвост у ящерицы), от их стеблей не остается и следа, разве только одинаковые справа и слева короткие основания, а такого не может быть, если щупальца кем-то оторваны или откушены. Как я предположил — и это потом подтвердилось — кальмары *Chaunoteuthis mollis* оказались самками обычных для тропиков и субтропиков Мирового океана крючьеносных кальмаров *Onychoteuthis banksii* (тех самых, молодь которых некогда атаковала в Тихом океане бальсовый плот Тура Хейердала «Кон-Тики»: спасаясь от хищных рыб, кальмарчики разгонялись до такой скорости, что вылетали из воды и падали на плот). А завершивших размножение самцов в наших сборах нет, видимо, потому, что они, погибая после нереста, не всплывают к поверхности, а тонут. Значит, студенистого перерождения не претерпевают и остаются до смерти тяжелее воды.

Вот тут-то и подоспели два кальмара, пойманные сачком в лунке на дрейфующей льдине в море Уэдделла. Обе — самки, и довольно крупные, больше полуметра. Но легкие — с очень тонкой мантией, студенистые и без щупалец. Несомненно, выметали всю икру — только острый глаз моего друга и коллеги-кальмарщика Чингиза Нигматуллина обнаружил в яйцеводе каждой из самок по одному-единственному зрелому яйцу, случайно там оставшемуся. У обеих кальмарих на спине в передней части тела под кожей — сперматофоры. Длинные, 30-35 мм. У одной — поперек тела, строго параллельно друг другу, а у другой — и вдоль, и поперек, но тоже параллельно друг другу. Значит, эта самка два раза спаривалась. И опять же совершенно пустые сперматофоры, одни их прозрачные на просвет оболочки лежат в толще мантийных мышц (точнее, того, что от них осталось после студенистого перерож-

дения), причем лежат ближе к внутренней стороне мантии, чем к наружной. Кожа над ними абсолютно целехонькая, типичный изящный рисунок сохранился прекрасно. А если посмотреть изнутри — рядом с головкой каждого сперматофора видно кругленькое «окошечко», открывающееся на внутреннюю сторону мантии. Значит, сперматофор «взорвался», сперма вытекла внутрь мантии и уже использована. Стало быть, все-таки яйца оплодотворяются именно внутри тела. Да и ясное дело, не на спине же у самки это происходит!

Вид кальмара определить не составило труда: налицо все характерные признаки *Galiteuthis glacialis* (в переводе — ледяной соленый кальмар; по-русски — из-за покрытой мельчайшими шипиками кожи — он называется антарктическим шероховатым кальмаром). Это один из самых обычных и массовых антарктических кальмаров. Не очень мясистый, скорее кожистый, но с мощными щупальцами, вооруженными крепкими и очень острыми крючьями. Притом вид глубоководный, взрослые кальмары живут на глубинах 500-2500 м. Самцы ледяного, или шероховатого, кальмара хорошо известны. Только их не на поверхности моря подбирали, а так же, как молодь и неполовозрелых самок, ловили крупногабаритными глубоководными тралами.

Этих кальмаров с удовольствием едят кашалоты, громадные дельфины бутылконосы, морские слоны, тюлени Уэдделла — а это все мастера глубокого заныривания. Но также альбатросы — птицы до того легкие, что нырнуть даже на маленькую глубину неспособны и кормятся только с поверхности. У альбатроса глотка здоровенная, и ледяного кальмара он может заглатывать целиком. Едят альбатросы и гигантских кальмаров, а те живут еще глубже, чем ледяной. Многие исследователи ломают голову: как неспособные ны-

рять птицы ухитряются поедать гигантских глубоководных кальмаров?

Но вот теперь все стало на свои места. Почти все. Потому что ответов оказалось немало, но вопросов появилось еще больше. Да, действительно, самки многих глубоководных и полуглубоководных кальмаров из разных семейств, и маленьких, и гигантских, при половом созревании претерпевают студенистое перерождение и утрачивают щупальца, а после нереста всплывают к поверхности и погибают. Их-то и высматривают альбатросы, часами, не взмахнув крылом, парящие над волнами. Самцы же, похоже, не перерождаются, остаются мускулистыми и щупалец не утрачивают, а после смерти тонут и достаются на обед глубоководным хищникам и мусорщикам. Их остатки находили немецкие исследователи у рыб-долгохвостов (макрурусов), добытых на дне Атлантического океана на глубине нескольких километров.

Самка, утерявшая щупальца и почти всю мускулатуру, ловить добычу не в состоянии. У всех студенистых кальмаров, которых я исследовал, желудки были пусты или содержали микроскопические остатки пищи. Значит, весь период созревания яиц и нереста самка живет на собственных энергетических запасах — питается, так сказать, своими мышцами.

Мне кажется, что самец ледяного кальмара при спаривании раздирает мантию самки своими острыми крючьями, как когтями, а какие царапины оставляют кошачьи когти, каждый испытал на себе! Число царапин на мантии изученных нами самок приблизительно равно числу крючьев на одном щупальце самца. У спаривавшейся самки ледяного кальмара, описанной американским зоологом Э.Максуини, их было вдвое больше — очевидно, самец пустил в ход оба щупальца. Поэтому-то царапины и параллельны —

одним взмахом сделаны! Затем самец аккуратно укладывает в каждый разрез по сперматофору. Чем? Может быть, пенисом, но скорее — руками. У половозрелых самцов ледяного кальмара концы рук спинной, а часто и спинно-боковой пары удлинены, оттянуты, присоски на них очень маленькие. А манипулировать руками головоногие умеют прекрасно. Самки осьминогов сплетают стебельки своих яиц в длинные грозди и приклеивают их к потолку норы. Самки одного вида каракатиц, у которых яйца с двумя стебельками, надевают их на веточки мягкого коралла и связывают стебельки узелком, получается вроде кольца на пальце. А самки рифового кальмара тщательно приклеивают яйцевые кладки под кораллами в столь узких щелях, что моя рука там не проходила. Такое умение особенно важно для *Galiteuthis glacialis*: ведь у этих кальмаров мантия прирастает к голове на затылке и к воронке на ее боковых сторонах, так что самец при спаривании может проникнуть в мантию самки только через две узкие щели по бокам головы. Ему приходится засовывать туда сначала щупальца — расцарапать мантийные ткани, а затем руки (или пенис?), чтобы наощупь уложить сперматофоры в царапины и закрепить их там. Нелегкое искусство!

Но, возможно, все обстоит совсем иначе: самец размещает сперматофоры не изнутри мантии самки, а снаружи, и потом они каким-то образом «проплавляют» мантию насквозь и опорожняют сперму внутрь. Как же, однако, сперматофор может проплавить мантию, пусть студенистую и почти безмускульную? Совсем непонятно. И главное, почему на коже над пустыми сперматофорами нет никаких следов ранения? Шрам-то должен остаться!

У других кальмаров семейства *Cranchiidae*, к которому принадлежит ледяной кальмар, сперм-

матофоры тоже прикрепляются к спинной стороне мантии в разрезах, сделанных крючьями, а у видов без крючьев — присосками щупалец или же рук (у кальмаров четыре пары рук и пара длинных щупалец) с длинными острыми зубцами, как у *Teuthowenia pellucida*. Но снаружи это делается или изнутри? У одной самки глубоководного кальмара *Bathothauma lyromma* американский зоолог Р.Янг нашел внутри мантии две длинных руки половозрелого самца того же вида. Самка батотаумы была не вполне зрелая и не дегенерировавшая; видимо, сопротивлялась и оторвала бедному самцу руки. Если бы самец прикреплял сперматофоры снаружи, как его руки могли бы оказаться внутри мантии самки? Или он просто хотел потрогать и убедиться, что самка готова к спариванию? Да нет, похоже, что все-таки он переносил сперматофоры внутрь мантии самки!

У *Chaunoteuthis mollis* самец делает разрезы на брюхе самки, очевидно, не клювом, а крючьями — кальмары-то крючьеносные! И, наверное, снаружи. Да он и не мог бы это сделать изнутри, руки у него с толстыми концами, не приспособленные для точных манипуляций. Но как сперматофоры укладываются в разрезе под кожей? И как сперма попадает внутрь мантии? Непонятно...

Насколько я знаю (сам видел или читал), у тех видов кальмаров, самцы которых переносят сперматофоры в разрезы на теле, самки претерпевают студенистое перерождение и, умирая после нереста, всплывают. Но отнюдь не все кальмары, у которых самки дегенерируют и всплывают, спариваются столь экзотическим образом. Среди них есть и виды, сперматофоры которых размещаются на внутренней стенке мантии или ротовой мембране, как это происходит у кальмаров без студенистого перерождения.

Так для чего нужен столь варварский способ спаривания? Кальмар ты или не кальмар, это же, наверное, очень больно, когда чужие щупальца залезают внутрь твоего тела, когтями рвут тебе кожу, затем внутрь залезают другие конечности и что-то укладывают в болящие раны. Неужели самка кальмара подобна индейскому мальчику, который во время обряда инициации переносит мучения с улыбкой на лице? Есть племена, в которых мучают и девочек (обряд эксцизии у некоторых народов Африки, выбивание передних зубов перед замужеством у меланезийцев Новых Гебрид), но девочкам «держать улыбку» при этом не строго обязательно.

Разумеется, если бы самка не дегенерировала и не потеряла щупальца, самцу не удалось бы совершить свое важное, но жестокое дело. У большинства кальмаров самки крупнее самцов, и сожрать насильника им проще простого. У многих кальмаров (и у пелагических осьминогов-аргонавтов с красивой раковиной) самка после спаривания пожирает самца или, по крайней мере, откусывает часть его рук. Конечно, можно сказать, что дегенерация для вида выгодна: энергетические ресурсы мышц дегенерирующей самки превращаются в энергетические запасы для яиц и расходуются на их созревание и нерест. Большая, казалось бы, экономия. Но ведь у самцов такого не происходит, значит, можно без этого обойтись. Да и сколько угодно есть кальмаров, у которых никакого студенистого перерождения не бывает, самка до самого нереста сохраняет прекрасный аппетит и остается мускулистой (и вполне съедобной!). Неужели самка дегенерирует только для того, чтобы не оказать сопротивления самцу, раздирающему ей внутренности? Как хотите, а это сильно напоминает одно произведение Станислава Лема — рецензию на ненаписанную книгу о том, как люди во всем

мире вдруг перестали получать удовольствие от плотской любви. Любовь превратилась в нудное и мучительное занятие, от которого хотелось улизнуть, как от тяжкого труда. Детей стали рожать только способом искусственного оплодотворения, а желание получать удовольствие перенесли на еду. Появились «едовые извращения» и все такое прочее...

Нет, не сумел я понять кальмарью душу. Гораздо понятнее простые чувства альбатроса, который парит над просторами океана и высматривает: не всплыла ли где-нибудь отметавшая яйца самка кальмара? Лучше — гигантского. Ничего, что икры в ней нет и мясо водянистое, зато сколько его! И глубоководных рачков-бокоплавов, что плавают стаями в толще воды поближе ко дну и вынюхивают: не опустился ли где-нибудь на дно окончивший свои жизненные дела издыхающий самец кальмара (опять же лучше гигантского), я тоже понять могу. Но мудрость жестокой любви кальмаров я так и не уразумел (пока?).

Уважаемые читатели! Не думайте, пожалуйста, что Джордж Сорос, пусть он будет здоров, тратит деньги, чтобы я мог изучать столь изящный предмет, как любовь у антарктических кальмаров! Ни в коем случае! Тема моих, поддержанных Фондом Сороса, изысканий — глубоководные кальмары и осьминоги северных и дальневосточных морей России. Их состав, распространение, биология и место в экосистемах. А место это, как выясняется, очень существенное. И весьма большую роль в экосистемах наших морей играют именно те кальмары, которые при созревании испытывают студенистое перерождение и у которых самки после нереста всплывают, а самцы (как я предполагаю) тонут. Это и гонатидные кальмары семейства *Gonatidae*, и крючьеносные *Onychoteuthis*, и «соленые»

Galiteuthis (только другой, чем в Антарктике, вид, гладкий) — все они водятся у нас на Дальнем Востоке, и в весьма больших количествах. Они поедают массу планктона и мелкой рыбы, а их в свою очередь поедают бесчисленные рыбы, киты, дельфины, тюлени и, конечно же, морские птицы. Исследовать их биологию не просто интересно, от этого и польза может произойти. Ну, а раз биологию — значит, и любовь.

['intevju:]

Эмиль Мишель Чоран
ИЗ ИНТЕРВЬЮ С МИХАЭЛЕМ ЯКОБОМ[4]

Что если начать с вашего румынского детства? Вы его хорошо помните?

Я его *замечательно* помню. Я родился в Решинари, карпатской деревне, в 12 километрах от Сибиу-Германштадта. Ту деревню я любил больше всего на свете. В десять лет я покинул ее, уехал в Сибиу, поступать в лицей, и в жизни не забуду тот день, даже тот час, когда отец увез меня оттуда. Мы ехали в двуколке, я плакал, всю дорогу плакал, потому что чувствовал: мой рай закончился навсегда...

Вас, можно сказать, буквально оторвали от родной земли?

От земли и от всего первозданного мира, который я так любил, и от тамошнего чувства свободы. Я оказался в Сибиу, довольно крупном австро-венгерском городе — пограничном, с множеством военных. В нем — и, надо сказать, вполне мирно — уживались три национальности:

---

[4] Западногерманский писатель и журналист Михаэль Якоб взял это интервью (на французском языке) в 1986 г., по-немецки оно опубликовано в 1994-м. Переведено по книге: Cioran. Entretiens. Paris (1995) Борисом Дубиным.

немцы, румыны и венгры. Как ни странно, потом это не забылось: мне и теперь тяжело в городах, где говорят лишь на одном языке, меня тут же берет тоска...

Вы и позднее не раз отрывались от почвы?

Да, много раз. Сначала я был вынужден расстаться с детством. А потом и со своей жизнью в Сибиу. Чем он оказался для меня так важен? Тем, что в Сибиу я пережил свою главную драму, она потом длилась много лет и оставила во мне след на всю жизнь. Все, что я позднее написал, придумал, развил, все мои метания уходят корнями в ту драму: примерно в двадцать лет я потерял сон. Помню, как я часами расхаживал по городу — Сибиу очень красивый город, немецкий, построенный в средние века. Так вот, я выходил из дому в полночь и просто бродил по улицам, где было лишь несколько проституток да я, и больше никого, тишина, захолустье. Я часами шатался по улицам, как тень, и все, что я потом написал, передумано тогдашними ночами. Моя первая книга, «На вершинах отчаяния», относится как раз к тому времени. Я написал ее в двадцать два года, написал как завещание, потому что решил покончить с собой. Но остался жить. Никаким делом я тогда не занимался, и это было самое важное. Ведь поскольку я ночами не спал, а разгуливал по городу, то днем я мало на что годился и работать не мог. К тому времени у меня уже был диплом, я закончил философский факультет в Бухаресте и прочее, но я не мог служить учителем: попробуйте после бессонной ночи паясничать перед школьниками, мороча им голову тем, что вас совершенно не интересует. Вот из тех ночей и сложился потом мой взгляд на мир...

Страдающий бессонницей по-другому переживает время?

Абсолютно. Он живет в другом времени и в другом мире, поскольку нашу жизнь можно переносить лишь при одном условии: благодаря перерывам. В конце концов, для чего люди спят? Для того, чтобы не просто отдохнуть, но и забыться. Тому, кто встает утром, проспав всю ночь, кажется, что жизнь как будто начинается заново. А для того, кто не сомкнул глаз, ничего не начинается. В восемь утра он ровно тот же, что в восемь вечера, и это неминуемо переиначивает весь взгляд на вещи. Думаю, именно по этой причине я никогда не верил в прогресс, никогда не дурачил себя подобными бреднями...

И тоска это составная часть такого особого, другого *переживания времени?*

Именно. Тоска всегда связана со временем, с ужасом времени, страхом времени, откровением времени, сознанием времени. Те, кто не чувствителен к времени, не чувствует и тоски; жизнь можно переносить, только если не сознаешь, как убегает каждый миг, иначе ты пропал. Опыт тоски это обостренное сознание времени...

А почему вы приняли решение писать по-французски?

Я решил никогда не возвращаться в Румынию. Для меня там все кончилось, все было, в самом точном смысле слова, уже в прошлом. Шел 1936 год, я жил тогда на море, неподалеку от Дьеппа, пытался переводить Малларме. И вдруг сказал себе: «Нет, это не для меня», — и тут же решил перейти на французский. Как ни странно, до того времени я не слишком интересовался

французским, зато очень налегал на английский, даже учился в Сорбонне, готовился стать преподавателем английского. Писать по-французски — как я совершенно внезапно решил — оказалось куда трудней, чем можно было подумать. Это была настоящая мука. Свою первую французскую книгу я переписывал четыре раза, от вида букв меня уже тошнило. Закончив «Уроки распада», я сказал себе, что не вижу больше ни малейшего смысла так изводиться. «Силлогизмы горечи» написались по инерции. Я не мог взять в толк, зачем составляю фразы и т.д. Но, как бы там ни было, дело шло, к тому же Полан[5] все время просил меня дать ему что-нибудь для «НРФ». Чтобы потом казнить себя за это, я согласился, дальше нужно было держать слово, и так я попал в шестерни. Я полностью принял свое положение на обочине. Я оставался совершенно не известен, но, в конечном счете, это было не лишено и своих прелестей. Да, годами вести писательскую жизнь, жизнь писателя без читателей, видеться лишь с несколькими людьми и больше ни с кем, — это, конечно, не всегда приятно в плане практическом, зато это было временем настоящего письма: как будто пишешь для себя одного...

Вы говорили, что больше не пишете. По-вашему, так будет продолжаться и дальше?

Не знаю. Но, может быть, я вообще больше не буду писать. Я с ужасом смотрю на все эти каждый день выходящие тома... на авторов, выпускающих по книге, а то и по две в год... это какой-то психоз. Сам для себя я не вижу больше смысла писать, надо все-таки уметь вовремя ос-

[5] Полан Жан (1884-1968) — французский писатель, главный редактор авторитетного журнала «Нувель ревю франсез» в 1925-1968 гг. (с перерывами).

тановиться. Меня это уже не захватывает. Нужен хотя бы минимум воодушевления, нужно чего-то ждать. Так что я говорю себе: ты достаточно препирался с миром и с Богом. Хватит.

Жан-Люк Годар

1983: «КИНО И Я МОЖЕМ УМЕРЕТЬ В ОДНО И ТО ЖЕ ВРЕМЯ...»[6]

(интервью с Гидеоном Бахманом)

В 1983 году фильм Жан-Люка Годара »Имя Кармен» получил «Золотого льва» на Венецианском кинофестивале. Вскоре после выхода фильма режиссер рассказал киноведу Гидеону Бахману о новом фильме, работе со звуком и светом, а также о своих взглядах на власть телевидения и конец кинематографа.

Как-то прокомментируете название — «Имя Кармен»?

В фильме есть вопрос: «Что предшествует имени?» Люди всегда хотят знать, как называются вещи. Всегда ли предметы должны быть поименованы? Возможно, вещи просто приходят к нам без какого-то конкретного имени. Я думаю, что кино должно показывать вещи до того, как они получат имя, чтобы можно было дать его или вообще отказаться от называния.

---

[6] Film Quarterly, Vol. 37, No. 3 (Spring, 1984), pp. 13-19. Перевод Ксении Косенковой.

Мы живем в эпоху тотальной власти всех видов риторики, во времена терроризма языка, который усугубляется телевидением. Я как скромный наемный работник кино хочу говорить о вещах до того, как слова и имена захватят власть, говорить о ребенке до того, как родители дадут ему имя. Говорить о себе до того, как меня назовут Жан-Люком. Говорить о море, о воле — до того, как они будут названы «морем», «волнами» или «свободой».

Кармен — это великий женский миф, который существует только через музыку, и я прекрасно понимаю, что лишь немногие современные режиссеры могут почувствовать, что хотят сделать из этого фильм. Возможно, именно сейчас медиа чувствуют потребность в наследовании этому мифу, может быть, настала пора последней битвы женщин и мужчин или первой битвы женщин против мужчин.

Я люблю иметь дело с вещами, которые могут скоро исчезнуть, или с вещами, еще не существующими. Таким образом, фильм мог бы называться «До имени». До языка, другими словами, «До языка (Дети, играющие «Кармен»)».

Почему Бетховен?

Я не выбирал Бетховена, это Бетховен в каком-то смысле выбрал меня. Я последовал на зов. Когда мне самому было двадцать — а это возраст персонажей моего фильма — я слушал Бетховена на побережье Бретани и открыл для себя его квартеты. Кроме того, Гамлет или Электра могут существовать без музыки — но не Кармен. Музыка — часть истории Кармен; на самом деле, книга Мериме не была известна до тех пор, пока Бизе не положил ее на музыку. Ницше назвал музыку Бизе «коричневой», но она принадлежит Средиземноморью, потому что он был южным

композитором, сильно связанным с морем. Так что я выбрал не только другую музыку, но и другое море.

Я предпочел Средиземному морю океан, и мне нужно было то, что я назвал бы «основополагающей» музыкой. Я хотел использовать музыку, которая определила музыкальную историю как таковую, ее теорию и практику, и квартеты Бетховена подходят для этого. (...)

По поводу названия я хотел бы добавить: мне кажется, что все знают историю Кармен, но никто не знает, что по сути произошло между доном Хозе и Кармен и как все в действительности развивалось: люди знают, как все началось и чем это закончится, но не то, как все двигалось от начала к концу, и вот что значит рассказывать истории — показывать, как все развивалось.

Большое отличие от фильмов о Кармен, поставленных [Франческо] Рози и [Карлосом] Саурой, состоит в том, что они просто иллюстрировали классическую тему, тогда как мы пытались найти слова, которые мужчина и женщина говорили друг другу, поглощенные тем образом любви, что довлел над ними, имя, данное их любви или их приключению с самого начала, такие вещи, как «судьба», «любовь» или «проклятие». Что они говорили, когда были на кухне? Что они говорили, когда были в машине? Никто не знает.

В своем следующем фильме я сохраню этих персонажей, они будут зваться Жозефом и Мари[7], главным будет то, что Жозеф и Мари говорили друг другу до рождения ребенка. Поэтому можно сказать, что этот фильм — подготовка к

[7] Речь идет о картине »Хвала тебе, Мария» (1984), а имена могут быть прочитаны как Иосиф и Мария, так как фильм отсылает к библейской истории непорочного зачатия — *прим. перев.*

следующему. Каждая моя картина заявляет о следующей. (…)

На этот раз вы сыграли роль в своем фильме…

Да, чтобы развлечь себя, и чтобы посмотреть, можно ли развлечься, будучи актером. Мои отношения с актерами всегда были одновременно мягкими и насильственными. (…) Я всегда позволяю актерам делать абсолютно все, что им хочется, я просто ставлю их в определенные условия. Обычно они думают, что эти условия легки, но зачастую затем понимают, что они довольно трудные и что им нужно как-то спасаться. Если они мне говорят, что умеют плавать, я стараюсь бросить их в море и посмотреть, как они плавают. Вот вся моя работа с актерами.

Любовь в кино…

Любовь в кино или любовь к кино… В военных фильмах есть любовь молодых людей к оружию, в гангстерских фильмах — любовь молодых людей к грабежу; достижение «новой волны» — Трюффо, Риветта, мое и некоторых других — в том, что мы вернули кино то, что из него исчезло, а именно любовь к самому кино. Мы полюбили кино до того, как полюбили женщин, до того, как полюбили деньги, до того, как полюбили войну. Именно кино заставило меня узнать жизнь — на самом деле, это заняло тридцать лет, потому что мне нужно было справиться со всеми теми вещами, которые я мысленно переносил на экран… но без любви нет фильма.

И если сегодня кино еще срабатывает, когда его показывают по телевизору, то прежде всего потому, что в телевидении как таковом нет любви.

Телевидение что-то заменяет нам?

Телевидение — это власть в чистом виде, и единственное, что людям по-настоящему нравится смотреть по ТВ — спорт и кино, потому что они ищут любви и поняли, что им нужно стать ближе к экрану, чтобы приблизиться к другим людям. Но, конечно, современность такова, что сближение с другими практически невозможно, поэтому мы научились принимать тот факт, что мы в каком-то смысле бессильны — мы не так крепки, не так могущественны, как военные, ученые или сами телевизионщики, которых мы видим на экране.

На самом деле, мы признаем свое бессилие. С другой стороны, у нас есть благие намерения, чтобы двигаться, идти вперед, планировать, соприкасаться с другими. А другие, в свою очередь, вкладывают много усилий, чтобы встретиться с нами. Готовность к встрече — это и есть кино. Кино — это любовь, встреча, любовь к себе самим и к жизни, любовь к себе самим на земле, это очень евангельская тема, и неслучайно белый экран похож на холст. В своем следующем фильме я хочу это использовать: экран как плат Вероники, покров, хранящий очертания, — любви, живущих, мира.

Нет фильма без любви, без любви особого рода. Могут быть романы без любви и другие произведения искусства без любви, но кино без любви быть не может.

Значит, нельзя его делать в одиночку? Нельзя быть «автором»?

Я считаю, что бесполезно продолжать предлагать публике «автора». В Венеции, где я получил «Золотого льва», я сказал, что, скорее всего, за-

служиваю только гриву этого льва и, может быть, хвост. Все, что между ними, должно достаться другим людям, работавшим над фильмом: лапы — оператору, морда — монтажеру, тело — актерам. Я не верю в одиночество художника и в автора с большой буквы «А». Американское кино не состоялось бы, если бы не было таких великих продюсеров, как Ирвинг Тальберг [чей метод базировался на передаче готовых сценариев режиссерам — Г.Б.]. Вообще, сегодня чаще всего обсуждают режиссерские проблемы, не учитывая, что за режиссером стоит еще много людей, столь же важных для создания фильма.

Звукорежиссеры, например? Сейчас вы все больше внимания уделяете звуку.

Я всегда уделял большое внимание звуковой дорожке; я думаю, мы были среди первых, кто использовал прямую запись звука. Я перестал ходить на итальянские фильмы, когда, снимая в Италии фильм, узнал, что никто там вообще не записывает звук, они полностью воссоздают его позже. Имейте в виду, что в Италии существует великая музыкальная традиция, что делает эту ситуацию еще более смехотворной. Я не думаю, что звук должен противоречить изображению. Вот почему в моем фильме есть море и есть музыка, и музыка — часть действия. И я так и задумывал, что музыка должна быть частью действия, а не как в фильме Сауры о Кармен — формальным предлогом, чтобы показать, что музыканты играют... Если бы музыканты должны были перестать играть, у меня не было бы больше идей.

Если взять, к примеру, Александра Невского Эйзенштейна, батальные сцены — первоначально они были написаны Прокофьевым в виде музыки к фильму, которая подавала Эйзенштейну

идеи; он менял ее, и они снимали сцены в соответствии с музыкой, над которой работали вместе. Мой фильм гораздо менее амбициозен, но три четверти сцен в нем были созданы подобным образом. Например, сцена ограбления банка появилась после того, как я услышал определенную часть 10-го квартета и понял, что, поскольку я придумываю фильм с криминальной линией, Кармен могла бы входить в небольшую банду, а потом появилась мысль о том, что дон Хозе — полицейский, и таким образом мы вернулись к реальной истории Кармен.

Музыка в какой-то степени контролирует изображение; в фильме есть моменты, когда сцены становятся отчасти независимыми, слишком простыми и даже вульгарными, например, некоторые любовные моменты между главными героями, но затем начинает звучать музыка, и она захватывает власть, как бы говоря: «Давайте, вперед, продолжаем, все это серьезно…»

Все знают — об этом говорили много раз и не только по поводу Кармен, — что музыка оповещает о событиях, предрекает историю, и даже такие люди, как советники Миттерана, знают это, и если бы только политики прислушались к музыке народа, они бы лучше знали, что происходит.

Так что я не думаю, что мое внимание к звуку в этом фильме — это нечто новое, думаю, я всегда уделял ему очень много внимания и придавал огромное значение. Мне кажется, на самом деле, что я довольно оригинален в том, что делаю, и может быть, составляю исключение.

Например, во всех моих фильмах, начиная со «Спасай, кто может (жизнь)», используются только две дорожки. Знаете, в кино, когда создается окончательный звуковой ряд, всегда используется множество исходных записей — звук машины, подъезжающей к пляжу, например, голоса акте-

ров, выходящих из нее и говорящих «Я люблю тебя» или противоположное, звук волн на заднем плане, возможно, кукареканье петуха на ферме неподалеку, и немного музыки. Это уже пять дорожек… а у меня только две руки, чтобы с ними управляться… если бы у меня была одна рука, возможно, я бы использовал только одну звуковую дорожку. Эта работа, когда разные звуки маршируют перед тобой, как солдаты, называется микшированием, и я могу это контролировать только с помощью тех двух рук, что у меня есть. Я не против того, чтобы использовать голос петуха, если мы на ферме, но все эти звуки — для них нет места… так что я предпочитаю работать со звуками очень осторожно и использовать только те, что важны в данный момент.

(…) Снимая музыкантов, я стремился поймать физическое ощущение музыки, особенно скрипки, от которой у меня было настоящее чувство «дробления». Вот так и появляются связи, и ты говоришь себе: «Какое изображение поставить после изображения дробящей скрипки?» Очевидно, что это изображение моря, которое тоже дробится на волны, у которого есть взлеты и падения, а когда имеешь дело со взлетами и падениями, то говоришь: «Ну, есть два человека, у которых тоже будут моменты взлетов и падения чувств», и вот так все это связывается воедино, совершенно логично, таково кино. В кино ничего не нужно изобретать.

Все, что можно делать в кино — наблюдать и пытаться сложить все по порядку, который был бы очевиден всякому, кто способен хорошо видеть.

Это то, что вы всегда стремились делать в своих фильмах?

«Всегда» — громкое слово; у меня нет «стиля», я просто хочу снимать фильмы. Если я повлиял на молодых режиссеров — которые в какой-то степени являются моими детьми, или братьями, или могли бы быть моими родителями до того, как я начал снимать, — единственное влияние, которое я хотел бы оказать, это объяснить, что снимать кино — вещь возможная. Неправда, что можно снимать кино, только если у вас много денег. Если у вас много денег, вы просто сделаете фильм по-другому. Но если у вас нет денег, вы все равно можете снимать кино…

В таком случае, какова ваша позиция как режиссера?

Это позиция на краю (in the margin). Но это нормально. Книга не может существовать без полей, и смотрю ли я теннисный или футбольный матч, я всегда на краю по отношению к игрокам, то есть я в положении зрителя, наблюдателя. На самом деле, существование с краю — такова реальная позиция публики. Это необходимая позиция. Наблюдаемое не может быть увидено без наблюдателя.

(…) Кино всегда было великим массовым искусством, и на этой идее будет базироваться История кино, которую я готовлю сейчас для 4-го канала французского телевидения[8]: я хочу показать, что здесь были задействованы необычные культурные силы, существующие только в кино — прямота массового распространения.

Живопись никогда такого не знала, Моцарт играл для князей, все было не так, как сейчас, когда каждое утро миллионы могли бы слушать Моцарта. Бетховен в свое время был услышан

[8] С 1988-го по 1998-й год вышло восемь частей фильма »История(и) кино» — *прим. перев.*

немногими, картины Гойи видело еще меньше людей. Но кино — даже в «Гран-Кафе», на сеансе Люмьеров — увидели сразу сто человек, и сегодня оно также смотрится повсюду, одновременно. В кино всегда была и есть эта глубокая массовость — стремитесь вы к этому эффекту или нет.

Прежде всего, дело в деньгах, но не только в них. «Рождение нации» Гриффита было снято ради денег, но у Гриффита были и другие стремления, которые и были демократически распространены. И не забывайте, что звук пришел в кино во времена депрессии, слово появилось на экране во времена безработицы, когда к власти пришел Рузвельт, во времена, когда Гитлер начал подминать под себя Германию.

Когда я говорю «слово», я не имею в виду «настоящее» слово, слово философов или влюбленных. Я имею в виду слова тех, кто у власти, это те же люди, которые стоят за телевизионными технологиями, приводя изображение к упадку. Сегодня нет больше изображений. Как говорил Жан-Пьер Горен[9], когда мы работали вместе: «Фильмы больше не смотрятся, они прочитываются».

Поэтому не столь интересно, как могло бы быть, участвовать в многочисленных дискуссиях на «круглых столах» и конференциях, даже с людьми, у которых исключительно благие намерения, так как это дискуссии без объекта. Это как если бы родители, желающие ребенку добра, стали бы обсуждать в его отсутствие, что он хотел бы иметь больше всего, не спрашивая ребенка о том, предпочел бы он велосипед, шоколадку или счет в банке. Никто сегодня реально не знает и не слушает тех, кто на краю, — зрителей.

---

[9] Соратник Годара по группе «Дзига Вертов», созданной в конце 1960-х — *прим. перев.*

«Video» означает «я вижу», но получается так, что при соучастии масс видео становится медиумом для тех, кто не хочет видеть.

А какова позиция вашей съемочной группы?

Моя съемочная группа всегда очень поддерживала меня. Я человек, который любит получать; камера, например, не может быть для меня «винтовкой», потому что камера — это инструмент не посылающий, а получающий. И получает она с помощью света. Поэтому я говорю, что съемка в моих фильмах осуществляется за счет трех факторов: во-первых, я сообщаю, как мы будем снимать; во-вторых, мой оператор [Рауль] Кутар соглашается делать то, о чем я его прошу; и, в-третьих, нам помогает наш старый друг — пленка Kodak. Кутар — это человек, который соглашается работать без искусственного освещения и все равно делает интересные работы. Он мирится с необходимостью понять и осмыслить то, что свет, исходящий из-за занавески, — это не то же самое, что свет, исходящий из открытой двери. И он соглашается обсудить с нами, следует ли воспроизвести этот свет, или его необходимо оставить, как есть. Пленка Kodak предпочтительнее Fuji, поэтому я включил ее в титры фильма[10].

(…) В моих фильмах всегда очень мало освещения; на самом деле, Изабель Аджани, которая должна была сниматься в этом фильме, испугалась этого, она думала, что недостаточно красива, или что будет недостаточно красива в фильме, поэтому я снял Марушку Детмерс. Аджани думала, как все «звезды», что изобилие освещения, изобилие световых пятен — гарантия ее

[10] В титрах »Имени Кармен» она упоминается между именами сценариста и оператора — *прим. перев.*

красоты на экране. Она не смогла понять, что дневное освещение, немного подправленное, может быть куда лучшей гарантией ее красоты.

Поэтому у меня были сложности, и поэтому без Рауля Кутара я не смог бы снять этот фильм: я смешивал естественное и искусственное освещение, и только он соглашался делать это. Соответственно, в некоторых кадрах у нас есть теплый свет по одной стороне и холодный по другой; можно сказать, что это ультраклассический фильм, ведь, в конце концов, от Кармен веет и жаром, и холодом… это фильм, постоянно находящийся между жаром и холодом, а изображение выражает то, что происходит в эмоциях.

В контексте ваших взглядов на кино последние слова в фильме — «Это зовется зарей» — вполне можно заменить на «Это зовется закатом»…

Действительно, в отношении кино у меня есть чувство заката, но разве закат — это не время для самых прекрасных прогулок? Вечером, когда опускается ночь, и появляется надежда на завтрашний день? Влюбленные редко ходят за ручку в семь часов утра… для меня закат — это скорее знак надежды, чем отчаяния.

Тем не менее, есть нечто, что мне начинает казаться очень красивым в кино, что-то очень человечное, что пробуждает во мне желание продолжать снимать до самой смерти: я говорю себе, что кино и я можем умереть в одно и то же время… и когда я говорю «кино», я имею в виду кинематограф в том виде, в каком он появился. Другими словами, кино, наполненное человеческими жестами и действиями (в отличие от живописи, музыки или танца) в их репродуцировании, скорее всего, может прожить в своем первоначальном виде столько, сколько длится человеческая жизнь. Что-то между 80 и 120 годами…

Это значит, что кино и вправду нечто преходящее, мимолетное, недолговечное… Конечно, сегодня мы пытаемся зафиксировать фильмы на кассетах, но чем больше видеокассет ты покупаешь, тем меньше времени у тебя на то, чтобы их смотреть… так что похоже, что коллекционирование кассет означает что-то другое, это форма складирования провизии, а не форма ее поедания. Что-то вроде мер предосторожности на будущее.

Так что сейчас я признаю, что кино мимолетно. Правда, когда-то я чувствовал по-другому, я оплакивал будущее, я говорил: «Что с нами станет?» или «Какой ужас», но сейчас я вижу, что прожил этот период кинематографа очень полно.

То есть вы довольны, что кино приходит конец?

Может быть, не кинематографу в целом, но определенному его периоду. Мои родители жили во времена первого периода; они не рассказали мне о нем; я должен был открывать его самостоятельно при помощи таких людей, как [Анри] Ланглуа и некоторых других, в музеях, но я сполна прожил свой период, моя дорога помечена, меня хватит как раз на это определенное время.

Я уже вижу новые времена, какими бы они ни были, а я всегда интересовался новым; телевидение… так или иначе, на телевидении скоро не будет изображения, только текст… это уже началось… вы больше не увидите изображения моркови, которую вы можете купить в супермаркете, и цены, которую вам возможно придется заплатить, потому что понадобились бы [Роберт] Флаэрти, [Жан] Руш или Годар, чтобы снять их, а если позовут меня, я заинтересуюсь кассиром и начну рассказывать историю… но вам просто скажут «Морковь готова». Таково будет кино завтра, и таково оно уже сегодня. Что до меня, то это довольно веселый финал.

камушек в ботинке

Вадим Климов

ФИЛЬМ 5

ФРАГМЕНТЫ СЦЕНАРИЯ

Сцена 1. Замкнутый круг

Кабинет психотерапевта. Перед его столом сидят девушка и молодой человек (МЧ). Терапевт смотрит на часы, стоящие на столе.

Терапевт. Ну, в чем у вас дело?

МЧ. У меня есть большие проблемы с общением. Я понимаю эти проблемы, но не знаю, как их преодолеть. Моя жизнь — сплошная депрессия. Мне 30 лет, я учусь в университете, а у меня до сих пор нет девушки. Надоело ждать, когда, наконец, я встречу свою любовь, девушку, с которой можно заниматься сексом.

Терапевт *(кивает на девушку).* А это кто?

Девушка. Доктор, я заранее извиняюсь, но вначале я хочу рассказать свою небольшую биографию.

Терапевт. Подождите. *(Обращаясь к МЧ.)* Это ваша девушка?

МЧ. И да, и нет. Мне 30 лет, а я еще ни с кем не встречался. И вот... встретил эту... Понимаете, годы уходят в прошлое, учеба все напряженнее, свободного времени нет. В общем, я предложил ей

заняться сексом, но она сказала, что без свадьбы не может.

Терапевт (*Девушке*). Почему?

МЧ. Она говорит, что в результате унижений в детстве ее тело опоганено, и она не хочет поганить его еще больше.

Девушка. Да. Мне 40 лет, я одинока и бездетна. Имела один роман, который кончился быстро и неприятно. Я потом расскажу. Последние несколько лет страдала булимией. Возможно, постоянная рвота спровоцировала отслойку сетчатки. Я перенесла три операции, шесть месяцев лежала в больнице. Но даже после этого не смогла удержаться от еды.

Терапевт *(обращается снова к МЧ).* А жениться вы не хотите?

МЧ. Я измучился… постоянная депрессия. Мне жалко эту женщину, и я не могу с ней расстаться… Я постоянно говорю: «Выходи за меня». Но у нее сразу портится настроение, она избегает этих разговоров.

Терапевт. Замкнутый круг. Нужно что-то изменить, как-то разорвать этот паттерн поведения. Например, вы можете сказать ей не «Выходи за меня», а «Давай жить вместе». Или поставьте вопрос ребром, если не можете больше ждать. Это нормально. Вам 30 лет, вы хотите секса, семьи. Что в этом такого? Вы просто интересуетесь своими перспективами.

Девушка. Вы меня не выслушали. У меня никогда не будет своей семьи. Моя настоящая боль — гирсутизм, большая волосатость. Лишний жир и растяжки еще более-менее естественны для женщин, а волосы … это уже патология. У меня их больше, чем у некоторых мужчин. Я уже много лет борюсь, но ничего не помогает. Приходится каждый день бриться. Это отвратительно, я никогда не смотрюсь в зеркало, все делаю на ощупь.

Терапевт (*смотрит на Девушку и обращается к МЧ*). Вам действительно нужен этот человек в жены? Подумайте об этом. Секс — одно, а жизнь — совсем другое. Жить с таким человеком будет тяжело.

МЧ. Я же объяснял, я болен. Плохо засыпаю по ночам. По утрам из-за этого сложно вставать, и я опаздываю на занятия или вообще не хожу. Настроение портится, делать ничего не хочется. Замкнутый круг. До сих пор моим единственным средством снятия напряжения была мастурбация. Но она удовлетворяла раньше, лет в пятнадцать. А теперь — нет. На поиски порно уходит куча времени и денег, а в результате я получаю снижение сексуального напряжения, вместо того чтобы искать девушку.

Терапевт (*поворачивается к Девушке*). Ну а вы? Вы понимаете, что причина вашей несостоятельности — вы сами? Вам самой нужно стать хоть немного добрее.

Девушка. У меня с психикой творится что-то невероятное. Вторую неделю истерики. Сначала они случались только по вечерам. А вчера вот разревелась утром. Сегодня — во время обеда в нашей столовой. Я себя ненавижу. Никаких перспектив в жизни. Я раздражительная, подозрительная, постоянно тревожусь за будущее. Когда я просыпаюсь с щетиной на лице, я испытываю настоящий шок и целый день хожу подавленная. Самое ужасное, что со стороны это выглядит как легкое раздражение, и многие думают, что у меня идеальная кожа, потому что нет прыщей. (*Плачет.*) Я никого не подпускаю к себе ближе, чем на метр. Я никогда не смогу стать ласковой женой, матерью, у меня никогда не будет семьи.

Терапевт. Вы отвергаете возможность семьи, и это говорит о том, что вы очень хотите ее иметь. Если вы честно ответите «Да, хочу», я посоветую вам выйти замуж за этого человека.

Девушка. Я не знаю, честно. У него ведь тоже проблемы с физиологией. Такие, что… я не знаю.

МЧ. Ну да. Но это — чисто физиология, психика здесь ни при чем. Я часто не решаюсь выйти из дома, потому что боюсь по дороге захотеть в туалет. Стараюсь выжать все до последней капли, чтоб уж наверняка. Доходит до поноса на нервной почве. Главное, я сам понимаю, что все хорошо, солнце светит и жизнь продолжается, но какая-то сила тянет обратно в туалет.

Терапевт (*утомленно смотрит на часы*). Вам нужно обратиться в медицинское учреждение.

Девушка. А что же с нашей проблемой?

Терапевт выпрямляется в кресле, у нее чешется в двух местах — в носу и между ног.

Терапевт (*собираясь уходить*). В общем-то, никакой проблемы я не вижу. Вы молоды, у вас есть работа, учеба… Все основания жить и быть счастливыми. Отпустите ситуацию, примите право другого на свободу выбора.

МЧ (*раздосадовано*). Вот вы — психолог, даете советы… Но у меня не получилось даже с этой женщиной. После ваших советов отношения только ухудшаются. Психологи вообще никому не нужны.

Терапевт встает и собирается уходить.

Терапевт. Когда тебе плохо, не надо искать причину вовне. Не надо смотреть по сторонам в поисках, к кому бы прицепиться. Сейчас вы придрались ко мне. Завтра — пнете бездомную собаку. Послезавтра сделаете больно своему другу. А потом кто-то пнет вас. Вы несчастны, но в этом только ваша вина. Я могу только догадываться, как страдают люди рядом с вами, если даже эта

женщина не хочет иметь с вами дела. Все, сеанс окончен.

Молодой человек и девушка встают, молча кладут деньги на стол. Терапевт с презрением убирает деньги в кошелек. Молодые люди уходят.

Сцена 2. Немать

Изуверов. Ты, конечно, права, да. Я тебя поддерживаю. Но есть и другая сторона, больница не всегда виновата. Родители могут быть еще хуже. Лежала одна мамаша в роддоме, родила разнополую двойню раньше срока. Они хорошо поправлялись, уже ели из рожка и набирали в весе, но когда пришло время выписки, мамаша забрала только девочку и ушла. А мальчика оставила. Ей двое не нужны были. Тем более у мальчика порок сердца и астма. И этот маленький человечек как будто догадался, что его бросила мама, сразу стал вялым, плаксивым. Еще несколько дней кушал из бутылочки и ждал, но когда отчаялся, просто перестал кушать. Наверно, понял, что уже никому не нужен и незачем жить. Его так и кормят через зонд уже 3 месяца. Он таким хорошим стал: ресницы на пол лица и глаза бездонные — только грустные. Он лежит в Первой городской в Питере. Его даже в дет. дом не берут — нет мест. Но он и не кушает сам, поэтому не хотят возиться. Лежит, лапочка, ногти длинные и даже обрезать некому. А подойдешь к нему, поговоришь — смотрит, не отрываясь. Начнешь уходить — так горько заплачет, что в следующий раз не рискнешь подойти. Ему сделали операцию из-за порока сердца. Шрамик болит, наверное, а пожалеть некому. Лежит он, возьмет себя за плечико и сам себя качает. Невозможно его не полюбить, так хочется, чтоб у этого комочка была семья.

Рита. Не надо мне этого рассказывать. Я слишком далеко от него, ком в горле от таких рассказов. Я могу только помолиться о его здоровье и попросить Бога дать этому малышу настоящую семью. В голове не укладывается, как можно бросить своего ребенка.

Изуверов. У меня тоже. Это какой-то абсурд. У меня спрашивали, как с ним связаться, чтобы помочь.

Рита. С ребенком?

Изуверов. Да. Чтобы хоть что-то для него сделать. Другие родители говорили, что эту женщину вообще нельзя матерью назвать. У меня не было слов для них. Я не знал что сказать. Я хотел открыть банковский счет, чтобы все желающие могли хотя бы материально помочь.

Рита. И они помогли?

Изуверов. Я уже не помню. Нет. Мне звонила из Новосибирска плачущая женщина, Наталья, сама недавно родившая дочь. Она сказала, что только после этой истории стала ощущать себя матерью. Она сказала, пусть свяжутся с этой женщиной, которая бросила малыша в больнице. Она считала, что у нее тяжелое положение. Скорее всего, ее бросил отец детей и теперь негде и не на что жить. Она хотела, чтобы мы собрали этой женщине денег. После этого она совсем расплакалась, и уже было не разобрать, что она говорила. Я рассказал ей, что в таких случаях бессмысленно предполагать. Часто у женщин случаются послеродовые психозы, когда мать убивает ребенка. Психика претерпевает огромные изменения. Это непредсказуемо. Эта женщина, из Новосибирска, похоже, она поняла меня. Она сказала, появление той женщины с двумя детьми было чревато для нее сколь угодно жестокими последствиями. И для нее, и для детей. Сразу после этого разговора я позвонил своим петербургским друзьям и сказал, чтобы разыскали эту

женщину и передали, что мы готовы собрать ей деньги.

Рита. Но кого они могли найти? Эту женщину, язык не поворачивается ее так назвать, которая предала своего больного ребенка? Я бы и второго ребенка у нее забрала. У мальчика астма, а это чаще всего наследственное. Если и девочка заболеет, ее тоже принесут обратно? Вы могли собрать деньги, отдать этой матери и как бы она поступила, когда деньги закончатся? Кто бы дал гарантию, что она бы не вернула обоих детей в больницу? Если вы так хотите помочь ребенку, то давайте соберем деньги и поможем ему самому, а не этой женщине, бросившей его. Я бы сама поехала в Питер и отдала деньги лично этому мальчику.

Изуверов. Не знаю. Мне кажется, это гораздо сложнее. Несколько лет назад я посмотрел один фильм — как плод реагирует на приближающиеся инструменты для аборта. Там были такие кадры. Ребенок открывал ротик, его сердцебиение учащалось, и он начинал судорожно двигаться, пытаясь защититься от надвигающейся смерти. Он понимал, что обречен и сейчас его убьют. Поэтому мне кажется неправильным клеймить позором женщину, которая оставила ребёнка, а не убила его. Виноваты те, кто не оставил, но убил.

Рита. У меня есть подруга, которая могла бы помочь и была бы рада это сделать. Но как? Она не сможет забрать этого мальчика к себе, потому что у нее уже есть трое детей и муж будет против. Поэтому я не знаю. Я все равно думаю, что если человек один раз бросил своего ребенка, то он сделает это и второй раз. Счастливых концов не бывает.

Изуверов. Всю неделю мне звонили женщины из разных городов и просили информировать о судьбе малыша, о нашем общем деле. У всех у

них были маленькие дети и поэтому они очень переживали за этого ребенка.

Рита. Почему никто из них не мог его усыновить? Просто приехать в ту больницу и сказать об этом?

Изуверов. Многие хотели это сделать, но не все так просто. Ребенок ведь не щенок, его просто так не отдадут. На него нужны какие-то документы. Тогда я не очень разбирался в этом. Мне объяснили, что в Петербурге и без того полно бездетных семей, которые стоят в очереди на усыновление. Поэтому это не так просто.

Рита. Я думаю, все не так. Усыновить ребенка в России проще простого. Это миф, что это очень сложно. Та подруга, о которой я говорила, рассказывала, что статус усыновителя можно получить за один месяц. Медицинское обследование — не дольше семи дней, справка о несудимости — две-три недели. Потом характеристика и справка о заработной плате. Вот тебе и заключение опеки о статусе усыновителя. И потом, есть же такая тема как опека и патронат. При опеке малыш живет с вами, и у него остаются все выплаты государства, а это не так мало. Ну, и при достижении восемнадцати лет ему выдают жил. площадь. Эта моя подруга с мужем хотели этим заняться, но в конце концов муж сказал, что он против.

Изуверов. Не знаю, это очень неожиданно. Я был в отделении для отказничков. Там даже нет персонала, который занимался бы только детками-отказничкам. И малыши сидят в кроватях, потому что их привязывают за ноги, чтобы никуда не уходили. Когда я там был, их даже не смогли вовремя покормить, потому что все медсестры были заняты. О том, чтобы гулять с детьми или заниматься их развитием, речи вообще не идет. У них не хватало ни одежды, ни обуви, и почти не было игрушек. У грудничков на коже

были жуткие опрелости из-за подолгу не меняемых пеленок. Дети постарше так целыми днями и сидят привязанные к кроватям. К трем годам у всех диагноз «ЗПР». На это невозможно смотреть.

Рита. А ты говорил, что больницы не виноваты…

Изуверов. Один мой знакомый рассказал жене о нашем брошенном ребенке, и они сразу поехали в больницу. Но их даже не пустили внутрь. Жена друга больше часа проплакала перед воротами, пока охранники ухмылялись, смотря на нее из окна. Моему знакомому пришлось силой оттаскивать ее от ворот и везти домой. Они не смогли ничего сделать. А мне тогда продолжали звонить женщины изо всех городов, которые умоляли найти маму малыша и отвести ее в больницу показать сына. Они говорили, когда она увидит, что с ним все в порядке, то обязательно заберет домой.

Рита. Ты нашел его мать?

Изуверов. Нет. Тогда это было невозможно. Но я постоянно говорил с женщинами, которые хотели усыновить мальчика, но боялись, что их мужья будут против. Они боялись даже сказать им об этом, потому что считали, что в таких вопросах мужчины никогда не понимают женщин, они всегда на разных баррикадах. Я говорил, что они очень несправедливы к нам, мужчинам. Почему они не замечали даже, что эту тему открыл именно мужчина? Что я потратил столько сил, общаясь с ними и направляя все усилия в нужное русло? Я ведь тоже мужчина. Я часто не ложился спать, ждал, когда закончатся звонки от переживающих матерей со всей России, которые хотели быть в курсе. И я этим занимался в качестве председателя координационного совета организации автомобилистов, потому что первоначально обратились именно к нам. В нашей организации есть, конечно, женщины, но их очень

мало, мужчин подавляющее большинство. И мы все, мужчины-автомобилисты и сострадающие женщины, пытались устроить судьбу брошенного малыша, не взирая ни на что. И многие женщины меня поняли. И даже извинялись за то, что относились к мужчинам предвзято.

Рита. Чем все-таки закончилась эта история?

Изуверов. Извини, я так затянул, но каждая деталь действительно очень важна. Одна женщина собиралась забрать малыша. Она сказала, что несколько месяцев назад сама стала мамой, и молока хватило бы на двоих. Но у нее были две проблемы, одна — то, что они жили в другой стране, а вторая — что не расписаны с мужем. Но она считала, что той мамаше — природной — отдавать ребенка нельзя, потому что она уже один раз его предала, поэтому предаст и во второй раз. И собиралась приехать в Петербург, чтобы та не смогла получить ребенка, даже если бы захотела.

Рита. Хорошо. И что дальше? Чем закончилось?

Изуверов. Мне удалось убедить ее не делать этого. Она позвонила через несколько дней и сказала, что я прав, а она нет, потому что говорила сгоряча.

Рита. Чем закончилось вся история?

Изуверов. Я позвонил в больницу, в которой лежал этот ребенок — Юра Кудрявцев — так, я узнал, его зовут. И договорился, что привезу памперсы и лекарства, которые нужны малышу. Но они сказали, что мама хочет забрать его. Я спросил, когда она собирается это сделать, но они не знали, потому что сказали ей, что пока этого делать нельзя: мальчик чувствует себя не ахти как хорошо, хотя уже ест из бутылочки. Когда я звонил, его как раз кормили, и он съел 100 гр. Я сказал, что буду ждать новостей. Я хотел попробовать сделать несколько снимков Юры.

Рита уходит. Изуверов рассказывает, оставшись один.

Изуверов. Мы приехали с женой в больницу, поговорили с медсестрой, посмотрели на малыша. Фотографировать без разрешения главного врача она нам не разрешила. Привезли все, что они сказали: памперсы, питание, лекарства, несколько бутылочек. Малыш выглядит хорошо, ест сам. Наблюдаются проблемы с ростом и весом для его возраста, но, сказали, динамика положительная. Юра улыбается, берет предметы и держит в ручках. Есть подозрение на неврологический диагноз, потому что ребенок лежит в неврологическом отделении. Одет чистенько, не плачет. Сама больница выглядит очень прилично — даже слишком — чисто, свежо, тихо. Только, чтобы нас впустили, пришлось представиться родственниками мамаши. Я оставил им свои координаты, чтобы звонили, если что случится, и чтобы дали координаты мамаше. Она приходила за два дня до нас, готова была забрать малыша, но они ее убедили, что он должен побыть еще немного в больнице, так как нуждается в уходе специалистов и обследовании врачей. Медсестра сказала, что малыш похож на маму и немного на мою жену. Я представился двоюродным братом мамаши, поэтому это немного странно. Дай бог Юре здоровья. Глаза голубые, ясные — прелесть, а не ребенок. Я прослезился, глядя на него. Жена так вообще все время рыдала.

Сцена 3. День рождения

День рождения Героини. Она приезжает к родителям мужа, где ее уже ждет Герой. Отношения напряженные. Герой сухо приветствует супругу, свекр дарит ей цветы. Героиня, Герой,

родители Героя и его слабоумный брат садятся за стол.

Свекровь. Но где же ваш ребенок?

Все смотрят на Героиню. Та растеряна и некоторое время ничего не говорит.

Наконец…

Героиня. Ребенок остался у моих друзей.

Все (*на разный манер повторяют эту фразу, злорадно ухмыляясь, особенно Слабоумный*). Остался у друзей, остался у ее друзей…

Приступают к еде. Героиня, все время державшая цветы на коленях, решает избавиться от них и сует в графин с соком. Свекровь вынимает цветы и говорит, что принесет вазу. Слабоумный наливает себе сок.

Бессодержательный разговор, поддерживаемый Героем, его родителями и иногда Героиней.

Родители начинают обвинять Героиню в обмане.

Родители (*Сыну*). Ты живешь в ее квартире, платишь за все, делаешь ремонт, но она даже не прописала тебя. Она тебя обманывает, ты останешься ни с чем.

Герой слушает, отвернувшись. Но в итоге убеждается в правоте родителей и безвольно соглашается. Героиня пытается сказать что-то в свое оправдание.

Родители. Почему вы не пропишите его у себя?

Родители не выдерживают и буквально взрываются, вскакивая с мест с набитыми

ртами. Они кричат, что та не дождется от них ничего. И что-то еще, чего Героиня не слышит, потому что выходит из комнаты. Герой выходит вслед за ней. Родители постепенно успокаиваются и продолжают есть.

Супруги возвращаются, Герой едва не заталкивает Героиню в комнату, и садятся за стол. Спокойная беседа возобновляется, но через некоторое время снова возвращаются к обвинениям Героини. Та вскакивает и хлещет цветами свекровь по лицу. Герой подскакивает к Героине, но та выбегает из комнаты, обогнув стол с другой стороны. Все трое родственников бросаются за ней. Попытку выйти из-за стола проделывает даже Слабоумный, но безуспешно.

Героиня успевает покинуть квартиру.

Сцена 4. Попрошайка

Изуверов. В переходе метро сидит женщина. Лет тридцати, сорока, может, двадцати. В мятой куртке, со спутанными волосами. Перед ней на полу коробка с деньгами. А на руках спит маленький ребенок в грязном комбинезончике. В переходе много людей. И деньги в коробку кладут часто. Я ходил мимо женщины около месяца и догадывался, кому уходят эти деньги. Сколько раз говорили, сколько писали, и все равно кладут. Люди наши готовы последнюю рубашку снять, последние копейки вытряхнуть.

Я, конечно, ничего не даю. Не хочу, чтобы на мои деньги негодяи покупали себе квартиры. Но и без меня в коробку кладут достаточно. Весь их бизнес держится на жадности и страхе. А прохожие делают вид, что ни о чем не догадываются. Только выуживают купюры из карманов, да швыряют в коробку. Благодетели.

И вот, я ходил по тому переходу с месяц, когда меня будто током ударило. Я остановился ря-

дом с попрошайкой, уставился на малыша, все в том же грязном комбинезончике. Я понял, что именно настораживало меня. В шумном подземном переходе с утра до вечера ребенок спал. Ни всхлипа, ни вскрика. Спал, уткнувшись личиком в колено матери. Попрошайка подняла глаза. Наши взгляды встретились. И, я уверен, она поняла то, что понял я. Ведь у меня у самого двое детей. Один-два-три года: как долго они спят в этом возрасте? Три часа максимум. Но за месяц хождения по переходу я ни разу не видел ребенка бодрствующим. Всегда уткнувшегося в колено матери.

Почему он спит все время, спросил я. Попрошайка сделала вид, что не расслышала. Только опустила глаза. Я повторил. Она подняла голову, посмотрела мне за спину. Пошел в жопу, произнесла она одними губами. Почему он спит, я почти закричал. Кто-то положил руку мне на плечо. Мужчина с типичным лицом вытряхнул из пятерни монеты. Что ты пристаешь, видишь, и так ей плохо. Попрошайка перекрестилась, изображая смирение. Ко мне подошел полицейский, спросил, в чем дело. На свой вопрос я получил от него исчерпывающий ответ. Пошел в жопу.

А ребенок все спал.

Я позвонил знакомому. Мне нужно было получить ответ на вопрос — почему спит ребенок. И я его получил. Под героином или водкой. Так сказал мой знакомый — цыган. Кто под героином, удивился я. Ребенок. Чтобы не кричал. Ей с ним целый день сидеть. Я не знал, что сказать. Стоял, держа трубку у уха. А знакомый все говорил. Что дети, конечно, часто умирают. Самое неприятное, когда днем, среди рабочего дня. И мать должна проходить с мертвым ребенком до вечера. Таковы правила.

А прохожие все бросали мелочь в коробку. Помогали.

Я вернулся в переход на следующий день. Полицейского, ответившего мне ругательством, не было. С собой я взял удостоверение председателя совета автомобилистов и был готов к серьезному разговору. Попрошайка держала уже другого ребенка. Мои вопросы она просто игнорировала. Меня интересовали документы на ребенка, и, самое главное, где вчерашний? Я пытался вразумить эту женщину, когда местные торговки выскочили из ларьков на ее защиту.

Торговки требовали, чтоб я вышвыривался из перехода. Я сопротивлялся. Пытался объяснить. К торговкам присоединились прохожие. Сначала пенсионеры, потом все остальные. Меня, председателя союза автомобилистов, выдворили из перехода, как бесправную собаку. Я собирался найти полицейский патруль, чтобы объяснить все им. Но полиция нашла меня сама. Вчерашний сержант подошел и потребовал документы. Документы я предоставил, и высказал мнение по поводу нахождения женщины с ребенком в переходе. Но сержант…

Сцена 5. Роды с «Колыбелькой»

Рита. Рожала я в мае этого года с Ермаковыми. Ребенок погиб. Всю беременность ходила без проблем. В женской консультации сказали, что все нормально. То же самое твердила Ермакова. Хотя, я говорила, что у меня узкий таз. Что впоследствии и подтвердилось. Восемнадцатого мая ночью отошли воды. Ермакова сказала, что сами роды еще не скоро. К утру было полное открытие. Она приехала, сразу заставила тужиться. Это тянулось восемь часов, ребенок не выходил. Ермакова думала, что тройное обвитие. После выяснилось, что обвития вообще не было. Зато у Ермаковой было много версий. Оказалось, ребенок идет задом и после восьми часов, когда я едва-

едва оставалась в сознании, Ермакова выдернула из меня ребенка. Ребеночек уже не дышал.

Дальше началось хамство. Сами виноваты, квартира у вас маленькая и грязная, ребенка вы не хотели, поэтому он не выходил. Она потребовала, чтоб я позвонила в Скорую и сказала, что сама родила. Мол, это лучший вариант, тогда от вас отстанут. Воспользовалась моим шоковым состоянием, добавила, что придет участковый, запишет, что случилось, и уйдет. Не хотите этого делать, можем забрать тело и сами закопать. И быстро, собрав все, что говорило об их присутствии, убежали.

Сколько сил и нервов потратила я в роддоме, объясняя, что произошло. Потом в полиции. В морге выяснилось, что у моего сыночка черепно-мозговая травма и перелом шеи. Две недели не могла получить тело. Выясняли, не я ли его убила, потому что в легких обнаружили воздух. Теперь Ермакова говорит, что ребенка не ждали. А я с августа не вылезала из «Колыбельки», ходила на все занятия. Ермакова утверждает, что мама не занималась и сама виновата. Потом стала говорить, что ничего страшного, еще родишь. Как будто в туалет сходить: сегодня плохо, завтра хорошо.

Дело еще не закрыто и мне приходится доказывать, что я не убийца собственного ребенка. Об этой стороне уж точно не думают, рожая дома. Ермакова даже не позвонила потом, даже привет не передала, жива я вообще. По ее поведению было видно, что у них это не первый случай, когда она выдергивает ребенка из матери, ломая ему череп и шею. Так спокойно она себя вела. Когда я позвонила сама и сказала, что у ребенка травмы, меня могут обвинить, ее интересовало только, чтоб их не упоминали. Раз уж я сказала, что рожала сама, не надо менять показания.

Прокуратуре все-таки стало известно о присутствии «Колыбельки». Тогда-то Ермакова засуетились, стала названивать. Хотела знать, что я про них сказала. Даже домой прислали сотрудницу, когда я на их звонки перестала отвечать. Уже два специалиста сказали, что роды были проведены исключительно непрофессионально. И теперь мне нужно доказывать, что «Колыбелька» была у меня и принимала роды. Следователь сказал, что ответственности они не понесут, их даже привлечь нельзя. Но самое ужасное, что эта стервозина не учитывает свои ошибки, не делает выводы. Если мать рожает хорошо, это заслуга Ермаковой, если плохо, сама виновата. После родов я ее не интересую. У них на уме только деньги. Роды превратились в бизнес. Ничего больше.

Теперь мне придется ходить в роддом, которого я так избегала, и общаться с их сотрудниками. Что-то доказывать им. Меня обязательно туда повезут. Скорее всего, с полицией. Полицейские должны присутствовать при осмотре. В худшем случае, как в моем, придется еще со следователями общаться. Этого, похоже, не избежать. Снова что-то доказывать. И так без конца. В состоянии, когда ты потеряла ребенка. Пытаться получить тело из морга. Ходить к ним пятнадцать раз. Понимать, что ничего нельзя сделать. Уходить в истерике.

Адвокаты в бесплатной юр. помощи сказали, что факт принятия родов нигде не зафиксирован, даже истории родов нет. В роддомах ее переписывают, у меня ее нет вообще. Ермакова ее просто уничтожила. Получается, что родов как бы и не было. Меня отправили на экспертизу, мать ли я этого ребенка. Унижали, как могли. Вернулась вся в слезах. Нужно искать людей, которые подтвердят факт моей беременности. Сейчас я в поиске.

Фридрих Ницше
ЗАКЛИНАНИЕ

Романс Фридриха Ницше «Beschwörung» («Заклинание») на слова Александра Пушкина. Романс впервые был напечатан в 1907 г. в немецком журнале «Morgen» (№ 28/29).

О том, что Ницше с раннего детства интересовался славянством и, в частности, Россией, мы знаем по биографии его, написанной сестрой философа Елизаветой Ферстер-Ницше. Этот интерес к славянству отчасти вызван был у Ницше его странной уверенностью в том, что он потомок древнего польского рода графов Ницких, — предположение, которое не имело никакого фактического основания. Из биографии Ницше мы узнаем, например, что, еще будучи ребенком, он живо интересовался политическими судьбами России, и по поводу разгрома Севастополя мальчик добровольно подверг себя трехдневному посту. Вплоть до последних годов своей сознательной жизни Ницше сохранил свои симпатии ко всему русскому: известен, например, его глубокий интерес к Достоевскому.

Вполне естественно, что величайший из русских поэтов не мог остаться чуждым Ницше. Стихотворения Пушкина известны ему были в переводе Боденштедта. При каких обстоятельствах Ницше решил положить на музыку одно из

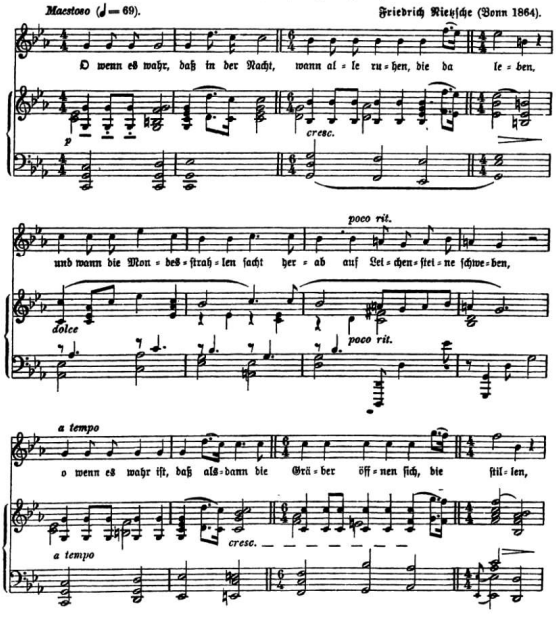
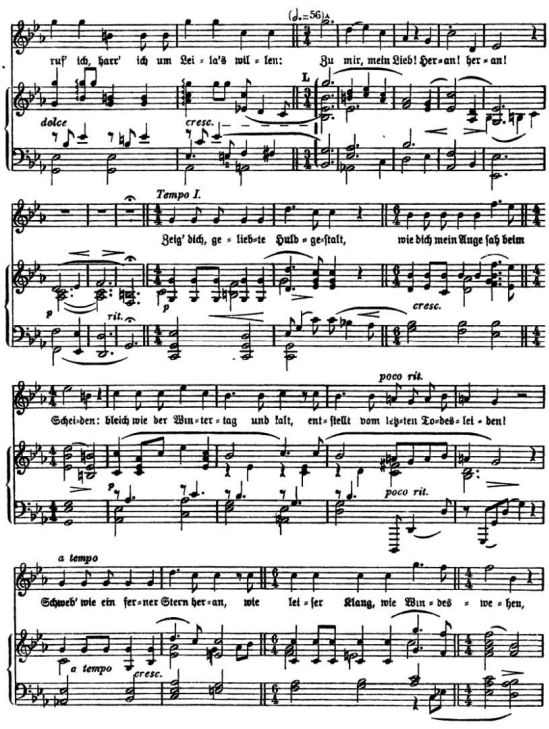
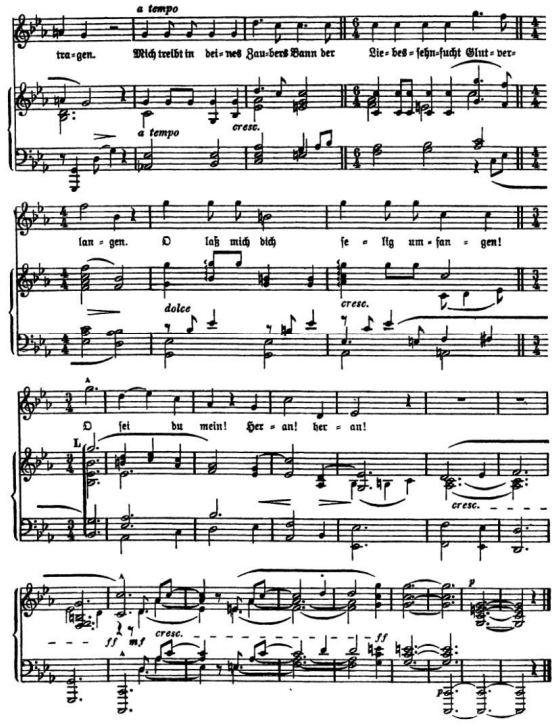
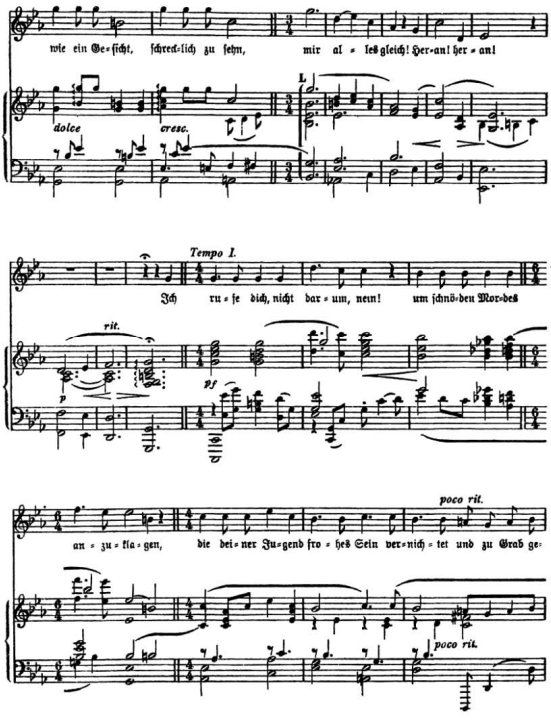
прекраснейших стихотворений Пушкина «Заклинание», нам выяснить не удалось. На рукописи ницшевского романса имеется пометка: «Бонн. 1864». Это был первый год пребывания Ницше в университете, и насколько можно судить по его переписке, он в Бонне был дружен с неизвестным нам русским студентом. Весьма возможно, что именно этот русский обратил внимание Ницше на «Заклинание». Романс этот не был первой композицией Ницше. С детских лет в нем жила горячая любовь к музыкальному искусству и многочисленные его композиторские опыты, частью хранящиеся ныне в веймарском архиве его имени, а частью опубликованные в виде приложений к биографии, написанной его сестрой, свидетельствуют о том, как серьезно он относился к своему призванию музыканта.

Е. Браудо

Beschwörung.

(Alexander Puschkin.)

Für eine Singstimme mit Pianofortebegleitung komponiert von

Friedrich Nietzsche (Bonn 1864).

(♩.=56)
ruf' ich, harr' ich um Lei = la's will = len: Zu mir, mein Lieb! Her=an! her = an!
dolce
cresc.
Tempo I.
Zeig' dich, ge = lieb=te Huld = ge=ſtalt, wie dich mein Auge ſah beim
rit.
cresc.
poco rit.
Schei=den: bleich wie der Win=ter=tag und kalt, ent=ſtellt vom lei=den To=des=lei = den!
poco rit.
a tempo
Schweb' wie ein fer=ner Stern her=an, wie lei = ſer Klang, wie Win = des = we = hen,
a tempo
cresc.

a tempo
tra-gen. Mich treibt in bei-nes Zau-bers Bann der Lie-bes-sehn-sucht Glut-ver-
cresc.
a tempo
lan-gen. O laß mich dich se-lig um-fan-gen!
dolce
cresc.
O sei du mein! Her-an! der-an!
cresc.
cresc.
ff mf
ff
p

wie ein Ge=ſicht, ſchreck=lich zu ſehn, mir al = les gleich! Her=an! her = an!
dolce
cresc.
Tempo I.
Ich ru = fe dich, nicht dar = um, nein! um ſchnö=den Mor=des
rit.
p
pf
poco rit.
an = zu = kla = gen, die bei = ner Ju=gend fro = hes Sein ver=nich = tet und zu Grab ge=
poco rit.

ХРОНИКА ДУЭЛЕЙ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

Состоявшиеся дуэли отмечены звездочками.

1. 1816 год. Пушкин вызвал на дуэль Павла Ганнибала, родного дядю.

Причина: Павел отбил у молодого 17-летнего Пушкина даму на балу (далеко не красавицу).

Итог: Дуэль отменена.

Хоть ты, Саша, среди бала
Вызвал Павла Ганнибала,
Но, ей Богу, Ганнибал
Не подгадит ссорой бал!
(Ганнибал)

2. 1817 год. Пушкин вызвал на дуэль Петра Каверина, своего друга.

Причина: сочиненные Кавериным шутливые стихи.

Итог: Дуэль отменена.

3. 1819 год. Пушкин вызвал на дуэль поэта Кондратия Рылеева.

Причина: Рылеев пересказал на светском салоне шутку Толстого про Пушкина. Будто бы его высекли в тайной канцелярии.

Итог: Дуэль не состоялась.

4. 1819 год. Пушкин вызвал на дуэль и графа Федора Толстого.

Причина: Шутка, что Пушкина высекли в тайной канцелярии. Дуэлянты обменялись едкими эпиграммами, но у барьера так и не встретились. Кстати, судьба Толстого (большого счастливого дуэлянта) уникальна и мистична. Пушкин с ним даже подружился.

Итог: Дуэль не состоялась.

5*. 1819 год. Пушкина вызвал на дуэль его друг Вильгельм Кюхельбекер.

Причина: шутливые стихи про Кюхельбекера, а именно, пассаж «кюхельбекерно и тошно».

Итог: Вильгельм в Пушкина выстрелил, а Пушкин в Вильгельма нет.

6. 1819 год. Пушкин вызвал на дуэль Модеста Корфа, служащего из министерства юстиции.

Причина: слуга Пушкина приставал пьяным к слуге Корфа, и тот его избил.

Итог: Дуэль отменена.

7. 1819 год. Пушкин вызвал на дуэль майора Денисевича.

Причина: Пушкин вызывающе вел себя в театре, крича на артистов, и Денисевич сделал ему замечание.

Итог: Дуэль отменена.

8. 1820 год. Пушкин вызвал на дуэль Федора Орлова и Алексея Алексеева.

Причина: Орлов и Алексеев сделали Пушкину замечание за то, что тот пытался в пьяном виде играть в бильярд и мешал окружающим.

Итог: Дуэль отменена примирением сторон.

9. 1820(?) год. Дуэль с неизвестным греком.

Причина: кишиневского грека (его фамилия не сохранилась) Пушкин вызвал на дуэль так

как тот удивился, как мог Пушкин не знать какую-то книгу, о которой случайно зашла речь.

Итог: Дуэль не состоялась.

10. 1821 год. Пушкин вызвал на дуэль на саблях офицера французской службы Дегильи.

Причина: ссора с невыясненными обстоятельствами.

Итог: Дуэль не состоялась, Дегильи отказался.

11*. 1822 год. Пушкина вызвал на дуэль подполковник Семен Старов.

Причина: не поделили ресторанный оркестр при казино, где оба предавались азартной игре.

Итог: стрелялись, но оба промахнулись.

12. 1822 год. Пушкин вызвал на дуэль 65-летнего статского советника Ивана Ланова.

Причина: ссора во время праздничного обеда. Ланов назвал поэта молокососом, а в ответ получил от Пушкина звание винососа и вызов на дуэль.

Итог: Дуэль отменена, Пушкина посадили под арест.

13*. 1822 год. Пушкин вызвал на дуэль молдавского вельможу Тодора Балша, хозяина дома, где он гостил в Молдавии.

Причина: Пушкину недостаточно учтиво ответила Мария на некий вопрос супруга Балша.

Итог: стрелялись, но оба промахнулись.

14. 1822 год. Пушкин вызывает на дуэль бессарабского помещика Скартла Прункуло.

Причина: Тот был в качестве секунданта на дуэли, где Пушкин был так же секундантом, и они не договорились о правилах дуэли.

Итог: Дуэль отменена.

15. 1822 год. Пушкин вызывает на дуэль Северина Потоцкого.

Причина: дискуссия за обеденным столом о крепостном праве.

Итог: Дуэль отменена.

16. 1822 год. Пушкина вызвал на дуэль штабс-капитан Рутковский.

Причина: Пушкин не поверил, что бывает град весом в 3 фунта (а градины такого веса все-таки бывают) и высмеял отставного капитана.

Итог: дуэль отменена.

17. 1822 год. Пушкин вызвал на дуэль кишиневского богача Инглези.

Причина: Пушкин домогался его жены, цыганки Людмилы Шекора.

Итог: Дуэль отменена, Пушкин был посажен под арест.

18*. 1822 год. Пушкина вызвал на дуэль прапорщик генерального штаба Александр Зубов.

Причина: Пушкин уличил Зубова в шулерстве во время игры в карты. На дуэль Пушкин явился с фуражкой, полной черешни, и ел ягоды, пока соперник в него целился.

Итог: Зубов стрелял в Пушкина (мимо), а сам Пушкин от выстрела отказался.

19. 1823 год. Пушкин вызвал на дуэль молодого молдавского писателя Ивана Руссо.

Причина: личная неприязнь Пушкина к этой персоне.

Итог: Дуэль отменена.

20. 1826 год. Пушкин вызвал на дуэль Николая Тургенева, одного из руководителей Союза благоденствия, члена Северного общества.

Причина: Тургенев ругал стихи поэта, в частности, его эпиграммы.

Итог: Дуэль отменена.

21. 1827 год. Пушкина вызвал на дуэль артиллерийский офицер Владимир Соломирский.

Причина: Пушкин, бывая в доме князя Урусова, пользовался вниманием его дочери по имени София, к которой его приревновал Соломирский.

Итог: Дуэль отменена благодаря усилиям секундантов.

22. 1828(?) год. Дуэль с неизвестным.

Причина: Неизвестна. «*Мне удалось даже отвести его от одной дуэли. Но это посторонее*»... (Ф. Н. Глинка, из письма к Бартеневу). Историки практически ничего не знают об этой дуэли.

Итог: Дуэль отменена благодаря усилиям Ф. Н. Глинки.

23. 1828 год. Пушкин вызвал на дуэль министра просвещения Александра Голицына.

Причина: Пушкин написал дерзкую эпиграмму на министра и тот устроил ему за это допрос с пристрастием.

Итог: От дуэли противников удержал поэт и публицист Федор Глинка.

24. 1828 год. Пушкин вызвал на дуэль секретаря французского посольства в Петербурге Лагрене.

Причина: неизвестная дама на балу и услышанная фраза обращенная к Пушкину «Прогоните его».

Итог: Дуэль отменена.

25. 1829 год. Поэт вызывает на дуэль Хвостова, чиновника министерства иностранных дел.

Причина: последний плохо выразился об эпиграммах Пушкина, в которых автор сравнивает Хвостова со свиньей.

Итог: Дуэль отменена.

26. 1836 год. Поэт вызывает на дуэль Репина.

Причина: Та же, что и в предыдущем случае — недовольство, вызванное стихами Пушкина о дуэлянтах.

Итог: Дуэль отменена.

27. 1836 год. Дуэль с чиновником министерства иностранных дел Семеном Хлюстиным.

Причина: Та же, что и в двух предыдущих случаях.

Итог: Дуэль отменена.

28. 1836 год. Поэт вызывает на дуэль Владимира Сологуба.

Причина: Нелестный отзыв Владимира о жене Пушкина Наталье.

Итог: Дуэль отменена.

29. 1936 год. Пушкин вызывает на дуэль Дантеса.

Причина: Анонимные письма «рогоносца» с намеком на связь Дантеса с Натали.

Итог: Дуэль отменена, так как Дантес делает предложение сестре Натали Екатерине Гончаровой.

30*. 1837 год. Пушкина вызывает на дуэль нидерландский посол Геккерн, но драться за себя посылает приемного сына Жоржа Дантеса.

Причина: Письмо Пушкина, в котором он резко отозвался о Геккерне как об отце Дантеса, нелестно охарактеризовал его приемного сына и «отказал им от дома».

Итог: Пушкин убит, Дантес ранен в правую руку (пуля рикошетит от пуговицы на груди).

манифест

ЗНАЧИМОСТЬ ПРОТИВ СУЩЕСТВОВАНИЯ, ИЛИ ДВЕНАДЦАТЫЙ МАНИФЕСТ ОПУСТОШИТЕЛЯ

В 1963 году Ролан Топор написал «Краткое паническое руководство», которое можно считать манифестом постсюрреалистической группы «Паника» (в нее вошли так же Фернандо Аррабаль и Алехандро Ходоровски).

Состоящее из 51-го пункта «Руководство» содержит много интересного, остроумного и даже полезного, а заканчивается оно так: «Единственный индивидуальный бунт состоит в том, чтобы выжить». Что весьма и весьма спорно.

45-й пункт гласит: «Скрытность, лицемерие, ложь и остальные пороки, заклейменные в различных системах морали, — на самом деле техники индивидуального выживания». То есть речь идет об индивиде, барахтающемся в миазмах общества, всеми силами пытающегося сделать его послушным или уничтожить.

Топор предлагает обывателю стать неотличимым от среды, его окружающей, то есть социальной среды. Унаследовать все ее отрицательные качества: скрытность, лицемерие, ложь и остальные пороки. Чтобы на него перестали обращать внимание, оставили наконец в покое.

Члены группы «Паника» всю жизнь пытались обнулить социальные константы, шли против общества. Странно из их уст звучат призывы не

выбиваться из общего строя. Еще более экстравагантно наделение жизни ключевой ценностью (51-й пункт).

А ведь хорошо известно: чем старше становится человек, чем меньше в нем витальности, энергии, смысла жизни или хотя бы удовольствия и удовлетворения от нее, тем с большим остервенением он за нее цепляется.

Парадоксально, но старики и инвалиды, каждый день жалующиеся на невыносимость существования, страшно не хотят умирать. В отличие от 20-30-летних, живущих полной жизнью. Не обязательно молодежь жаждет смерти, но уж точно она не вызывает у них ужаса.

Юкио Мисима покончил с собой в 45 лет. Владимир Маяковский покинул свет в 36. Рене Кревель повесился в 34… А сколько еще ярких и вместе с тем осмысленных героев ушли из жизни, даже из числа популярной культуры. Для них уж точно индивидуальный бунт не состоял в том, чтобы выжить любой ценой.

Опыт этих людей, в том числе членов «Паники», можно обобщить так: цель человека состоит в том, чтобы вдохнуть смысл в свою жизнь, оторваться от атомарного нуля, в который его заталкивает пошлое окружение, и обрести хоть какое-то положительное значение.

А выживание оставить тем, кто уже мертв. Причем мертв добровольно.

Москва,
6 апреля 2025

extremum

Вадим Климов

ЭСТЕТИКА, МОДА, СОВРЕМЕННОСТЬ

Дада разрушает мир,
но обломки прекрасны.

Анри Лефевр

Эстетика

Сальвадор Дали, последователь одного из самых экстравагантных художественных направлений XX века — сюрреализма — написал в 1928 году эссе «Поэзия стандарта», где возвысил стандарт над фальшивой оригинальностью.

В самом понятии «оригинальность» уже заложена двусмысленность. Оригинальный это и подлинный, неподдельный, и своеобразный, необычный. Почти противоположные качества обозначаются одним и тем же словом, что не может не вносить путаницы.

Разумеется, сюрреалистам были смешны потуги современников на оригинальность. Это касалось абсолютно всего: мировоззрения, искусства, межличностных отношений, даже повседневной моды. Собственно, на примере повседневной моды проще всего обнаружить необоснованность претензий на оригинальность.

Быть оригинальным означает, прежде всего, преодоление среднего уровня. Посредственность никогда не бывает оригинальной. Она может

быть лишь «самой собой», то есть чем-то противоположным оригинальному.

В современной рекламе такая подмена вуалируется посредством введения дополнительного звена. Стать самим собой, то есть оригинальным, предлагается через имитацию чужого образа. Что совсем не сложно, к тому же «вы этого достойны».

Повседневная мода предлагает набор образов, имитируя которые вы становитесь красивыми. У обывателя нет собственных представлений о красоте, поэтому он восполняет эстетический пробел посредством поп-культуры.

В контексте повседневности вы обретаете самого себя, становясь похожим на кого-то другого, имитируя популярный образ. А имитируя чужой образ, наследуете его красоту. То есть становитесь оригинальными.

Если в этой цепочке заменить популярный образ на непопулярный, то вы не обретете красоту и не станете оригинальными. Красота и оригинальность (здесь между ними нет никаких различий) становятся производными популярности.

Что, разумеется, является полным абсурдом, так как оригинальность, в каком бы значении мы не использовали это слово, не может строиться на имитации чего бы то ни было, даже популярных образов.

Мода

Своеобразная мода все чаще попадается на глаза: дамы в безразмерных мешковатых одеяниях. Нечто вроде древнеримских туник, но вместо тонкой ткани пышная перина. Выглядит все это чудовищно, хотя подобным одеянием давно уже не удивишь алчных до всего нового в искусстве одеваться.

Искусство это же не демонстрация красивого или уродливого, категорий дилетантов, — в искусстве речь идет об эстетике. И вот эта модная эстетика приводит барышень к бесформенности, то есть к квинтэссенции современности.

До этого можно было бегать с голым торсом или, наоборот, кутаться в паранджу — все это были определенные формы. Здесь же мы наконец сталкиваемся с полной ее потерей, добровольным пожертвованием в пользу...

Кажется, никакой пользы в этих безвкусных мешках нет. Когда-то на свет появился так называемый oversize для публики с не совсем безупречной фигурой. Не все коротконогие толстушки хотели носить мини-юбки с топиками, оголяющими все самые ценные дефекты.

Оверсайз оказался так успешен, что вскоре распространился среди людей с достойными формами. Выяснилось, что хорошая фигура не заменяет ни вкуса, ни понимания. И вот наконец оверсайз, этот выродок модной индустрии, пришел к полной апатии в отношении формы.

Завернуться в перину — достойный Рене Генона кризис мира. Повторюсь, наличие формы не заменяет остальных качеств, но ее столь демонстративное отсутствие, определенно, заявляет о том, что мы наконец вывели человека без свойств.

Без единого качества.

Похожего не пойми на что.

Даже облака без штанов почти больше нет.

И скоро, по всей видимости, не будет окончательно.

Современность

Я думаю, размывание полов — совершенно объективный процесс. Женская составляющая мужчины будет проявляться в нем все отчетли-

вее. А в женщине — мужская. Об этом уже давно говорят на бытовом уровне.

Трансгендеры — всего лишь вульгарная карикатуризация обозначенной тенденции. Фальстарт гендерной инверсии. Но то, о чем я пишу, это не превращение мужчины в женщину или наоборот. Это все большая неразличимость полов. Унисекс.

Общество потребления, комфорта и безопасности с весьма условными представлениями о целях и смысле существования, с буквально выхолощенным содержанием жизни, подчиненной каким-то бульварным иллюзиям, есть реальность и предпосылки исчезновения пола.

А при дополнительной атомизации социума, который из гетерогенного пространства превращается в гомогенную массу разобщенных индивидов, человек в перспективе придет к тому, что будет образовывать пару с самим собой.

На пользу пойдет и шизофрения масс, когда индивид (от *лат.* неделимый) превращается в дивида, то есть делимого. Человек будущего распадется на фрагменты необходимым образом, чтобы поженить себя на себе же. Это и станет пределом либеральной истории. И ее концом.

Сердцевина человека

Если вам отрезать руку, вы скажете: это я, а это моя рука. То же самое можно проделать с любым выступающим членом или внутренним органом. Но когда наступает момент, когда вы уже не сможете отыскать в остатке себя?

Обычно люди помещают себя в голову, считая, что в мозге расположено их сознание, с которым они себя ассоциируют. Но ту же операцию отсечения можно распространить и на сознание. Например, есть целый класс людей, испытывающих нечто вроде гордости по поводу того, что им

недоступны рациональные рассуждения. Здесь можно не глядя рубить все левое полушарие: вот я, а вот моя рациональность.

Но в какой-то момент мы дойдем до сердцевины человека, которую он не даст отсечь или разделить на части. Точнее, это будет то, что индивид считает своими главными чертами, хотя человек почти всегда ошибается, особенно на свой счет.

Например, женщины, обделенные красотой. Такой даме приятно уподобить себя бокалу вина: бокал, мол, приятен глазу, но ему предпочитают само вино. О напитке сложно что-то сказать, пока вы его не попробуете. И это скрывает огромное пространство для маневра. Не только сторонним гурманам неведомы качества вина, которое они еще не пили, — самому вину они тоже неизвестны. Вино вообще не способно разобрать свой вкус, оно не видит даже своего цвета.

Это и есть сознание человека, готового отказаться от любого своего фрагмента. И сознание некрасивой женщины, не замечающей свое серость, а то и вовсе безобразие.

Сердцевина человека — не набор наиболее ценимых им качеств, а то, что он не осознает, лишь смутно подозревает об их существовании, не в силах сказать об этом что-то более-менее внятное.

Этот странный напиток, который никто не пробовал, включая самого человека, и есть главная его часть. Сердцевина, без которой он невозможен.

Математический post scriptum

Раньше у меня было представление о красоте и сексуальности следующим. Я разводил эти понятия, не позволяя им слиться. Причем красоту я ставил выше сексуальности. Красота измерялась

линейно: от ее полного отсутствия до полного присутствия.

Потом я стал замечать в женщинах определенные черты, выводящие их за рамки красоты. То есть женщина остается красивой, но это уже совсем другая красота. Я назвал это качество породой. Не буду объяснять его параметрическим или эстетическим образом.

Вы смотрите на такого человека и говорите: «АХ!» Не потому что он дико красив, а потому что его типаж превзошел меру красоты. Это уже совсем иная красота.

Бесконечности даже в математике различаются. Отличие красивых типажей напоминает различие кардинальных чисел. Это превосходство одной бесконечности над другой.

Когда вы смотрите на красивую женщину…

А потом ваш взгляд смещается на другую красивую женщину…

И вы понимаете, что их красота несопоставима. В обычных числах этого не измерить. Только бесконечной плотностью математического множества.

В последнее время я все чаще замечаю не просто красивых женщин, а породистых. Обвал красоты на наши головы. Точнее, на мою, потому что другие видят иначе. Если двое видят одно и то же, то это, как известно, не одно и то же.

Поэтому я оставляю понимание красоты только за собой. Другие не понимают в ней ничего.

Рене Генон

ЗЛО ПСИХОАНАЛИЗА

Если от философии мы перейдем к психологии, то заметим, что те же тенденции проявляются в самых недавних школах и в еще более опасном виде, так как вместо того, чтобы выражаться в простых теоретических воззрениях, они находят практическое применение очень настораживающего характера; наиболее «представительными» из этих новых методов, с нашей точки зрения, являются методы, известные под общим названием «психоанализа». К тому же следует отметить, что со странной непоследовательностью это манипулирование элементами, несомненно принадлежащими к тонкому миру, постоянно сопровождается, тем не менее, у большинства психологов материалистической установкой, которой они, без сомнения, обязаны своему предшествующему образованию, а также неведению, в котором они пребывают относительно истинной природы тех элементов, которые они приводят в действие[11]; не является ли одной из наибо-

[11] Случай самого Фрейда, основателя «психоанализа», совершенно типичен с этой точки зрения, так как он никогда не переставал называть себя материалистом. Однако замечание по ходу дела: почему главные представители новых тенденций, такие как Эйнштейн в физике, Бергсон в философии, Фрейд в психологии и еще многие другие менее значительные, почти все по своему происхождению евреи, если не потому, что существует нечто, в точности соответствующее «пагубной» и разлагающей стороне сошедшего со своего пути

лее странных черт современной науки то, что она никогда в точности не знает, с чем в реальности имеет дело, даже когда речь идет о собственно телесных силах? Впрочем, само собою разумеется, что некая «лабораторная психология», завершение процесса ограничения и материализации, в котором «философско-литературная» психология университетского образования представляет собой лишь менее продвинутую стадию и которая есть не что иное, как нечто вроде побочной ветви физиологии, всегда сосуществует с новыми теориями и методами; именно к ней относится то, что мы говорили выше о попытках свести саму психологию к количественной науке.

Тот факт, очень значительный сам по себе, что современная психология всегда рассматривает только «подсознательное» и никогда «сверхсознательное», которое логически должно быть его коррелятором, конечно, выходит за рамки просто словарного способа выражения; не стоит сомневаться, что в этом выражается проникновение, которое совершается исключительно через низ, то есть с той стороны, которая соответствует здесь, в человеческом бытии, так же, как и повсюду в космической среде, «трещинам», через которые проникают самые «пагубные» влияния тонкого мира, мы бы могли даже сказать, такие влияния, которые обладают поистине «инфернальным»[12] характером. Некоторые в качестве синонима или эквивалента термина «подсознательное» принимают термин «бессознательное»,

---

кочевничества, которая неизбежно доминирует у евреев, оторвавшихся от своей традиции?

[12] Следует отметить в этой связи, что к своему «Толкованию сновидений» Фрейд предпослал следующий, весьма значительный эпиграф: «Flectere si nequeo superos, Acheronta movebo» (Вергилий, Энеиды, VII, 312).

который, понятый буквально, мог бы быть отнесен к еще более низшему уровню, но, говоря по правде, который менее точно соответствует реальности; если бы действительно речь шла о подлинно бессознательном, не ясно даже, как вообще об этом можно было бы говорить и, в особенности, в понятиях психологии; кроме того, на каком основании нужно предполагать существование в реальности чего-то бессознательного, если это не простой материалистический или механистический предрассудок? Как бы то ни было, но стоит отметить ту странную иллюзию, благодаря которой психологи стали считать состояния тем более «глубокими», чем они оказываются более низкими; нет ли в этом уже как бы знака тенденции противления духовности, которая одна лишь может быть названа поистине глубокой, поскольку она одна соприкасается с принципом и с самим центром бытия? С другой стороны, поскольку сфера психологии вовсе не простирается кверху, постольку «сверхсознательное», естественно, остается для нее столь же чуждым и закрытым, как и всегда; и если что-либо и встречается, относящееся к нему, то она просто присоединяет это к «подсознательному», ассимилируя с ним; именно таков почти не меняющийся характер ее гипотетических объяснений, относящихся к таким вещам, как религия, мистицизм, а также некоторые аспекты таких восточных учений, как йога; в этом смешивании высшего с низшим уже есть что-то такое, что можно рассматривать, собственно, как подготавливающее настоящее разрушение.

Отметим также, что обращением к «подсознательному» психология, так же как и «новая философия», все более и более стремится соединиться с «метафизикой»[13]; и в той же мере, она неиз-

[13] «Психист» Майер (Myers) изобрел выражение

бежно сближается, может быть, не желая этого (по крайней мере это касается тех ее представителей, которые считают себя материалистами, несмотря ни на что), со спиритизмом и с другими более или менее сходными вещами, опирающимися в конечном счете на одни и те же темные элементы низшего психизма. Если эти вещи, происхождение и характер которых более чем подозрительны, имеют таким образом вид «предшествующих» и скоординированных движений психологии недавнего времени, и если ей удается, пусть ложным, но тем самым и более легким образом, чем «метафизический», который еще обсуждается в определенных кругах, ввести упомянутые элементы в текущую жизнь той сферы, которая считается «официальной» наукой, то весьма трудно не признать, что истинная роль этой психологии при настоящем состоянии мира может быть только активным содействием второй фазе антитрадиционного действия. В этом отношении претензия обычной психологии, о которой сейчас шла речь, присоединить к себе некоторые вещи, искусственно относя их к «подсознательному», которые полностью ускользают от нее по самой своей природе, еще раз обнаруживает, несмотря на свой достаточно четкий разрушительный характер, то, что мы могли бы назвать ребяческой стороной этой роли, так как объяснения такого рода, точно так же, как и «социологические» объяснения тех же самых вещей, по существу есть «упрощенческая» наивность, доходящая иногда до нелепости; это значительно менее опасно с точки зрения ее действительных последствий, чем поистине «сатанинская» сторона, которую мы должны рассмотреть теперь бо-

---

«сублимированное сознание», которое для краткости было заменено позже в словаре психологов словом «бессознательное».

лее тщательно в том, что касается современной психологии.

Этот «сатанинский» характер проявляется с особой четкостью в психоаналитических интерпретациях символизма или того, что выдается за таковой, правильно или неправильно; мы делаем это ограничение, потому что в этом пункте, как и во многих других, необходимо сделать много различий и рассеять много заблуждений, если желают рассмотреть его более детально; так, если взять лишь один типичный пример, сон, в котором выражается «сверхчеловеческое» внушение, является подлинно символическим, тогда как обычное сновидение вовсе таковым не является, каковы бы ни были его внешние проявления. Разумеется, психологи прежних школ часто уже пытались по-своему объяснить символизм и представить его соразмерным своим собственным концепциям; в подобном случае, если речь действительно идет о подлинном символизме, эти объяснения с помощью чисто человеческих элементов здесь, как и всюду, где имеют дело с традиционным порядком, неправильно оценивают то, что в нем составляет самое существенное; если же, напротив, речь идет о вещах чисто человеческих, то это не более, чем ложный символизм, но сам факт обозначения его этим именем заключает в себе ту же самую ошибку относительно природы истинного символизма. Это также приложимо и к исследованиям, которым предаются психоаналитики, но с той разницей, что тогда больше не надо говорить только о человеческом, но также и по большей части об «инфрачеловеческом»; на этот раз, следовательно, присутствует не только простое снижение, но и тотальное разрушение; а всякое разрушение, даже если оно непосредственно вызвано лишь непониманием и невежеством (которые, впрочем, суть как раз то, что лучше всего годится для такого упот-

ребления), всегда само по себе является в собственном смысле слова «сатанинским». Кроме того, мерзкий и отталкивающий характер психоаналитических интерпретаций представляет собою «печать», которая не может обмануть; с нашей точки зрёния, особенно значимо, как мы уже показывали это в другом месте[14], как раз то, что именно эта же самая «печать» также встречается и в некоторых спиритических проявлениях; конечно, нужно быть слишком благосклонным, если не сказать, полностью ослепленным, чтобы не видеть в этом ничего, кроме простого «совпадения». Психоаналитики, естественно, в большинстве случаев, могут, как и спириты, совершенно не осознавать того, что реально содержится под всем этим, но и те и другие одинаково выглядят как «ведомые» разрушительной волей, использующей в обоих случаях элементы воли одного и того же порядка, если не в точности тождественные; воли, которая, каковы бы ни были существа, в которых она воплотилась, является в них совершенно сознательной и несомненно отвечает интенциям, сильно отличающимся от всего того, что могут вообразить те, кто является всего лишь бессознательным инструментом их осуществления.

При этих условиях совершенно очевидно, что основное использование психоанализа или его терапевтическое применение, может быть лишь крайне опасным для тех, кто ему подвергается, и даже для тех. кто его осуществляет, потому что это такие вещи, манипулирование с которыми никогда не остается безнаказанным; не будет преувеличением видеть в этом одно из средств, специально пущенных в действие для наибольшего увеличения нарушения равновесия современного мира и приведения его к окончательно-

[14] См. «Спиритическая ошибка», 2-я часть, гл. X.

му распаду.[15] Мы не сомневаемся, что те, кто эти методы практикует, напротив, убеждены в благотворности своих результатов; как раз благодаря этой иллюзии и стало возможно их распространение, и именно в этом можно видеть всю разницу, которая существует между намерениями этих «практиков» и той волей, которая руководит работой, слепыми исполнителями которой они являются. Реально, психоанализ мог иметь своим следствием только выведение на поверхность всего содержания того дна человеческого существа, сделав его ясно осознаваемым, которое и образует то, что собственно называют «подсознательным»; кроме того, в соответствии с гипотезой, это существо уже является ослабленным, потому что если бы это было не так, то у него не было бы никакой потребности прибегать к лечению этого рода; следовательно, оно еще менее способно сопротивляться этому «разрушению» и рискует быть безвозвратно поглощенным этим хаосом неосторожно развязанных темных сил; если, несмотря ни на что, ему удается избежать этого, то оно, по крайней мере, будет сохранять в течение всей своей жизни отпечаток, который на нем будет как несмываемое «пятно».

Мы хорошо понимаем, что здесь можно было бы возразить, напомнив о сходстве с «нисхождением в ад», как это встречается в приготовительных фазах к процессу посвящения; но это сближение является совершенно ошибочным, так как их цели не имеют ничего общего, так же, впрочем, как и условия «субъектов» в обоих случаях;

[15] Другой пример таких средств предоставляет нам сходное использование «радиостезии», так как и здесь в большинстве случаев в игру вступают психические элементы того же качества, хотя следует признать, что здесь они не обнаруживают того «гнусного» аспекта, который так явен в психоанализе.

можно говорить только о своего рода профанной пародии, и одного этого было бы достаточно, чтобы придать тому, о чем идет речь, характер довольно опасной «подделки». Истина заключается в том, что это предполагаемое «нисхождение в ад», за которым не следует никакого «восхождения», есть просто «падение в грязь», согласно общеупотребительному символизму в некоторых древних мистериях; известно, что эта «грязь» имела свое наглядное изображение по дороге к Элевсину, и падающие в нее — это профаны, претендующие на посвящение, не имея квалификации для его получения, и, следовательно, являющиеся лишь жертвами своей собственной опрометчивости. Мы добавим только, что такая «грязь» существует как на макрокосмическом уровне, так и на микрокосмическом; это прямо относится к вопросу о «тьме внешней»[16], и по этому поводу можно было бы напомнить некоторые евангельские тексты, смысл которых в точности согласуется с тем, что мы только что сказали. При «нисхождении в ад» существо окончательно исчерпывает некоторые низшие способности, чтобы иметь возможность затем подняться к высшим состояниям; в «падении же в грязь» низшие способности, напротив, полностью им овладевают, доминируют над ним и, в конце концов, полностью его поглощают.

Только что мы здесь говорили о «подделке»; это впечатление значительно усиливается и другими утверждениями, такими, как искажение символизма, о котором мы говорили, искажение, которое стремится расшириться, к тому же, на все то, что включает в себя, по существу, «сверхчеловеческие» элементы, как это видно на при-

[16] Здесь можно напомнить сказанное нами выше относительно символизма «Великой Стены» и горы Локалока (Lokaloka).

мере установки по отношению к религии[17] и даже к учениям метафизического порядка посвящения, таким, как йога, которые теперь не могут уже избежать этого нового типа интерпретации, вплоть до того, что кое-кто доходит до отождествления их методов духовной «реализации» с терапевтическими процедурами психоанализа. Существует еще нечто более худшее, чем самые грубые деформации, встречающиеся на Западе, как например, когда в этих самых методах йоги предпочитают видеть нечто вроде «физической культуры» или терапии чисто физиологического порядка, поскольку они в виду самой своей грубости менее опасны, чем те, которые предстают в более утонченном виде. И причина не только в том, что эти последние рискуют соблазнить умы, на которые первые не имеют никакого воздействия; конечно, эта причина существует, но есть еще и другая, гораздо более важная, та же самая, по которой, как мы уже объясняли, материалистические концепции менее опасны, чем те, которые обращаются к низшим проявлениям психики. Разумеется, чисто духовная цель, которая, по существу, только одна конституирует йогу как таковую и без которой даже использование этого слова есть не что иное, как настоящая насмешка, ничуть не в меньшей степени остается нераспознанной как в том, так и в другом случае; фактически, йога в такой же степени не является психотерапией, как она не является и телесной терапией, и ее процедуры ни в какой степени и никоим образом не являются лечением больных или неуравновешенных людей; будучи далеки от этого, они, напротив, адресуются исключительно

[17] Фрейд посвятил психоаналитической интерпретации религии специальную книгу, в которой его собственные концепции комбинируются с «тотемизмом» и «социологической школой».

к тем существам, которые, чтобы иметь возможность реализовать духовное развитие, являющееся единственным ее смыслом, должны уже быть вследствие одних только своих естественных предрасположений настолько идеально уравновешенными, насколько это возможно; в этом состоит условие, которое, как это легко понять, в точности относится к вопросу о степенях посвящения.[18]

Это еще не все, есть нечто, в отношении «подделки», что может быть еще более достойно рассмотрения, чем все то, что мы упоминали до сих пор: это настоятельная необходимость для того, кто хочет практиковать психоанализ профессионально, предварительно быть самому «подверженному психоанализу». Это прежде всего предполагает признание того факта, что существо, претерпевающее такую операцию, более никогда не будет таким, каким оно было прежде или что, как мы только что сказали, она оставляет на нем нестираемый отпечаток, как и посвящение, но в некотором роде в обратном смысле, поскольку вместо духовного развития здесь речь идет о развитии низших проявлений психики. С другой стороны, здесь есть явное подражание трансмиссии посвящения; но поскольку есть отличие по природе привходящих влияний и при этом действительный результат, что не позволяет считать это сводимым к простой, не имеющей значения видимости, то эта трансмиссия сравнима скорее, в реальности, с той, которая практикуется в такой сфере, как магия и даже, гово-

[18] Относительно попытки применения психоаналитических теорий к даосскому учению, что принадлежит тому же порядку, смотрите исследование Андре Прео «Золотой цветок и Даосизм без Дао», которое представляет собою замечательное опровержение их. (Andre Preau. La Fleur d'or et le Taoisme sans Tao.).

ря точнее, колдовство. Однако существует очень темный пункт, касающийся самого происхождения этой трансмиссии: поскольку очевидно, что невозможно дать другому того, чем не владеешь сам, и поскольку изобретение психоанализа есть вещь совсем недавняя, то откуда первые психоаналитики получают «силы», которые они сообщают своим ученикам, и кем они сами могли бы быть «подвергнуты психоанализу» с самого начала? Этот вопрос, который, тем не менее, логично поставить для тех, кто хоть немного способен размышлять, возможно, слишком нескромен, и более чем сомнительно, чтобы когда-нибудь на него был дан удовлетворительный ответ; но, по правде говоря, в этом нет надобности, чтобы признать в такой психической трансмиссии еще одну, поистине зловещую «печать», учитывая те сопоставления, которым она дает место: с этой стороны психоанализ обнаруживает весьма ужасающее сходство с некоторыми «таинствами дьявола»!

Хосе Ортега-и-Гассет

ПРИМЕТЫ ЛЮБВИ[19]

Поговорим о любви, условившись, что о «любовных историях» мы говорить не будем. «Любовные история», самого неожиданного свойства, то и дело случаются между мужчинами и женщинами. Им сопутствует множество обстоятельств, усложняющих их развитие до такой степени, что более всего «любовным историям» можно отказать в том, что действительно стоит называть любовью. Что может быть заманчивее для исследователя, чем психология «любовных историй», со всей их пестрой казуистикой, однако нам будет непросто во всем разобраться, если сначала мы не определим, что же такое любовь сама по себе и как таковая. Кроме того, мы сузили бы тему, сведя ее к рассмотрению любви, которую испытывают друг к другу мужчины и женщины. Тема неизмеримо шире, и Данте полагал, что любовь движет солнце и другие светила.

Даже если мы воздержимся от столь вселенского охвата, нам следует учесть все многообразие проявлений любви. Не только мужчина любит женщину, а женщина любит мужчину; мы любим также искусство и науку, мать любит своего ребенка, а верующий любит Бога. Огромное множество и разнородность объектов, подчиняющихся законам любви, сделают нас осмотрительнее и не позволят счесть присущими любви те особенности и свойства, суть которых, скорее, в

[19] Перевод с исп. А.Ю. Миролюбовой.

природе всевозможных любимых кем-либо объектов.

Последние двести лет очень много говорили о любовных историях и очень мало — о любви. И если все эпохи, начиная с добрых времен Древней Греции, создавали свои великие теории сердечных чувств, два последних столетия ее лишены. Античный мир вначале предпочел всем другим доктрину Платона, затем — стоистическую. Средневековье освоило теории Фомы Аквинского и арабов; восемнадцатый век усердно штудировал теории душевных волнений Декарта и Спинозы. Все дело в том, что в прошлом не было ни одного великого философа, который не считал бы себя обязанным предложить собственную доктрину. В новейшее же время не предпринято ни одной выдающейся попытки систематизации чувств. И лишь недавние труды Пфендера и Шелера[20] достойно продолжают тему. Между тем наш духовный мир становится все сложнее, а эмоциональные переживания — острее.

Поэтому-то мы не можем уже довольствоваться этими старыми теориями аффектов. К примеру, то определение любви, впитавшее древнегреческую традицию, которое мы находим у Фомы Аквинского, очевиднейшим образом ошибочно. Согласно ему, любовь и ненависть —

---

[20] Имеется в виду период философской деятельности М. Шелера, связанный с его работой в Кельнском университете (1919—1928). Находясь под влиянием немецкого философа Р. Эйкена (1846—1926), вознамерившегося создать метафизику духа, Шелер усиливает аксиологическое содержание феноменологической философии Э. Гуссерля (как главного идейного источника собственного философского мышления), оснащая ее антропологическими идеями философии жизни и ориентируя на обслуживание религиозной веры. В 20-е гг. выходят в свет все главные работы М. Шелера, так же как и гуссерлианца А. Пфендера.

два проявления желания, влечения, стремления к чему-то. Любовь — это стремление к чему-то хорошему, к хорошему в нем — concupiscibile circa bonum; ненависть, или антистремление, — это неприятие чего-то злого, именно злого в нем — concupisobile circa malum. Мы видим здесь смешение влечения и желания с чувствами и эмоциями, которым грешила вся старая психология вплоть до XVIII столетия. Смешение, которое напомнит о себе в эпоху Возрождения, впрочем претворившись уже в эстетическую категорию. Так, Лоренцо Великолепный утверждал, что 1'amore e un appetito di bellezza[21].

Это и есть одно из существеннейших отличий, которое надлежит осмыслить, чтобы от нас не ускользнуло то, в чем заключается своеобразие любви и ее сущность. Наш душевный мир особенно щедр на любовные порывы; не будет преувеличением даже счесть их символом щедрости как таковой. К любви восходит многое из того, что присуще человеку: желания, мысли, волевые акты, поступки — все это, порождаемое любовью, как урожай семенами, самой любовью не является, однако подтверждает ее существование. Бесспорно, что так или иначе нас влечет то, что мы любим; однако столь же очевидно, что нас влечет и то, чего мы не любим, что не затрагивает наших чувств. Хорошее вино влечет нас, но любви не вызывает; наркомана влечет наркотик и в то же время вызывает отвращение связанными с ним опасными последствиями.

Но есть еще одна, более веская и тонкая причина разграничивать любовь и желание. Собст-

---

[21] «Любовь — аппетит (стремление) к красоте» (*итал.*). Лоренцо Медичи — правитель Флоренции и поэт; свои философские взгляды, близкие к неоплатонизму, изложил в комментариях к поэтическим произведениям.

венно говоря, желать чего-либо — это значит стремиться обладать им, причем под обладанием так или иначе понимается включение объекта в нашу жизненную сферу и превращение мало-помалу в часть нас самих. Именно поэтому желание умирает тотчас после того, как удовлетворено; обладание для него смерть. Напротив, любовь — это вечная неудовлетворенность. Желание пассивно, и желаю я, в сущности, одного — чтобы объект желания устремился ко мне. Я живу в надежде на притяжение ко мне всего сущего. И наоборот, в любви, как мы еще убедимся, все проникнуто активным началом. Вместо того чтобы объект приближался ко мне, именно я стремлюсь к объекту и пребываю в нем. В любовном порыве человек вырывается за пределы своего «я»: быть может, это лучшее, что придумала Природа, чтобы все мы имели возможность в преодолении себя двигаться к чему-то иному. Не оно влекомо ко мне, а я к нему.

Августину Блаженному, одному из тех людей, раздумья которых о любви отличались особой глубиной, по своему душевному складу, быть может, наделенному наивысшей силой любви, подчас удавалось преодолевать понимание любви как желания и влечения. В минуту вдохновения он сказал: «Amor meus, pondus mewm; illo feror, quocumque feror» — «Любовь моя, бремя мое; влекомый им, я иду повсюду, где я иду». Любовь — это притяжение к любимому.

Спиноза попытался избежать ошибки и, оставив в стороне влечения, искал любовным порывам и ненависти эмоциональное объяснение; согласно ему, любовь — это радость познания предмета любви. Любовь к чему-то или к кому-то — это якобы не более чем радость и одновременно сознание, что рады мы благодаря этому чему-то или кому-то. И снова перед нами смешение любви с ее возможными последствиями. Разве

кто-нибудь сомневается, что предмет любви может принести радость любящему? Однако столь же верно, что любовь бывает печальной, как смерть, безысходная смертная мука. Более того, истинная любовь лучше познает саму себя и, если угодно, свою цену и свои масштабы в страдании и мучениях, которые она приносит. Влюбленной женщине огорчения, причиняемые ей любимым, дороже бесстрастного прозябания. В письмах Марианны Алькофарадо, португальской монахини[22], встречаем следующие признания, адресованные ее неверному соблазнителю: «...в то же время я благодарю вас в глубине сердца за отчаяние, которому вы причина, и я ненавижу покой, в котором я жила, прежде чем узнала вас». «...Я нашла хорошее средство против всех этих зол, и я быстро освободилась бы от них, если бы не любила вас более; но, увы! что за средство! Нет, я предпочитаю страдать еще более, чем забыть вас. Увы! От меня ли это зависит? Я не могу упрекнуть себя в том, чтобы я хоть на одно мгновение пожелала не любить вас более; вы более достойны сожаления, чем я, и лучше переносить все те страдания, на которые я обречена, нежели наслаждаться убогими радостями, которые дают вам ваши французские любовницы». Первое письмо кончалось словами: «Прощайте, любите меня всегда и заставьте меня выстрадать еще больше мук». Минуло два века, и синьорита де

[22] Пример литературной мистификации. Письма португальской монахини Марианны Алькофарадо на самом деле принадлежат перу виконта де Гийерага, друга Мольера, Буало и Расина (см.: Гийераг. Португальские письма. Пер. А. Левинсона. М., 1973; первая цитата — на с. 24; вторая — на с. 16; третья — на с. 13).

Леспинасс[23] писала: «Я люблю вас так, как только и стоит любить, — безнадежно».

Спиноза ошибался: любовь и радость не одно и то же[24]. Тот, кто любит родину, способен отдать за нее жизнь, и верующий идет на мученическую смерть. И наоборот, ненависть и злоба нередко находят удовлетворение в самих себе и хмелеют от радости при виде беды, обрушившейся на ненавистного человека.

Учитывая, что эти известные определения полностью нас не удовлетворяют, думаю, стоит попытаться проанализировать чувство любви столь же непосредственно и скрупулезно, как это делает энтомолог с пойманным в лесу насекомым. Надеюсь, что читатели любят или любили кого-то либо что-то и способны ныне взять свои ощущения за трепетные крылышки и устремить на них неторопливый внутренний взор. Я перечислю основные, самые общие признаки этой жужжащей пчелы, которая умеет собирать мед и жалить. Читатели сами решат, насколько мои выкладки соответствуют тому, что они познали, вглядываясь в себя.

Для начала согласимся, что у любви действительно много общего с желанием, поскольку его объект — предмет или человек — действует на него возбуждающе. Волнение, которым охвачен объект, передается душе. Таким образом, это

---

[23] Жюли Жанна Элеонора де Леспинасс была возлюбленной Даламбера, но подлинную страсть питала к генералу Гиберу. Законная вдова Гибера опубликовала в 1809 г. «Письма» мадемуазель де Леспинасс, представляющие собой интереснейший документ эпохи.

[24] Спиноза полагал, что «хотение, чувство, познание, любовь и пр. суть различные модусы» единственной субстанции, «которая существует сама по себе и является субстратом всех других атрибутов» (Краткий трактат о боге, человеке и его счастье. — В кн.: Спиноза Б. Избр. произв. Т. 1. М., 1957, с. 92, 91).

волнение по сути своей центростремительно: оно направлено от объекта к нам. Что же касается чувства любви, то возбуждение предшествует ему. Из ранки, нанесенной нам стрелой волнения, пробивается любовь, которую неудержимо влечет к объекту: а значит, движется она в обратном по сравнению с возбуждением и любым желанием направлении. Путь ее — от любящего к любимому, от «меня к другому», то есть центробежен. В этом — в постоянном душевном порыве, в движении к объекту, от моего «я» к сокровенной сути ближнего — любовь и ненависть сходятся. Ниже речь пойдет о том, в чем они отличаются. При этом не нужно думать, что в нашем стремлении к предмету любви мы добиваемся лишь близости и совместной в бытовом плане жизни. Все эти проявления как следствия любви и в самом деле порождены ею, однако для выяснения ее сути не представляют особого интереса, и посему в ходе нашего анализа мы будем полностью их игнорировать. Мои размышления касаются чувства любви в его душевной сокровенности как явления внутренней жизни.

Любящий Господа устремляется к нему не телом, а все же любить его — значит стремиться к нему. В любви мы забываем о душевном покое, теряем рассудок и все свои помыслы сосредоточиваем на любимом. Постоянство помыслов и есть любовь.

Дело в том — отметим это, — что мыслительный и волевой акты мгновенны. Мы можем замешкаться на подступах к ним, но сами-то они промедлений не терпят: все происходит в мгновение ока; они молниеносны. Если уж я понимаю фразу, то я понимаю ее сразу, в один миг. Что же касается любви, то она длится во времени. Любят не вереницей внезапных озарений, которые вспыхивают и гаснут, как искры в генераторе переменного тока; любимое любят непрерывно.

Этим определяется еще одна особенность анализируемого нами чувства: любовь струится как родник одухотворенного вещества, как непрерывно бьющий ключ. Употребив метафору, на которые столь щедра интуиция и которые столь близки природе интересующего нас явления, можно сказать, что любовь не выстрел, а непрерывная эманация, духовное излучение, исходящее от любящего и направленное к любимому. Течение, а не удар.

Пфендер с исключительной проницательностью подчеркивал текучесть и длительность, присущие любви и ненависти.

Любовь и ненависть одинаково центробежны, в мыслях они движутся к объекту, наконец, они текучи и непрерывны, — таковы три общие для них приметы или черты.

Теперь можно определить и коренное отличие между любовью и ненавистью.

Устремленность у них общая, коль скоро они центробежны и человек в них стремится к объекту; при этом они проникнуты противоположным смыслом, преследуют различные цели. В ненависти стремятся к объекту, но стремятся ему во зло; и смысл ее разрушителен. В любви также стремятся к объекту, но ему во благо.

Размышление и желание лишены того, что можно назвать душевным жаром, в одинаковой степени присущим любви и ненависти. В отличие от раздумий над математической задачей от любви и ненависти исходит тепло, они пылают, более того, накал их бывает различным. Не случайно в быту весьма метко об одном говорят, что он, влюбившись, охладел, а другой жалуется, что возлюбленная холодна и бесчувственна. Эти рассуждения о теплоте чувств невольно приоткрывают завесу над любопытнейшими сферами психологических закономерностей. Мы могли бы обратиться к отдельным аспектам всемирной исто-

рии, если не ошибаюсь, обойденным до сих пор вниманием в области этики и искусства. Речь могла бы идти о неодинаковом накале различных великих цивилизаций и культурных эпох — о холоде Древней Греции, Китая или XVIII столетия, о жаре средневековья или романтизма и т. д. Речь могла бы идти о роли в человеческих взаимоотношениях различной для разных людей степени их душевного горения: первое, что ощущают при встрече два человека, — это присущий каждому из них эмоциональный накал. Наконец, мы могли бы обратить внимание, что теплотой в той или иной степени характеризуются различные художественные, в частности литературные, стили. Однако было бы опрометчиво мимоходом затрагивать столь обширную тему.

Не удастся ли нам приблизиться к пониманию этой теплоты, присущей любви и ненависти, если в поле нашего зрения попадет также объект? Как воздействует на него любовь? Издалека или вблизи, чем бы ни был предмет любви — женщиной или ребенком, искусством или наукой, родиной или Богом, — любовь печется о нем. Желание упивается тем, что ему желанно, удовлетворяется им, но не одаряет, ничем не жертвует, ничем не поступается. У любви же и ненависти нет ни минуты покоя. Первая погружает объект, на каком бы расстоянии он ни находился, в благоприятную атмосферу ласки, нежности, довольства — одним словом, блаженства. Ненависть погружает его с не меньшим пылом в атмосферу неблагоприятную, вредит ему, обрушивается на него как знойный сирокко, мало-помалу разъедает его и разрушает. Вовсе не обязательно, как я уже говорил, чтобы это происходило в действительности; речь идет о намерении, которым проникнута ненависть, том ирреальном деянии, которое лежит в основе самого чувства. Итак, любовь обволакивает предмет

любви теплотой и довольством, а ненависть сочится едкой злобой.

Эти противоположные намерения в их действиях дают о себе знать и иным образом. В любви мы как бы сливаемся с объектом. Что означает это слияние? По существу, это слияние не в телесном смысле, да и вообще не близость. К примеру, наш друг — определяя качества, присущие любви, не забудем и дружбу — живет вдали от нас и мы ничего о нем не знаем. Тем не менее мы с ним связаны незримой нитью — наша душа в, казалось бы, всеобъемлющем порыве преодолевает расстояния, и, где бы он ни был, мы чувствуем, что сокровенным образом соединились с ним. Нечто подобное происходит, когда мы в трудную минуту говорим кому-нибудь: можете рассчитывать на меня — я целиком в вашем распоряжении; иными словами, ваши интересы для меня превыше всего, располагайте мною как самим собой.

И наоборот, ненависть, несмотря на свою неизменную направленность к предмету ненависти, отдаляет нас от объекта в том же символическом смысле — она, разверзнув между нами пропасть, делает его для нас недосягаемым. Любовь — это сердца, бьющиеся рядом, это согласие; ненависть — это разногласие, метафизическая распря, абсолютная несовместимость с предметом ненависти.

Теперь мы имеем некоторое представление о том, в чем заключается эта активность, эта ревностность, которую мы, смею думать, выявили в любви и ненависти и которая отсутствует в пассивных эмоциях, таких, как радость или грусть. Не зря говорят: быть радостным, быть грустным. Это и в самом деле не более чем состояние, а не деятельность, не радение. Грустный, будучи грустным, пребывает в бездействии, равно как и веселый — будучи веселым. Любовь же в мыслях

достигает объекта и принимается за свое незримое, но святое и самое жизнеутверждающее из всех возможных дело — утверждает существование объекта. Поразмыслите над тем, что значит любить искусство или родину: это значит ни на одно мгновение не сомневаться в их праве на существование; это значит осознавать и ежесекундно подтверждать их право на существование. Не так, впрочем, как это делает судья, знающий законы, приговоры которого поэтому бесстрастны, а так, чтобы оправдательный приговор был одновременно и поиском и итогом. И наоборот, ненавидеть — это значит в мыслях убивать предмет нашей любви, истреблять его в своих помыслах, оспаривать его право на место под солнцем. Ненавидеть кого-либо — значит приходить в ярость от самого факта его существования. Приемлемо лишь исчезновение его с лица земли.

Думаю, что у любви и ненависти нет признака более существенного, чем только что отмеченный. Любить что бы то ни было — значит упорно настаивать на его существовании; отвергать такое устройство мира, при котором этого объекта могло бы не быть. Заметьте, однако, что это, по существу, то же самое, что непрерывно вдыхать в него жизнь, насколько это доступно человеку — в помыслах. Любовь — это извечное дарение жизни, сотворение и пестование в душе предмета любви. Ненависть — это истребление, убийство в помыслах; к тому же, в отличие от убийства, совершаемого один раз, ненавидеть — значит убивать беспрерывно, стирая с лица земли того, кого мы ненавидим.

Если на этой высокой ноте обобщить те особенности, которые нами выявлены, то мы придем к выводу, что любовь — это центробежный порыв души, которая непрерывным потоком устремляется к объекту и обволакивает его теп-

лотой и довольством, превращая нас с ним в единое целое и утверждая бесспорность его существования (Пфендер).

Михель Гофман

КОММУНИЗМ И ФАШИЗМ: БЛИЗНЕЦЫ-БРАТЬЯ ИЛИ БРАТЬЯ-ВРАГИ?

Идеология

В период создания фашисткой идеологии в 20-е годы, лидеры фашизма опирались на опыт русской революции и, в своей практике, следовали образцу Советской России в первые годы после захвата власти большевиками. Наблюдая за происходящим в Советской России, лидеры фашизма Италии и Германии получили готовую модель для создания тоталитарного общества: официальная, всеохватывающая идеология; единственная элитарная партия, возглавляемая «вождем»; централизованное управление экономикой; полицейский террор; тотальный контроль правящей партии над всеми аспектами жизни страны.

Основоположник фашизма Бенито Муссолини в молодости считался одним из ведущих марксистских теоретиков. Муссолини дружил с Лениным, когда они оба жили в Швейцарии. Когда Ленин ездил выступать в итальяноговорящие кантоны, то Муссолини ездил с ним, чтобы переводить его выступления

В своих речах и книгах Муссолини говорил, что учился политической борьбе у большевиков — и во время захвата власти, и во время правления.

«У фашизма и большевизма общие методы борь-

бы. Им обоим всё равно, законно или противозаконно то или иное действие, демократично или недемократично. Они идут прямо к цели, попирают ногами законы и подчиняют все своей задаче». Муссолини восхищался Марксом, которого он называл «отцом и учителем», правда не за его экономические и социальные теории, но за то, что он был «великим философом рабочего насилия».

Муссолини: "...рабочий класс, как говорит в своей «Нищете философии» Карл Маркс, заменит в ходе своего развития старое гражданское общество сообществом, которое уничтожит классы и классовые конфликты..."

Среди сторонников Муссолини были известные деятели итальянского коммунизма, в том числе и Антонио Грамши.

Доктор Геббельс, в своём дневнике, в 1929 году, писал, что коммунисты — самая близкая нацистской партии по духу.

Геббельс: «Ленин — великий человек, уступающий только Гитлеру, и разница между коммунизмом и верой Гитлера очень мала».

Геббельс в статье «Национал-социализм или большевизм?»: «...Мы оба честно и решительно боремся за свободу, и только за свободу; мы хотим добиться окончательного мира и общности, вы — для человечества, я — для своего народа. ... Вы и я — мы боремся друг с другом, не будучи врагами на самом деле".

Обе идеологии — ультраправые (коммунисты) и ультралевые (фашисты) не были одинаковы, они были «зеркальны», отражая одно и то же глубинное внутреннее единство.

Идея Нового Мирового Порядка в коммунизме и фашизме были не схожи по внешним формам, но схожи по духу: тотальное подчинение общества одной идеологии, в одном случае идея «светлого будущего», а в другом — идея «превос-

ходства арийской расы». Обе системы были диктатурами. Обе диктатуры объявляли подчинение прочих социальных групп рабочему классу. Обе следовали утопическим идеям и претензией на мировое господство.

Коммунисты использовали работы Маркса и Энгельса для научного обоснования классовой борьбы и “диктатуры пролетариата”, точнее, диктатуры властной верхушки. Идеи классиков марксизма трансформировались и подтасовывались в соответствии с требованиями политической борьбы, борьбы за абсолютную власть.

Фашисткий режим следовал примеру большевиков и использовал фальсифицированные работы Ницше для обоснования идеологии и практики Нового Порядка.

Фашисткий режим следовал примеру большевиков и использовал работы Ницше для обоснования идеологии нацизма. При том, что никаких оснований для этого в работах Ницше не было.

Элизабет Ферстер-Ницше, сестра философа, после смерти брата отредактировала все работы брата в соответствии со своими националистическими и антисемитскими убеждениями. В 1930 году она примкнула к национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП).

Получив после смерти знаменитого брата эксклюзивное право на его архивы, она отредактировала многие документы таким образом, чтобы создалось впечатление, что идеи Ницше точно соответствуют идеям нацизма. Элизабет Ферстер-Ницше выдумывала истории о своем брате и писала от его имени несуществующие письма. С ее «изысканий» началось нацифицированное ницшеанство.

Лишь в 1956 году исследователь Шлехта восстановил работу в архиве Ницше под заглавием

“Из наследия 80-х годов”. Тогда стало ясно, что речь идет о грандиозном подлоге.

Его идеи были фальсифицированы и их истолкование подгонялось по необходимым для нацизма трафаретам.

Еще при жизни, в письме другу, Фридрих Ницше писал — «Проклятое антисемитство стало причиной радикального разрыва между мною и моей сестрой... Антисемитов нужно расстреливать».

Элизабета Ферстер-Ницше, фальсифицировав все мысли брата, превратила их в изуверскую идеологию фашизма.

Фридрих Ницше: «Меня ужасает мысль, что совершенно неподготовленные люди однажды воспользуются моей философией». Этим “неподготовленным” человеком стала его сестра.

Трактовка большевиками работ Карла Маркса была такой же фальсификацией. Маркс видел Россию как страну, в которой социализм мог быть построен только террором.

Маркс предрекал, что результатом пролетарской революции будет возникновение бесклассового коммунистического общества — без государства, армии, полиции и бюрократии. Большевики, объявляя, что следуют заповедям Маркса, создали классовое общество с государством, армией и полицией несравненно более мощными, чем при капитализме, — общество, в котором новый класс, политическая бюрократия, номенклатура стала господствующим классом, эксплуатирующее остальные классы (рабочие, крестьянство, интеллигенцию).

Николай Бухарин, идеолог компартии: «Характерным для методов фашистской борьбы является то, что они применяют на практике опыт русской революции. Если их рассматривать с формальной точки зрения, то есть с точки зрения техники их политических приёмов, то это полное

применение большевистской тактики и русского большевизма.

Энгельс: «...люди, выдающие себя за марксистов и превратившие идею нашего движения в окаменелую догму, которую надо заучивать наизусть, представляют собой обыкновенную секту».

На вопрос, кто является его главным политическим противником, Маркс ответил — марксисты.

Революции рабочего класса в России не было, так как в ней не было рабочего класса. Россия была сельскохозяйственной страной: 85% населения составляли крестьяне, 2% рабочие. Русские рабочие были крестьянами, приходившими в город на заработки.

Герберт Уэллс: "...коммунизм оказался у власти в России, где на фабриках и заводах работают крестьяне, тесно связанные с деревней, и где по существу вообще нет особого рабочего класса — "пролетариата ", который мог бы "соединиться с пролетариями всего мира".

Коммунизм и фашизм о рабочем классе

Геббельс в своей брошюре «Наци–соци. Вопросы и ответы для националиста»: «Да, мы называем себя государством рабочих. ... Мы называем себя рабочей партией, так как мы желаем сделать труд свободным, так как для нас созидающий труд является движущим началом в истории...»

Гитлер: "Нужно сделать так, чтобы наш народ ценил любой труд, чтобы он верил в то, что любая работа облагораживает..."

«Труд в СССР есть дело чести, дело славы, дело доблести и геройства».

Роберт Лей, руководитель "Дойче Арбайтерфронт" (DAF), организации, которая появилась на месте распущенных профсоюзов, заявлял: "Я

буду стремиться к тому, чтобы наши заводы и фабрики стали храмами работы, я буду стараться сделать рабочих самыми почитаемыми людьми Германии».

В Советской России, гегемон, двигатель истории заявляла официальная пропаганда. На деле гегемоном была номенклатура, как в советское время, так и сегодня.
Как в Германии, так и в Советском Союзе, государство морально поощряло рабочих, присуждая им почётный титул «новатор труда" и переходящее знамя.

Как и Советский Союз фашистская Германия провозгласила традиционный пролетарский праздник 1 Мая нерабочим днём — Днём национального труда.

Как в СССР так и в Германии была введена единая трудовая книжка и система всеобщей трудовой повинности.

В Германии, как говорил Геббельс: «Вся страна охвачена сетью информаторов, которые восстанавливают детей против родителей. Вы можете быть не с нами, но ваши дети уже с нами».

В России был создан культ Павлика Морозова.

В Германии и в России литература и искусство были превращены «в боевое оружие партии».

Геббельс, внимательно изучив фильм Эйзенштейна «Броненосец "Потемкин", отметил, что фашистские фильмы должны делаться «в соответствии с большевистским методом».

Оба режима видели в капитализме своего главного врага:
Гитлер в речи от 1 мая 1927 года: "Мы — социалисты. Мы — враги сегодняшней капиталистической системы с ее эксплуатацией экономически слабых, с ее несправедливой оплатой труда и постыдной практикой оценки человека по его деньгам и богатству, а не по его сознательности и

добросовестности. Мы полны решимости любой ценой уничтожить эту систему".

Были ли отличия между этими режимами?

Их отношения колебались от дружбы к вражде, от вражды к ненависти, как это бывает между братьями. Геббельс, прежде чем окончательно примкнуть к нацистам, довольно долго колебался между ними и Компартией Германии.

«Мы смотрим на Россию потому, что эта страна, наиболее вероятно, вместе с нами встанет на путь, ведущий к социализму. Потому что Россия — наш естественный союзник против дьявольских искушений и развращенности Запада. ...Союз с подлинно националистической и социалистической Россией укрепил бы наши собственные национальные и социалистические позиции и наше достоинство». Йозеф Геббельс, Национал-социалистические письма, «Национал-социализм или большевизм», 15 ноября 1925 г.

Геббельс в 1923 году записал в своем дневнике: «Я — немецкий коммунист!»

Геббельс настойчиво пытался обратить коммунистов в национал-социалистов. В 1933 году 6 миллионов проголосовали против фашистов. В 1937 фашизм был принят подавляющим большинством.

Гитлер в беседе с Раушнингом говорил: «Вообще-то между нами и большевиками больше объединяющего, чем разделяющего. Из мелкобуржуазного социал-демократа и профсоюзного бонзы никогда не выйдет настоящего национал-социалиста, из коммуниста — всегда».

Гитлер: "Я учился у большевиков и не боюсь говорить об этом. Люди в большинстве своем всегда учатся у собственных врагов. Впрочем, между нами и большевиками больше сходства, чем различий. ...Я отдал распоряжение, чтобы бывших коммунистов беспрепятственно принимали в нашу партию».

Коммунисты уничтожали «классово неполноценных», нацисты — «расово неполноценных.

Забота о своем народе фашистами

Почему коммунистам, для того чтобы удержать власть, пришлось репрессировать миллионы, а немцы, в целом, приняли фашизм?

“Гитлер, гауляйтеры, значительная часть министров, статс-секретарей и пр. действовали как классические политики-популисты, постоянно озабоченные настроением управляемых. Они ежедневно задавались вопросом, как улучшить их жизнь и, таким образом, добиться их поддержки или, по крайней мере, нейтралитета”.

В то время как западный мир переживал катастрофу Депрессии с ее массовой безработицей, уменьшением зарплат и обнищанием масс, в Германии 1935 года за два года фашистского режима был минимальный уровень безработицы — 4%.

Для большой массы немцев заработная плата постоянно росла, а условия труда улучшались. С 1932 до 1938 реальный еженедельный доход увеличился на 21 процент. К 1943 средний почасовый доход немецких рабочих повысился на 25 процентов, и еженедельный доход на 41 процент.

Посредством грабежа оккупированных стран и расовой войны неслыханных масштабов нацизм обеспечил немцам невиданную ранее степень благосостояния, социального равенства и вертикальной социальной мобильности. Каждый принадлежавший к «расе господ», 95% немцев, имел долю в награбленном. Вот почему режим чудовищных массовых преступлений был в то же время режимом огромной популярности.

Многие социальные программы фашисты копировали с советских образцов и часто были более прогрессивными.

Были установлены оплаченные отпуска для рабочих и служащих, удвоение выходных; введение системы пенсионного обеспечения и прогрессивного налогообложения… Рабочие получали денежные выплаты в случае болезни, потери рабочего места и травмы на производстве. Финансировались также программы по охране материнства и детства. От налогов освобождались рабочие, чья зарплата не превышала 183 марки. Так же была введена государственная пенсия по старости.

Большинство немцев жили в арендованных квартирах и платили за аренду около 12 процентов своего месячного заработка.

Была прекращена постройка одно— и двухкомнатных квартир. Квартиры должны были иметь как минимум 3 комнаты. Малокомнатные и малометражные препятствовали рождаемости.

Забота о своем народе коммунистами

В СССР в 1928 году в бараках жили около 26 млн. городского населения.

Наиболее яркий эпизод заботы — Ленинградская блокада.

Во время блокады Геннадий Алексеевич Петров работал в кухонной команде Смольного в правительственной столовой: “Там было абсолютно всё, без ограничений, как в Кремле. Фрукты, овощи, икра. Молоко, яйца и сметану доставляли из подсобного хозяйства во Всеволожском районе около Мельничного Ручья. Пекарня выпекала разные торты (венские пирожные и булочки)”.

Инструктор отдела кадров райкома ВКПб Николай Рибковский: Питание в стационаре горкома партии: «Питание здесь словно в мирное время в хорошем доме отдыха. Каждый день мясо: баранина, ветчина, курица, гусь, индюшка, колбаса. Или рыба: лещ, салака, корюшка, и жа-

реная, и отварная, и заливная. Икра, балык, сыр, пирожки, какао, кофе, чай и ко всему этому по пятьдесят граммов виноградного вина, хорошего портвейна к обеду и ужину".

Нина Спировая, проработавшая всю блокаду в Елисеевском гастрономе: "У нас была другая жизнь. Яблоки, груши, сливы, виноград. Все свежайшее. И так всю войну. Напротив меня был мясной отдел. Несколько сортов колбасы, окорока, сардельки. Рядом кондитерский — конфеты, шоколад. Чуть подальше, в другом конце зала — алкогольные товары: вина, водка".

Последние данные показывают, что в блокадном Ленинграде — 1,093,842 человек погибло от голода.

Отношение номенклатуры к своему народу было утилитарным. Народ — расходный материал. "Бабы еще нарожают".

Начиная с 30-х годов для советской номенклатуры были созданы распределители с дефицитными товарами недоступными для общей массы. "Жить стало лучше, жить стало веселей».

Репрессии

Инициатором режима террора и репрессий был Ленин: "Суд должен не устранить террор, обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и прикрас».

Телеграмма Ленина в Саратов, уполномоченному Наркомпрода Пайкесу "... советую ... расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты».

Виктор Земсков приводит цифры жертв коллективизации: раскулачено 4 миллиона человек, приблизительно 600 тысяч человек умерли в по-

селениях.
1930–1931 годах выслано 1 803 392 человек.

За период 1921-1953 годов выслано 7 миллионов.

В Голодоморе 1931-1932 годах погибло от 6 до 7 миллионов человек.

К. В. Филиппова пережившая Голодомор: «...лес ободрали, гнилую картошку съели, мышей, кошек, собак. Дохлую конину, облитую карболкой, отмачивали и ели. Люди падали, как инкубаторские цыплаки. Мы однажды с отцом купили холодец, а он оказался из человечьего мяса».

С 1934 года начался всеобщий массовый террор. В 1934-1938 годы казнили 681 тыс. За все годы существования системы ГУЛАГа через него прошли 15-18 миллионов человек. Из них погибли примерно 1,5 миллиона.

В Германии по данным из разных источников количество казненных в 1933-1945 германских граждан в военной и гражданской юрисдикции составляла 18 тысяч.
В 1937 г. в Гестапо (политическая полиция) работало 7 000 человек.

В 1937 году численность личного состава НКВД составляла 270 тысяч человек. Такая гигантская армия была необходима для проведения массового террора. Численность войск НКВД 1941 года составляла — 342 059 чел.

На 1 апреля 1946 года состав КГБ 633 293 чел.

Отличие НКВД от Гестапо: в Германии не было ни ритуальных массовых чисток, ни миллиона расстрелов по политическим статьям, ставших при Сталине постоянным явлением в жизни страны.

Из воспоминаний Альберта Шпеера: “Гитлер временами начинал рассуждать, что после победы над Россией самым разумным было бы отдать управление ею Сталину, разумеется, под контро-

лем верховной немецкой власти: вряд ли кто другой знает так хорошо, как надо обращаться с русскими».

Внутри Германии нацистский террор был направлен, главным образом, против убежденных противников власти и «расово неполноценных» групп населения. В Советской России против всех слоев населения. Убыль населения была настолько большой, что результаты всесоюзной переписи 1937 года были засекречены, а её организаторы расстреляны с целью сокрытия масштабов человеческих потерь.

Опубликованная статистика о военных потерях также фальсифицировалась в соответствии с требованиями момента и была средством пропаганды а не информации. Сталин говорил, что военные потери в ВОВ составили семь миллионов, Хрущев говорил о двадцати миллионах, Брежнев — 28 миллионов.

Ленин: «Говорить правду — это мелкобуржуазный предрассудок. Ложь оправдывает средства».

Дружба

Молотов 31 октября 1939 года: «Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это дело политических взглядов. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с нею войной. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за «уничтожение гитлеризма», прикрываемая фальшивым флагом борьбы за «демократию».

Сталин, отвечая 25 декабря 1939 года на поздравления Гитлера и Риббентропа по случаю своего 60-летия: “...дружба народов Германии и

Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной и прочной".

Гитлер как и Сталин уничтожали оппозицию внутри партии. В "ночь длинных ножей" 30 июля 1934 г. был убит Э. Рем, глава штурмовых отрядов СД, и было расстреляно около 2,000 солдат.

Идея о чистке в большевистской партии возникла у Сталина после успешной чистки, учинённой Гитлером над Ремом.

На первом же после убийства Рема заседании Политбюро Сталин сказал: «Вы слыхали, что произошло в Германии? Гитлер, какой молодец! Вот как надо поступать с политическими противниками...»

В декабре погиб Киров, а затем начались репрессии против ленинской гвардии, уничтожение высших кадров Красной Армии.

В ходе политических зачисток Гитлер уничтожил 2-х армейских генералов, Сталин — более 500.

В 1934 году XVII съезд ВКП(б) на страницах советских газет называли «Съезд победителей». В историю этот партийный форум вошел как «Съезд расстрелянных» Из 1966 делегатов через несколько лет были арестованы как враги народа 1103 человека, из них расстреляны 848 человек.

Количество "врагов народа" казненных в 1933-1945 германских граждан составило 18 тысяч.

Валентин Бережков, переводчик Сталина: «...Когда 13 ноября 1940 года закончилась третья беседа Молотова с Гитлером в Берлине, последний провожал наркома к выходу из имперской канцелярии. Гитлер, Молотов и я у массивных дверей остановились. Гитлер, пожимая наркому руку, произнес: Я считаю Сталина выдающейся исторической личностью. Да и сам я рассчитываю войти в историю».

Сталину надо воздать уважение. В своем роде он гениальный парень! Он знает свои прообразы — Чингисхана и ему подобных, и его экономическая система так всеобъемлюща, что его могут превзойти только наши четырехлетние планы.

Риббентроп рассказывал Гитлеру, что никогда не чувствовал себя так хорошо, как среди сотрудников Сталина: «Как если бы я находился среди старых партейгеноссен, мой фюрер!»

Известные люди России о близости фашизма (национального социализма) и советского социализма: «Наша система, как я ее знаю с 1937 года, совершенно определенно есть фашистская система» — Нобелевский лауреат по физике, создатель советской физической школы Л.Д. Ландау.

«Вы сеете по культурному миру не революцию, а с огромным успехом фашизм. До вашей революции фашизма не было» — первый русский Нобелевский лауреат по медицине и физиологии, великий мировой физиолог, академик И.П. Павлов, из письма Молотову.

«Мировой фашизм — это гидра, чудовище с несколькими головами. Отрубив голову германскому фашизму, мир избавился лишь от Гитлера… На шестой части Земли, в СССР, выстоял и торжествовал победу над соперником еще более жестокий, более человеконенавистнический фашизм — фашизм сталинский, коммунистический» — актёр Георгий Жженов.

“Всей душой желаю гибели Гитлера и крушения его бредовых идей. С падением нацистской деспотии мир демократии встанет лицом к лицу с советской деспотией» — Корней Чуковский.

Борис Стругацкий: «О, мы прекрасно знаем, что такое фашизм — немецкий фашизм, он же гитлеризм. Нам и в голову не приходит, что существует и другой фашизм, такой же поганый, такой же страшный, но свой, доморощенный…»

В современном режиме РФ многие его особенности были унаследованы от коммунистической системы. Сегодняшний правящий слой — это бывшая советская номенклатура.

В начале 90-х гг. 87% бывших партийных работников заняли места в правительственных и местных администрациях, либо в коммерческих структурах. («Правда». 5.10.1994)

Ключевой институт «новой» России в нынешних органах госбезопасности ФСБ которая открыто подчеркивает свою историческую связь с советским прошлым.
“В каждой стране есть своя мафия, но только в России у мафии своя страна“.

Владимир Можегов

ЧАРЛИ МЭНСОН КАК ЗЕРКАЛО КОНТРКУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1. Чарли в приближениях
2. Чарли с самого начала
3. Учение Чарли
4. Чарли и всадники апокалипсиса
5. «Зверь ползет в Вифлеем»
6. Падает тень…

> Я лишь отражение вашего общества…
> Внутренним зрением я вижу, как мои мысли
> разжигают пожары в ваших городах…
>
> *Чарльз Мэнсон*

15 августа 1969 на арендованной ферме в Вудстоке (местечко Бетел, штат Нью-Йорк), открылся музыкальный фестиваль. «Ярмарка Водолея. Три дня мира и музыки» — значилось на его афишах. «Символ шестидесятых», «икона десятилетия любви», популярнейшие рок-идолы Америки и Европы, более четырех сотен тысяч американских детишек со всей Америки — это было волшебно, это было незабываемо! Казалось, еще чуть-чуть и — перекинувшись через океан, революция любви детей-цветов охватит весь мир…

Но за несколько дней до эпохального события Америку потряс ряд убийств, отличавшихся маниакальной жестокостью. Последними жертвами стала семейная пара предпринимателей Ла-

Бьянка, на стенах дома которых убийцы оставят написанные кровью послания: «RISE», «DEATH TO PIGS», выведенное с ошибкой «HEALTER SKELTER», а также слово «WAR», вырезанное на животе у жертвы...

Когда преступления будут раскрыты и Америка узнает, что убийцами оказались типичнейшие дети-цветы, девочки из коммуны длинноволосого хиппи Чарли Мэнсона, потрясению и ужасу ее не будет предела. А энергия «революции любви» задохнется в черной бездне кошмара и ненависти... Встречный пал, как говорят в таких случаях.

Вот самый краткий подстрочник событий: Собрав типичную хипповскую коммуну в Калифорнии, Чарли Мэнсон придаст ей вид апокалиптической секты, в центре которой странным образом окажется послание «Битлз», в которых им будут опознаны четыре всадника Апокалипсиса (или — четыре ангела-губителя 9 главы Откровения Иоанна); а песню Helter Skelter с «Белого альбома» Мэнсон воспримет как послание лично ему, с требованием начать апокалиптическую расовую войну. Ради исполнения миссии, коммуна и учинит ряд диких убийств в фешенебельных районах Лос-Анжелеса, самым громким из которых станет убийство беременной жены режиссера Романа Полански и ее друзей (незадолго до этих событий на экраны выйдет фильм Полански «Ребенок Розмари» о девушке, зачинающей ребенка-антихриста от самого Сатаны). Так что не Вудсток, который задумывался как мегатранслятор идеологии хиппи на весь мир, а зловещие убийства, совершенные Семьей Мэнсона (со всем, окутывающим их, причудливым узором явлений и отражений), окажутся самым знаковым, самым громким, самым важным событием революции шестидесятых...

1. Чарли в приближениях

Часто говорят, что Мэнсон закрыл эру хиппи. Справедливо. Мэнсон был плоть от плоти эпохи: он раскрылся как личность в эпицентре хиппанского движа на Хайт-Эшбери в «лето любви» 1967-го, он принимал философию хиппи, жил как хиппи, любил как хиппи.

Сам Мэнсон рассказывал, как, однажды, находясь под воздействием псилоцибина, осознал себя Иисусом Христом, распятым на кресте и вновь вернувшимся в мир. Последнее тоже характерно для эпохи: взять хотя бы подобные откровения Аллена Гинзберга или Леннона. И то, что убийства, совершенные Семьей Мэнсона, совпали с апогеем эпохи хиппи — фестивалем в Вудстоке… Как и вообще всё что связано с Чарли, чрезвычайно символично. Символично настолько, что можно сказать: сам Мэнсон стал самым несокрушимым символом эпохи хиппи — самой квинтэссенцией шестидесятых.

Постойте, возразят нам, как можно так говорить? Если Чарли и закрыл эру хиппи, то закрыл её вопиющим диссонансом. Всё же хиппи имели в виду под словом «любовь» нечто иное, нежели он, не так ли? Вообще-то не совсем. Под словом «любовь» Мэнсон понимал именно то, что проповедовали хиппи. Просто, в отличие от подавляющего их числа, имел несчастье слишком ярко и страстно воспринимать «вибрации» (любимое словечко времени), и смелость доводить свои мысли до конца.

Мэнсон называл хиппи «людьми любви» и проповедовал в своей коммуне абсолютную любовь, побеждающую всякий грех и убивающую всякое эго. Зла в философии Мэнсона не существовало, плохих поступков — тоже. Всё это также звучит очень, очень по хиппански.

О том же говорит и саентология, к которой Мэнсон приобщился в тюрьме, до начала хиппанской эры, и идеи которой глубоко впитал. Мэнсон, например, терпеть не мог, когда убивали животных или вредили природе, что же касается человеков… Люди — существа затейливые, странные, вездесущие, созданные не для жалости, а… для чего-то иного — например, святости.

«Человек — только мост к Сверхчеловеку», как говорил Ницше. И в это тоже верил Мэнсон. А в смерть не верил. Он говорил, что зла не существует, а смерть — лишь изменение, пройти которое просто, «как съесть мороженое». Всё это тоже, конечно, саентология, очень модная в тогдашней Калифорнии, и опыт ЛСД-трипов: умирания, воскресения, обретения божественности.

«Все хорошо и правильно. Все, что человек делает — он должен делать.

Против кармы не попрешь», — вот убеждение Мэнсона. И это тоже суть убеждение хиппи.

Как и вера Мэнсона в «экстериоризацию» (так саентологи называют ощущение, как будто ты оставил свое физическое тело), множественность человеческих жизней и перерождений на земле, и — очищение кармы.

Да ведь он любил Гитлера, вырезал свастику у себя на лбу, был расистом и мужским шовинистом! — снова станут горячо возражать нам. Да, и правда, Чарли говаривал, что Гитлер был парнем, который многое понимал и еще — «подровнял карму евреям». Но ровно то же самое говорила, например, великий хиппанский гуру Алиса Бейли (1880-1949), пророк эры Нью-Эйдж (термин, который она и изобрела). Бейли утверждала, что печальное положение евреев во времена национал-социализма вызвано их собственной кармой, за которую им теперь и приходится расплачиваться.

Что же до фашизма или расизма, то Чарли был фашистом и расистом не больше, чем те же «Черные пантеры», кумиры 60-х, у которых он и заимствовал боевую часть своей идеологии.

Свастичный же крест на его лбу, судя по философии ATWA, которую он выдумал, сидя в тюрьме — знак не столько национал-социализма, сколько типичного экофашизма в духе тех же зеленых и нью-эйдж.

Что касается женщин, то он их, конечно, любил, особенно в групповом сексе, когда вся коммуна сплеталась единым клубком всеобщей любви, но относился к ним, и правда, довольно пренебрежительно. Считая, что предназначение женщины — исполнять желания мужчины, быть его отражением и рожать детей.

Так в коммуне Мэнсона и было заведено. При этом все женщины страстно его любили и были готовы исполнить любое желание. Наверное, Чарли и правда испускал флюиды и обладал интуицией, знающей, чего хочет женщина, и давал ей именно это: любовь, осознание себя прекрасной и желанной…

Да, конечно, культура хиппи матриархальна, и анти-феминизм Мэнсона на первый взгляд кажется трудно с ней совместим. Хиппи отращивают длинные волосы, носят цветастые одежды и бусы, отрекаются от маскулинных качеств: мужества, воинственности, ответственности, не ходят на войну, предпочитая безделье и секс (make love, not war), и с удовольствием подчиняются женщинам. Это все так. Однако, даже с учетом феминизма и женского доминирования, неформальными лидерами хиппанских коммун, как правило, оказываются мужчины. Это, вероятно, происходит само собой, просто в силу того, что женщинам бывает трудно удержать хоть какой-то порядок в стае. Таковы их природные качества.

Это замечательно обыгрывает В. Пелевин в книге «Несколько видов на гору Фудзи», где вождем феминизма оказывается предельно брутальный мужик с четырьмя яйцами, так объясняя свою философию пораженной героине: «В максимальном сгущении женского зарождается мужское. В максимальном сгущении мужского зарождается женское… Я — максимальное сгущение мужского. И поэтому я — одновременно самое чистое и сакральное женское, зародившееся в его центре…»

Что же до Мэнсона, то он-то как раз и был тем мужиком с четырьмя яйцами, единственным средь флегматичных толп «детей любви» кто был человеком действия и мог решиться на поступок — вождь и пророк во плоти. А всё дело в этом и было!

Революция хиппи ведь уже почти побеждала — сама собой, все это ощущали, чувствовали, знали. Но побеждала «почти», даже «почти-почти», «вот-вот». В «лето любви» 1967-го все верили, что Революция уже практически победила, недостает лишь какой-то малости, которая, может быть, вот прямо сейчас и произойдет: вдруг явится бодхисатва или ты сам, прямо сейчас и здесь и станешь тем бодхисатвой, произнеся волшебное заклятие, вроде Be sure to wear some flowers in your hair[25], и — мгновение станет вечностью…

Одним словом, флегматичный мир хиппи должен был породить кого-то, кто решился бы на поступок. Душа, душа мира, Anima mundi, «жда-

[25] «Проверь, есть ли цветы в твоих волосах» — строка из песни San Francisco (Be Sure To Wear Flowers In Your Hair) Скотта МакКинзи (Scott McKenzie), ставшей, своего рода, гимном хиппи.

ла кого-нибудь», кто загнал бы мяч в лузу, сорвал банк, дожал эту революцию, привел бы ее к волшебному чаемому финалу…

Вот таким человеком и ощущал себя Мэнсон, таким он и был. Таким и остался в истории Контркультуры — потаенной иконой, вожделенным святым, сияющей мессией шестидесятых…

Хорошо. Но как быть с его расизмом? Ведь он терпеть не мог евреев и негров, говорил, что единственное предназначение чёрных — служить белому человеку? Да, говорил. Но также точно презирал и разложившихся белых. И уважал «настоящую черную расу», к которой относил «Черных пантер» и последователей Малькольма Икса.

Мэнсон считал, что колесо кармы должно повернуться, что чёрные слишком долго были в услужении белых, и что теперь настал их черед оказаться сверху. Он проповедовал Helter Skelter — расовую войну, в которой чёрные восстанут, перебьют всех белых, а потом, убедившись, что построить новый мир не в состоянии (ибо созданы быть рабами), призовут на помощь его, Мэнсона, как своего мессию…

И что, это тоже философия хиппи? Стоп, стоп, стоп. О философии хиппи мы ещё поговорим. Мы ведь и не говорили, что Мэнсон — отражение исключительно *философии хиппи*, мы говорили, что он — зеркало эпохи 60-х в целом. А эпоха 60-х в целом включала в себя не только хиппи — лесных эльфов этого причудливого и яростного мира, но и несколько менее замысловатых существ. Таких, например, как широкий фронт SDS (Студенты за демократическое общество) — организатора движения против войны во Вьетнаме, и радикального крыла этого фронта RYM (Революционное молодежное движение), и террористической группы «Уозерменов», и, конечно, культовых «Черных пантер».

А между хиппи, студентами и мультирасовыми радикалами активно сновали «культурные революционеры» йиппи, организованные Джерри Рубином, Эбби Хоффманом и Полом Красснером в том же волшебном 1967-м.

Их идеей была революция сознания, с каковой целью йиппи устраивали абсолютно безумные акции в чисто сюрреалистическом духе, как, например, выдвижение на пост президента США поросенка Пиггауса. И, в то же время, были яростными поклонниками и вдохновителями все тех же «Черных Пантер», на которых радикалы 60-х возлагали свои надежды.

Да, если духовные хиппи ожидали боддхисатвы с Неба или Востока, то, гораздо более деятельные йиппи надеялись на черную революцию, целью которой объявлялось свержение белого истеблишмента и установление царства коммунистической анархии.

«Пантеры» были первой политической партией, объявившей вооруженную войну американскому государству. И те же Уозермены, объявляя (уже после мессианского пришествия Мэнсона) свою «революционную войну», провозглашали свою конечную цель: «уничтожение американского империализма и достижение бесклассового мира: мирового коммунизма» (манифест от 18 июня 1969 года). И утверждали, что их главная задача — поддержка «Черных Пантер».

Свою же роль видели в том, чтобы «построить гребаное белое революционное движение» которое раскачало бы черное, которое все буксовало и буксовало… То есть, по сути — все тот же Хелтер Скелтер?

Таким образом, Хелтер Скелтера ждали все радикалы шестидесятых!

А сами шестидесятые громыхали тем временем всё более и более яростными черными бунтами: в 1967-м 159 беспорядков (в Детройте 43

погибших, более тысячи раненых, в Ньюарке (26 погибших, сотни раненых), в следующем году, после убийства Кинга, бунтами взорвались уже более ста городов страны.

Это были самые мощные в истории Америки черные беспорядки. Но всё это были ещё цветочки. Следующий, 1969-й обещал нечто гораздо большее, а организаторы и участники были настроены более чем решительно.

Возможность настоящего коммунистического переворота в Америке из перспективы того времени отнюдь не казалась мечтательным бредом. Всевозможные радикальные расовые, террористические, феминистские и даже гомосексуальные группы действовали весьма активно. Фронт SDS насчитывал миллионы, непрерывно аккумулируя всё новые радикальные группировки. И все они верили в «Черных пантер», которым вот-вот удастся поднять на восстание всё чёрное население Америки!

И если это не всеобщее безумие, то чего же мы прицепились к бедному Чарли? В чем он был виноват? Он не был ни его свечей зажигания, ни его двигателем. Нет, он стал лишь явленным его результатом.

Да, все знали, куда дует ветер. И это был настоящий, буйный, вызванный чарами многочисленных хиппанских шаманов ветер «Хелтер Скелтера»!

Разница между «Weathermen», взявшими себе имя из строчки «You don't need a weatherman to know which way the wind blows», предварив ей свой Манифест[26], и Чарли была лишь в том, что одни вычитали свою революционную программу из песен Дилана, а другой — свою эсхатологию — из песен Битлз.

---

[26] Вам не нужен синоптик, чтобы знать, куда дует ветер, «Subterranean Homesick Blues», 1965.

Не удивительно, что они так восхищались друг другом: Битлз — блюзом Дилана, а Уозермэны — Мэнсоном.

В декабре 1969 года лидер «Уозэрменов» Бернандин (Орнштейн) Доурн, незадолго до своего ухода в подполье и террор, с восторгом делилась своими чувствами перед аудиторией человек в четыреста (Флинт, Мичиган): «Прикончить этих богатых свиней, потом ужинать в той же комнате и ткнуть вилкой в живот эту свинью Тейт — вот это круть! «Метеорологи» принимают Чарльза Мэнсона!»

Свой восторг делом Чарли Уозэрмены выразили также и жестом — раздвоенными пальцами, символизирующими вилки, которые девы Семьи Чарли втыкали в животы истеблишмента.

Лидер йиппи, Джерри Рубин говорил во время процесса над Мэнсоном: «Я влюбился в Чарли, как только увидел по ящику его ангельское лицо и сверкающие глаза». Посетив Мэнсона в тюрьме, Джерри три часа беседовал с ним и вышел, совершенно им очарованный.

Подпольная газета йиппи «Дитя вторника» назвала Чарли человеком года, заняв его фото всю обложку. А в следующем номере изобразила Чарли распятым на кресте.

Замечательно, что «Семья» Мэнсона во время судебного процесса продолжала расти! Новые адепты счастливы были стать членами прославленной коммуны.

Тем временем, «Уозермены» делали то, что не удалось Мэнсону: раскручивали маховик революции (движок «Черных Пантер» все никак не заводился): с 1970 по 1975 год более 20 взрывов самодельных бомб, в том числе в Капитолии, Пентагоне (в день рождения Хо Ши Мина), и нескольких полицейских участках Нью-Йорка…

Другой известной акцией группы стало освобождение гуру психоделической революции Ти-

моти Лири. Уозермены организовали побег безумного профессора из тюрьмы, сумев переправить его в Алжир, к руководству «Черных пантер», которое там в тот момент пребывало[27].

Программа Уозэрменов была столь же проста и не шуточна, сколь и программа самого Чарли: «Убить всех богатых. Разбить их машины, разгромить квартиры. Принести революцию домой, убить своих родителей».

Эти слова Айерса (другого лидера Уозэрменов, мужа Дорн) привела «Нью-Йорк Таймс», вышедшая 11 сентября 2001 г., как ясно сформулированную философию группы. Айрес потом долго открещивался от своих слов, утверждая, что это шутка, но так или иначе, это было сказано — это было разлито в воздухе эпохи.

И посвящение Айреса своей книги революционных воспоминаний[28] (среди 200 других) Сирхану Сирхану, убийце Роберта Ф. Кеннеди — разве не лежит оно в той же логике времени?

Вспомним, в конце концов, центральный тезис сюрреалистов, родоначальников контркультуры, из первого манифеста 1924 года: «Самый простой сюрреалистический акт состоит в том, чтобы с револьверами в руках выйти на улицу и стрелять наугад в толпу сколько хватит сил»…

За что же вы судите Чарли, лишь воплотившего дух и букву эпохи?

На суде Мэнсон вполне здраво заметит: «Helter Skelter — это неразбериха, бедлам. Нераз-

---

[27] В 1970 году Лири был осуждён за хранение марихуаны в общей сложности на 38 лет. «Братство вечной любви», у истоков которого стоял Лири, заплатило Weathermen за переправку профессора и его жены из США в Алжир. В 1972 году Лири был снова арестован в Афганистане, и вышел на свободу с чистой совестью в 1976.

[28] «Prairie Fire: The Politics of Revolutionary Anti-Imperialism», 1974.

бериха возникает быстро, и вы можете называть ее как хотите. Это не мой замысел. Это не моя музыка. Я слышу, что она до нас доносит. Она говорит: “Восстаньте!” Она говорит: “Убивайте!” Зачем меня в этом обвинять? Я не писал музыку. Не я тот человек, который проецирует её на ваше социальное сознание».

Вообще-то в Англии хелтер-скелтером называют детскую горку с винтообразным спуском в виде башенки. Но разве трудно, в атмосфере контркультурного бунта, увидеть (просветленным ЛСД сознанием) в ней первообраз горящего Вавилона?

Чарли, Чарли, смешной чудак! Как и миллионы других цветочных детей, ты был инициирован чистой (по составу ингредиентов) духовностью своей эпохи. Тебе не повезло лишь оказаться слишком мощным и искренним ее отражателем…

2. Чарли с самого начала

Итак, сын 16-летней девицы не самых честных правил, тут же брошенной несостоявшимся отцом, и сам несостоявшаяся рок-звезда, в очередной раз Чарли выйдет на свободу в 1967-м, в преддверии возраста Христа (из своих тридцати двух семнадцать проведя за решеткой).

В волшебное Лето любви, неисповедимыми путями Провидения, Чарли окажется в эпицентре хиппанского движа, на Хайт-Эшбери, Сан-Франциско,

Калифорния.

Вот как описывает сей апофеоз химической революции один из переживших его участников: «До 67-го кислота и ее эффекты были знакомы лишь ограниченному кругу золотых людей, они шептались про нее, давали ей различные названия-эвфемизмы, а потом вставляли их в свои

песни. Но в 67-м о кислоте знали все и все её употребляли. Именно это и сделало 1967 год одним из самых экстраординарных в современной истории. 1967 был удивительным годом, потому что в течение одного роскошного лета мы действительно верили в то, что все, что нужно — это любовь. И что любовь — это все. Что любовь способна изменить мир. Говоря «мы», я имею в виду всякого молодого человека, который купил себе кафтан, или носил бусы, или вешал на шею звонкие индийские колокольчики, или пел San Francisco (Flowers In Your Hair) Скотта Маккензи. Мы — это те, кто глотал сахарные кубики с LSD, вставлял цветы в дула винтовок солдат, охранявших Пентагон, участвовал в би-инах или лавинах, занимался любовью под открытым небом под чарующие звуки A White Shade Of Pale (Белее бледного) группы Procol Harum, бродил по Монтерею во время первого великого поп-фестиваля и первой крупной сходки одноплеменников — обдолбанный или просто под легким естественным кайфом от ощущения своей молодости, испытывая любовь и чувствуя себя любимым, — и все это в атмосфере музыки. И совсем не важно, что не каждый прошел через все это, ибо то было коллективное переживание. Как сказал в 78-м Джерри Рубин — бывший революционер-йиппи: «Мы действительно чувствовали, что все люди на Земле наши братья и сестры. И что мы можем изменить мир... В 60-х мы произносили слово любовь, думая, что LSD или сигарета с марихуаной, или просто произнесение этого слова может принести любовь... Это была эпоха идеализма и антиматериализма, стремления создать альтернативное общество, основанное на всеобщем равенстве. Столицей этого нового общества был район Сан-Франциско в границах Haight Street и Ashbury Street. Здесь молодые люди, выпавшие из конвенционального общества, собирались в

небольшие компании, чтобы покурить дурь, поторговаться в лавках, где продавалась всяческая психоделия, испытать новое сексуальное переживание и, обрядившись в измятые мадрасские х/б одежды, участвовать в совместном опыте молодежного трайбализма в одном из просторных танцевальных залов Сан-Франциско»[29].

Сознание Мэнсона, с рожденья выпавшего из конвенционального общества, и уже входящего в возраст Христа, как губка впитывало опыт и молодежного трайбализма, и кубиков с LSD, и духовности мгновенного просветления, и «апокалиптического оргазма».

Он водил дружбу с Ангелами ада и The Beach Boys, пытался петь и записывать собственные песни, мечтая стать рок-звездой. Но не ради успеха и денег, а для того чтобы донести миру собственное послание.

Настоящий харизматик, обладающий несомненным даром влияния на людей, скоро он становится главой хиппанской коммуны. Семья рождается там же, на Хайт-Эшбери. Постепенно коммуна вырастает до 30 (в основном) девушек.

Девушки — не только «руки» Чарли, готовые по первому знаку выполнить любое его задание, они — его сердце, аккумулирующее «энергию любви» (ведь женщина — настоящий генератор любви). Впрочем, в сугубо маскулинной философии Мэнсона девушкам отводилась вспомогательная роль: они нужны, чтобы привлекать мужчин. Настоящая же цель Чарли иная: в преддверии надвигающегося Апокалипсиса собрать круг людей для «спасения мира» и создания новой расы.

Суть доктрины Мэнсона мы уже знаем: в грядущей расовой войне черным суждено уничто-

---

[29] Джереми Паскаль. Иллюстрированная история рок-музыки

жить разложившееся белое человечество («поправить карму белым», хм).

И ещё раз: чтобы у читателя не сложилось впечатления, что мы имеем дело лишь с клиническим сумасшедшим, заметим, что Мэнсон не говорит ничего такого, что уже так или иначе не проговаривалось. Причем, людьми, которых никто не объявляет сумасшедшими, а наоборот — с которыми водят дружбу сильные мира сего, приглашая на форумы и сессии Генассамблеи ООН.

Таков, например, Малькольм Икс (мы еще расскажем о нем). Что же до мэнсоновского расизма и антисемитизма, то эпоха была богата учителями и здесь.

Вот, опять же, Алиса Бейли, чьи дидактические книги[30] стали настоящей библией Хайт-Эшбери:

> *«Еврейская раса, которая любила различные способы обладания миром больше, чем она любила служение Свету, присоединилась к мятежникам против Бога», и, следовательно, поскольку «закон расовой кармы действует, евреи расплачиваются, фактически и символически, за то, что они сделали в прошлом». «Слово „любовь“ в значении — „любовь к другим“ — отсутствует в иудаизме… Евреи никогда не вкушали любви Бога».*

Нет, Бейли не была фашисткой и считала национал-социализм невысоким духовно движением, но то, что, Гитлер «равнял карму евреям» вполне ими заслужено, считала фактом. Австрийский художник тоже мог быть орудием Про-

[30] Особенно «Образование в Новом Веке» (Education in the New Age, 1954) и «Ученичество в Новом Веке» (Discipleship in the New Age 1944, 1955).

видения, а евреи «есть реинкарнация духовных ошибок или осадок с другой планеты». Рационально точным отражением чего и является антисемитизм. Когда-нибудь (но лишь после очень нескорого процесса эволюции и ассимиляции) евреи преодолеют свой «эгоизм» и «манипулятивные формы деятельности», и тогда антисемитизм прекратится[31].

А вот взгляд Бейли на межрасовые браки:

> *«Что касается межэтнических браков, то лучшие, самые здравые мыслители как белой, так и черной расы, не одобряют в наше время смешанных браков. Последние не несут счастья ни одной из сторон. Обсуждая этот предмет, необходимо помнить, что смешанные браки между представителями белых народов и желтых рас (китайцев и японцев) в равной степени неудачны, за редчайшими исключениями оказываются несчастливыми и совершенно неудовлетворительными — если говорить о детях, рождающихся от таких союзов»… И если «пробле-*

[31] Алиса Бейли. Неоконченная автобиография. Вот, впрочем, далее: «У меня нет антиеврейских чувств; некоторых из моих самых любимых друзей, таких как Доктор Ассаджиоли, Регина Келлер и Виктор Фокс, я очень люблю, и они это знают. В мире мало людей, настолько близких ко мне, как они, я доверяю им, когда обращаюсь к ним за советом и пониманием, и они не подводят меня. Я была официально в „Чёрном списке“ Гитлера из-за моей защиты евреев, когда я проводила лекции в разных частях Европы. Несмотря, однако, на то, что я в полной мере знаю чудесные качества евреев, их вклад в западную культуру и науку, их чудесные приобретения и дары в творчестве, у меня всё же не получается увидеть какое-либо немедленное решение их крестной и ужасающей проблемы».

ма евреев будет решена их браками с другими народами; но проблема негров — нет»[32].

Все это — точные взгляды Чарли. Едва ли Чарли Бейли читал. Но человек, в силу понятных причин малообразованный, он в то же время был очень общителен, жадно впитывая всё новое и особенно для себя важное…

Кстати, Малькольм Икс, у которого Чарли также почерпнул немалую часть своих взглядов, был совершенно с Бейли в этом вопросе согласен. И так же как отцы Ку-Клукс-Клана проповедовал полную сегрегацию черных и белых.

Давайте скажем пару слов и об этом замечательном человеке.

Выросший в типичной уголовной негритянской среде, Малькольм Литтл привлек к себе внимание прессы во второй половине 50-х. К этому времени он дорастет до второго человека в «Нации ислама» — религиозной организации черных, выступающей за полное самоопределение и переселение в Африку.

Псевдоним «Х», которым Малькольм станет подписывать себя с 1950 года, означал, что он — никто (или некто) в мире «голубоглазых дьяволов». Знак заменил фамилию белого рабовладельца Литтла, которая досталась его предкам.

Нечто подобное совершит и Мэнсон, когда в ходе процесса вырежет себе на лбу подобный же косой свастичный крест, объясняя, что таким образом он «выкрестил» себя из общества, которое его судит.

В учениях Икса и Мэнсона можно обнаружить и другие важные параллели.

---

[32] Алиса Бейли. Проблемы человечества.

Икс (как, впрочем, и Нация ислама в целом) исповедовал превосходство чёрной расы. Называя черных исконными жителями земли, белых же — хитрыми узурпаторами, которых скоро ждет полная и окончательная погибель.

В отличие от Мартина Лютера Кинга, Икс выступал за тотальную сегрегацию и создание черного государства на территории США, которое стало бы перевалочной базой для возвращения черных в Африку.

Перед нами, одним словом, уже готовая идеология «Черных пантер», исключая, правда, революционный коммунизм. Впрочем, Иксу приходилось называть себя и коммунистом тоже. Особенно, когда к нему пришла широкая известность и он стал кумиром прессы.

В 1960-м Икса приглашают на Генеральную Ассамблею ООН, где он знакомится с Фиделем Кастро и становится его близким другом. Он встречается с президентом Египта Насером и другими африканскими лидерами. В самой же черной Америке его популярность в это время далеко превосходит популярность Кинга, которого Икс откровенно презирал, называя «болваном», которым манипулируют белые и евреи (что было, конечно, сущей правдой).

Самим Иксом еврейские организации тоже пытались манипулировать, вознося его на вершину успеха. Ведь он играл важную роль в тогдашних «еврейских шахматах», с одной стороны, совращая традиционно христианское черное население в ислам, а с другой — формируя из черных боевое крыло готовящейся революции.

Христианство Малькольм называл «религией белых», навязанной афроамериканцам рабовладельцами, а самих белых — «дьяволами», которые насилуют, грабят, порабощают, крадут и сбрасывают чёртовы бомбы на людей…

Это был мейнстрим готовящейся революции, потому взлет медиа-популярности Икса совершенно естественен. Однако управлять Иксом оказалось так же не просто, как в свое время пророком Мухаммедом (на которого еврейская диаспора Медины возлагала большие надежды, но своим неуважительным поведением превратила его в законченного антисемита).

То же случилось и с Иксом. Он все более резко отзывался о евреях, в конце концов полностью отождествив их с «белыми дьяволами».

Согласно причудливому вероучению «Нации ислама» белые и евреи — это искусственно созданная раса злого ученого Якуба (очевидно, библейского Иакова), жившего 6600 лет назад. Удалившись с 59 999 последователями на остров Патмос, Якуб создал белую расу для порабощения черных путем дьявольской селекции: в каждом поколении он отбирал наиболее светлокожих людей, а черных умерщвлял. И так, в конце концов, появились сначала коричневые, потом все более светлые, и, наконец, — совершенно белые люди, исполненные алчности, жадности, хитрости, лжи и коварства.

Это и была «демоническая еврейская раса», ставшая родоначальницей всех прочих белых, ведущих свой род от потомков и последователей Якоба (Иакова).

Впрочем, не жаловал Икс и другие расы, которые также считал жертвами селекции Якуба. Интересно, что с Якубом Икс также персонифицировал и Апостола Иоанна Богослова, получившего Откровение на о. Патмос.

Сопоставив это нагромождение причудливых тезисов с идеями Мэнсона, нельзя ли прийти к выводу, что, сложись звезды немного иначе, и Чарли мог бы так же точно заседать на ассамблеях ООН и участвовать в дипломатических рау-

тах, рассуждая о гуманизме и процветании всех людей доброй воли?

Схожи два этих неординарных человека и своей харизмой. В начале 60-х среди чёрного населения Икс был почти так же популярен, как в скором времени Битлз. Он был первым лицом и представителем негритянского политического движения во всем мире, человеком, неизмеримо более ярким, чем вялый и скучный Кинг.

Но в 1965-м Икс был убит членами «Нации ислама», которую перед этим покинул, на почве тяжелого конфликта с ее лидером Элайджи Мухаммадом.

Отрицая свою причастность к убийству, Элайджи высказался о смерти Икса в том духе, что «он получил ровно то, что проповедовал».

Впрочем, незадолго до этого, так же примерно и сам Икс высказался о смерти президента Кеннеди. И… разве не то же мог бы сказать Мэнсон о Романе Полански и его дружках? Или о Чепмен о Ленноне, обещавшим похоронить Христианство? Чувствуете атмосферу эпохи?

Икс подготовил, взрыхлил и удобрил почву. А следующий 1966-й год ознаменовался рождением боевого лозунга black power (Власть черным), объединившего вокруг себя всех лидеров черных группировок. Среди которых особенно выделялись стильные «Черные пантеры», на которых и сделала ставку «молодежная революция».

«Черная идея» вообще стояла в центре революции с самого начала. Еще когда в самом начале 60-х юные хунвейбины будущих йиппи и уозерменов гоняли на негритянский Юг, подобно народническим агитаторам в русскую деревню.

«Черные пантеры» сформировались спустя год после гибели Икса в г. Окленд, Калифорния. В отличие от слишком сложной и путанной духовности последнего, основаны они были на чистом расизме и неомарксизме. Руководителями пар-

тии стали два оклендских студента-активиста Бобби Сил (председатель партии) и Хьюи Ньютон (министр обороны). «В нас живет дух Малкольма Икса», и вся наша деятельность «является живым заветом делу его жизни» — говорилось в ее манифесте.

Любимица шестидесятых, как видим, изначально создавалась как боевая политическая организация: по лекалам маркузианства и «новых левых», в духе «пробуждения сознания», по заветам Мао, фраза которого «винтовка рождает власть» стала ее неофициальным девизом.

Как и Мальком Икс, Пантеры выступали за сегрегацию и апартеид. После массовых черных бунтов 1967-го они, совместно с последователями Икса, объявили о создании «Республики Новая Африка» на территории южных штатов. Президентом республики стал идеолог партии Роберт Уильямс, немедленно выпустивший по этому случаю коммунистический манифест.

Несмотря на левую фразу, лозунг «вся власть народу» (воспетый позднее Ленноном) и поддержку «мировой социалистической революции во всем мире», идеология партии была открыто расистской и отчетливо национал-социалистической.

Это признавал и сам Хьюи Ньютон, заметивший после развала партии: «Мы думали, что национальное единство поможет решить проблему несправедливости в государстве. Вскоре после этого мы поняли, что в действительности нам необходим революционный национализм. Таким образом, мы пришли к синтезу национализма и социализма. Однако практика показала, что этот симбиоз оказался противоречивым и нежизнеспособным».

Жесткую партийную структуру и военную организацию дополнял и яркий нацистский флёр штурмовых отрядов: голубые рубашки, тяжелые

армейские ботинки, черные кожаные куртки и береты, автоматическое оружие.

Тактика и стратегия организации также была перенята от немецких СД: наведение порядка в черных кварталах, зачистка от криминала, функции народной милиции, действующей параллельно официальным копам.

Вооруженные автоматическим оружием, «Пантеры» патрулировали улицы негритянских гетто, следуя за полицией. Когда полиция останавливала кого-нибудь на улице, «Пантеры», остановившись поодаль, начинали громко зачитывать «кодекс» с правами арестованных. Когда доставали оружие полицейские — доставали оружие и они.

Таким образом, ясно вырисовывалась стратегия «Пантер»: в «час Х» ее штурмовые отряды готовились перехватить власть, взяв под контроль черные кварталы, или, как надеялись йиппи и Уозэрмены — сами американские города…

Одним словом — «Двенадцать» Блока с лозунгом «вся власть народу» и короткой, в 10 пунктов, программой, также вдохновленной, очевидно, программой НСДАП.

Итак, своя армия, свои политики, поддержка медиа и широчайшее лобби американского студенчества и рок-звезд. Всё это вместе получило имя black power.

Подобно, опять же, национал-социалистам, «Пантеры» попытались развернуть в Окленде широкую социальную программу помощи и поддержки малообеспеченным черным семьям. Из чего, впрочем, ничего, кроме пиара и фотосессий не вышло. Что и понятно: малообеспеченным было все население черных гетто. Предпочитавшее к тому же работе пособия и мелкий криминал. Социализация же всех негров Америки в планы верховных кураторов «негритянского вопроса», кажется, не входила.

Еще менее получилось у «Пантер» наведение в гетто порядка, даже не нового, а хоть какого-нибудь. Неизбежный в этом случае конфликт с наркомафией не принес ничего, кроме межвидовой войны, коррупции, внутренних распрей и дезинтеграции.

Но главным делом «Пантер» оставалось все же противостояние полиции. Именно от них ушло в контркультурные массы словечко «свиньи», которыми они наградили копов, и которое, став мемом, перешло на весь американский истеблишмент. Они же сделали широко известным растафарианский термин «Babylon» («Вавилон»), обозначив им власть белого истеблишмента.

Возвращаясь же к Чарли, мы увидим, что и здесь он показал себя идеальным ретранслятором (и прекрасным социальным психологом), не только переняв у «Пантер» большую часть их философии (включая расизм, антифеминизм и национал-социализм), но и обнаружив их полное онтологическое бессилие в позитивной деятельности. «Пантеры» и смогли бы, быть может, свалить «Вавилон», но построить на его месте что-то устойчивое были уж точно не в состоянии.

Подражая, опять же Гиммлеру, Пантеры попытались создать собственную расовую теологию. Которая от восточных сказок Малькольма Икса и «Нации ислама» уходила в более рациональную сторону.

Эту теологию разработал «Пантерам» выпускник Калифорнийского университета Альберт Клиж.

Оставив калифорнийский университет (с его бурной «революцией сознания») и посвятив себя пасторству, Клидж пришел к очевидному для себя выводу, что Бог-Отец — чёрный. Следовательно, черными были также Иисус и Мария. Чёрными, продолжала разворачиваться мысль Клиджа, были и евреи Ветхого Завета.

Однако эту истину скрыл апостол Павел, намеренно извратив текст Евангелия, дабы его смогли воспринять белые римляне. Скрыл Павел и настоящую миссию Иисуса, посланного к чёрным, чтобы освободить их от господства белых.

В своей книге «Чёрный мессия» Клидж заключал: «Пока черные готовы принять эту ложь, они не освободят себя от духовного рабства перед белыми, и не заслужат права быть гражданином первого сорта в царстве Христовом на Земле».

Учение Клиджа скоро нашло своих последователей: самые кровавые черные бунты в Детройте 1967-го были вызваны именно его проповедью.

Одним словом, атмосфера времени открывала Чарльзу Мэнсону вполне апокалиптическую сущность происходящего. Внимательно, как и все тогдашние хиппи, следивший за ходом революции, Мэнсон был весьма впечатлен и «Черными мусульманами» (как он называл людей Икса), и «Черными пантерами»: вот они — те, кто должны стать «настоящей черной расой», призванной разделаться с окончательно выродившейся белой расой.

Ситуация в Америке тех дней и правда напоминала наш 1917-й периода, если не двоевластия, то думских кризисов. И, как и подавляющее большинство детей-цветов, Мэнсон верил в неизбежность переворота. То есть, снова, ничего не выдумывая от себя, беря лишь то, до чего мог дотянуться.

И так же точно, взяв философию «настоящей черной расы» в исполнении «Черных пантер», переделал её под старый добрый белый расизм.

Следуя, опять же, мысли вполне гуманной: раз уж, разрушив «Вавилон» белых свинок, черные окажутся в безвыходной ситуации… То что должен сделать всякий нормальный человек? Правильно — помочь.

С этой точки зрения философия Мэнсона кажется не только не безумной (на самом деле она — мейнстрим), но обретает вид истинно гуманный. Можно ли не посочувствовать Мэнсону, который обращался к своему обвинителю: «Буглиози, поверь, я не такой плохой, как тебе кажется».

И еще одна важная и довольно очевидная вещь, которую нужно иметь в виду: копаться в деле Мэнсона и его мировоззрении слишком глубоко НЕ БЫЛО ВЫГОДНО АБСОЛЮТНО НИКОМУ: ни Битлз, ни хиппи, ни рокенрольному сообществу, ни всему вообще шоу-бизнесу, ни Роману Полански, ни Голливуду (в мутных водах которого водились черти похлеще ЛСД и сайентологии), ни, разумеется, и самой сайентологии и всей расцветающей духовности Нью-Эйдж, ни ЦРУ (факты об экспериментах с ЛСД и опытах над сознанием человека которого уже начинали просачиваться в прессу), ни черному движу, ни вообще контркультуре, ни тем, кто её направлял, ни, наконец, самому истеблишменту, и так чрезмерно встревоженному происходящим. Хватало и того, что Мэнсон эру хиппи закрыл. Вглядываться же пристально в ее демоническую сущность (которую он не только закрыл, но, что даже важнее, раскрыл) — нет уж, увольте.

3. Учение Чарли

> «Всю свою жизнь я провел в тюрьме. Я был ребенком-сиротой, слишком уродливым, чтобы кто-то захотел меня усыновить. Теперь я чересчур прекрасен, чтобы оказаться на свободе».
>
> *Чарли*

Обвинитель Мэнсона Винсент Буглиози оставил внушительные (на добрых восемьсот страниц) заметки о его деле. «Хелтер Секлтер. Правда

о Чарли Мэнсоне» — добротный, скрупулезный материал, на который по мере надобности мы будем ссылаться.

Итак, прежде всего, у Мэнсона были последователи: Постон, Пол Уоткинс, Хуан Флинн, Крокетт. Все они находились под его большим влиянием, называли его «очень умным мужиком, почти гением» (Крокетт), внимательно слушая все, что он говорил.

Во что же верил Чарли, что он исповедовал? Какое учение предлагал своим ученикам?

Учение это базировалось на трех источниках и трех составных частях, которыми были: саентология, библейская книга Откровения и Битлз. В основе Саентологии (scientology) лежит сходная с реинкарнацией идея, что духовная сущность человека способна отделяться от тела и проживать жизнь за жизнью в разных телах.

Бывший морской офицер и начинающий писатель-фантаст Дон Хаббард опубликовал книгу «Дианетика: современная наука душевного здоровья» (Dianetics: The Modern Science of Mental Health) в 1950 г. Книга вышла в правильном месте, в правильное время, сразу став бестселлером (7 месяцев в топ-списке «Нью-Йорк Таймс»).

По-видимому, в начале Хаббард задумывал что-то вроде новой версии психоанализа, но скоро пришел к выводу, что нет ничего лучше создания нового религиозного учения. Именно Хаббарду приписывают высказывание: «Писать за гроши просто смешно. Если человек действительно хочет заработать миллион долларов, то лучший способ — это основать собственную религию».

Говорил это Хаббард или нет, не так важно. Новые религии основывают ведь не только шарлатаны, но и одержимые манией величия фанатики. Так или иначе, в 1953-1954 гг. Хаббард во-

всю начинает основывать свои религиозные организации.

Первая церковь саентологии открывается в Лос-Анджелесе в 1954-м, и сразу становится новой голливудской модой.

Саентологами называли себя многие голливудские звезды: Элизабет Мосс, Лаура Препон, Жюльетт Льюис Кирсти Элли, Келли Престон, Дженна Эльфман, Нэнси Картрайт, Энн Арчер, Айзек Хейз, Присцилла Пресли, Дэнни Мастерсон (против которого четыре женщины подавали иски об изнасиловании), Джейсон Ли и Кармен Левеллин, Шэрон Стоун и другие знаменитости. Джон Траволта был практикующим саентологом с 1975 г., Том Круз и сегодня является лицом церкви. Бреда Питта также связывают с учением.

Чарли изучал саентологию в тюрьме и достиг, по его словам, уровня «тэта» (чистота).

В саентологии «тэтаном» (от греч. буквы «тэта» Θ) называется личностная сущность человека (трансцендентная «жизненная сила», вдыхающая жизнь во все живые существа), переходящая из тела в тело. Все тэтаны, согласно Хаббарду, появились миллиарды лет назад вместе с Первопричиной (источником всего сущего). Все они добры и совершенны, однако, оказавшись в ловушке материи, забыли о своем предназначении. Будучи добры по сути, люди действуют глупо и злонамеренно лишь по своему невежеству и темноте. Чтобы избавить их от зла, нужно освободить их тэтан из мрака телесности и материи.

Всё это, в общем, находится в ряду традиционных представлений гнозиса и каббалы (освобождение божественных искр из ловушки клипот), и ясно уже, куда движется мысль Чарли.

Кстати, и знаменитая свастика Чарли, которую он вырежет у себя на лбу, находясь в заключении, идет, вероятней всего, от саентологиче-

ского восьмиконечного креста, который символизируют «восемь динамик», или восемь «стремлений к выживанию», свойственных человеку: от «стремления к выживанию себя» в качестве тела до стремления к выживанию себя в качестве духа и посредством Верховного Существа. (Об этом же говорит и собственное позднейшее учение Чарли ATWA и его символ, представляющие собой типичный «экофашизм» зеленых).

Сам Хаббард описывал «выживание» как удаление от смерти и приближение к бессмертию (ср. благородный восьмеричный путь в буддизме).

Уоткинс рассказывал, как в 1968-м они с Чарли заглянули в церковь Сайентологии в центре Лос-Анжелеса, откуда тот вышел разочарованным, бросив: мне там не сказали ничего, чего бы я уже не достиг.

Еще одним важным моментом для понимания философии Чарли было его отношение к страху. Страх, согласно Чарли — это высшая степень внимания. Ведь, когда человек по-настоящему напуган, он пребывает в состоянии «здесь и сейчас» и сознание его работает на пределе возможностей. Значит, он оказывается максимально близок к тому, чтобы перескочить на новый уровень (новую «динамику»). Поэтому в Страхе необходимо пребывать.

Однако, не в тех банальных страхах, которыми живет обычный человек, а в том настоящем Страхе, который еще необходимо найти. У каждого есть этот его главный, настоящий Страх, который им движет. И смерть прекрасна главным образом потому, что больше всего люди боятся именно смерти.

Вообще-то перед нами — почти готовый Кьеркегор и Хайдеггер. Впрочем, Чарли, полжизни проведший в тюрьме и едва осиливший грамоту, Кьеркегора и Хайдеггера конечно не знал.

Этого и не требовалось, похожие мысли есть и у Хаббарда. Чарли же был весьма одаренным (в духовном смысле) человеком, и все буквально схватывал на лету. Да и тюрьма дала ему богатый опыт экзистенциальных ситуаций.

Чарли говорил, что чем больше ты боишься, тем внимательнее к другому, следовательно, в тебе больше любви.

Кстати, и идею моста, которым является человек на пути к сверхчеловеку Мэнсон также мог позаимствовать у Хаббарда, а не у Ницше: движение (подъем) по «Мосту» к полной свободе духа и освобождению от материи — и есть путь, который предписывает Саентология своим адептам.

Итак, найдя свой настоящий Страх, ты найдешь и ту «волшебную кнопку», нажимая которую, сможешь перескакивать с низших динамик на высшие, достигая, в конце концов, совершенства (восьмая динамика — динамика Бога).

Есть еще одна саентологичесая практика, крайне для нас любопытная, которую Хаббард называл «чрезвычайно эффективным процессом экстериоризации (то есть освобождения тэтана от тела — В.М.)» — R2-45.

Согласно одной версии, на лекции 1952 г. в Филадельфии Хаббард продемонстрировал R2-45, выстрелив из Кольта 45 в пол подиума.

Другой ветеран саентологии утверждает, что R2-45 впервые появился в лекции 1954 года, в которой Хаббард описывал один за другим процессы «одитинга» по пунктам от R2 до R44. После чего удалился и вышел уже наряженным в ковбойский костюм с шестизарядным револьвером на боку... «А теперь у нас есть и R2-45» — сказал он, вытащил пушку и... БАХ! — «Это очень эффективный процесс экстериоризации, но в настоящее время он не одобряется обществом», заключил Хаббард, «обрушив нам башни», но больше не сказав ровно ничего.

То же подтверждал позднее сын Хаббарда Рональд ДеВольф, рассказывая о лекции, где его отец демонстрировал R2-45: «Я думал, что он шутит, но нет — в полу была дыра. Это было по-настоящему, он именно это имел в виду».

В зафиксированной лекции 1958 года Хаббард говорит: «Смерть — это не то же самое, что очищение, но, помните, есть R2-45. Это очень действенный метод. Многие люди использовали его раньше».

В другой стенографированной лекции 1961 года он говорит: «Если это не поможет вам, что ж, у вас всегда будет в запасе самоубийство. Вы можете

предложить это преклиру. Это решит его проблемы».

В Саентологии «Клир» — одно из высших состояний идущего по «Мосту», на пути к полной свободе. Человек достигает «Клира», когда освобождается от влияния болезненных травм, которых не видит и сознает его разум.

Таким образом, Хаббард предлагает (полушутя-полувсерьез) самоубийство (или убийство) как радикальный путь пробуждения, освобождения и просветления. Что, нельзя не признать, логично вытекает из сути учения.

Английская википедия, в статье об «R2-45», утверждает, что, по крайней мере, дважды приказы Хаббарда об использовании R2-45 против конкретных людей публиковались в саентологических журналах.

Так, 6 марта 1968 года Хаббард выпустил служебную записку, в которой двенадцать человек названы «врагами человечества, планеты и всего живого» и отдается приказ, чтобы «любой член Sea Org (военизированной саентологической оранизации), вошедший в конткакт с любым из них, использовал процесс аудита R2-45».

Еще четыре имени фигурируют в другом аналогичном приказе, опубликованном в The Auditor в 1968 году. В 1982 году газета Santa Rosa News-Herald сообщила, что «поверенные обнаружили доказательства, позволяющие предположить, что во время расследования деятельности секты ФБР в период с 1975 по 1977 год проводились встречи руководителей саентологии, на которых обсуждался «аудит» высокопоставленных членов ФБР с помощью процесса R2-45».

Правда, ясных доказательств, что R2-45 применялся на практике нет. Как нет и однозначного определения R2-45, заверенного Хаббардом. Но Чарли, только что вышедшему из тюрьмы в «лето любви» 1967-го, этого и не требовалось. Идеальный способ просветления и освобождения, освященный религиозным авторитетом, был у него в кармане.

И если сознание Чарли было той губкой, которая впитывала всё новое и необычное с жадностью младенца, впервые познающего мир, необычайно энергично и глубоко, то, экзистенциализм Чарли, как видим, был совершенно серьезен. У него была философская и религиозная база. И, главное, — он реально работал.

+

Другим мощным триггером, включающим сознание Чарли, стали альбомы «Битлз». Время, когда Мэнсон откинулся с кичи и оказался в эпицентре хиппанского движа, было эпохой альбома Revolver (вышел в декабре 1966-го). Это был первый по-настоящему психоделический альбом Битлз, доминирующей темой которого стала чуть завуалированная, но откровенная пропаганда наркотиков.

В 1967-м кислота, доселе экзотический, эзотерический препарат для элиты, вошла в жизнь

миллионов бэбибумеров. И в этом была большая заслуга альбома Revolver.

> *«В 66-м некоторые песни из Revolver нам очень нравились, но ставили в тупик — мы их не совсем понимали. Но в невероятном 67-м мы все прекрасно подрубились и с понимающей улыбкой оглядывались на прошлогодние песни. Потому что мы, наконец, поняли, что существует растущая рок-элита, представители которой общались друг с другом… а, расставшись, записывали пластинки, насыщенные зашифрованными словами, которые (если вы понимали их) заставляли вас улыбаться разделенной тайне. До 67-го кислота и ее эффекты были знакомы лишь ограниченному кругу людей… Но в 67-м о кислоте знали все и все её употребляли»*[33].

Несколько песен альбома прямо посвящены наркотикам или описывают наркотические трипы. «Dr. Robert», песня о докторе, который в любой час дня и ночи «приедет и напоит вас из своей волшебной кружки», т.е. фактически о наркодилере. Эта песня обо мне, я всегда брал с собой все возможные «колеса» в тур на все случаи жизни, признавался позднее Джон.

«Got to Get You into My Life» была, по признанию Маккартни, «одой марихуане». «She Said, She Said» — описание психоделического трипа: «Она сказала, она сказала: я знаю, что значит быть мёртвым, как это печально… я ощутил себя так, как будто еще не рождался на свет»…

---

[33] Джереми Паскаль. Иллюстрированная история рок-музыки.

Наконец, песня «Tomorrow Never Knows» («Завтра никто не знает»), написанная Джоном после прочтения «Психоделического эксперимента» Тимоти Лири, Ричарда Олперта и Ральфа Мецнера, не могла не произвести на сознания Мэнсона особого впечатления.

В «Психоделическом эксперименте» (основанном на тексте «Тибетской книги мертвых») Лири сравнивает процесс «умирания эго» при принятии ЛСД с процессом умирания. Начало песни почти дословно повторяет строку книги: «When in doubt, relax, turn off your mind, float downstream» («Если же ты в сомнениях, отключи свой ум, плыви по течению»). В песне: *Выключи разум, расслабься, плыви по течению, это не смерть, это не умирание. Прочь мысли, отдайся пустоте, сияние, сияние. Там ты узришь внутренний смысл, говори, говори. Любовь есть всё, и все мы есть любовь, это знание, это знание. Невежество и суета будут оплакивать своих мертвых, думая, что это и есть вера. Но услышь цвет своих снов, не живший, еще не живший. Или сыграй в игру «Существование» до конца, и от начала, и от начала, и от начала, и от начала…* — Несомненно, это было послание. И в нем была философия, которая изнутри уже овладела Чарли…

+

Пророческая сила слов, исходивших от Битлз, не могла не взволновать Мэнсона. Особенно после того, как он пережил собственное откровение. Чарли любил вспоминать случившееся с ним в 1967-м на Хайт-Эшбери: как «отведав волшебного гриба» (т.е. псилоцибина), он прилег, и вдруг кровать превратилась в крест, он ощутил гвозди на ступнях и ладонях и копье в ребрах, а, опустив голову, увидел в своих ногах Марию Магда-

лину и сказал ей: со мной все в порядке, Мария. Потом он сражался со смертью, но, когда поддался ей, внезапно увидел мир глазами всего сущего и тут же слился со всем миром, став им. «Смерть прекрасна», добавлял Чарли.

Тогда же он понял, что мир вот-вот должен перевернуться. Этим «вот-вот» все жили тогда на Хайт-Эшбери. Но Чарли шел дальше. Мир ведь так и не обратился в сказку в 1967-м. А значит, действовать следовало иначе.

Хаббард утверждал, что мир находится на грани саморазрушения, символом которого является атомная бомба. И Апокалипсис, если он произойдет, станет результатом неспособности человека преодолеть свое «реактивное мышление». То есть, говоря словами бэбибумеров: благодаря тупости истеблишмента, людей прошлого, тянущих мир на дно.

Потому Хаббард исповедовал «эсхатологическую срочность» личного духовного прогресса всех тех, кто понимает. Пока папики (как сказали бы битники) «не разрушили весь этот мир». Одних «эсхатологическая срочность» поднимала на демонстрации против войны во Вьетнаме, других заставляла «поднимать на воздух» Пентагон. Чарли же, с его разбуженным сознанием и мессианской ответственностью, осознал собственную роль в происходящем.

Итак, Мир, как он есть, обречен. Господь собирается все начать заново. Миру необходимо обновление. И для этого мир нуждается в нем, Чарли, и его коммуне.

Мэнсон осознавал себя Христом, вернувшимся на Землю, хотя и не был до конца в этом уверен. Но слишком уж многое говорило за то, начиная с фамилии: Man Son — *Человеков Сын*.

Чарли иногда называл себя Чарльз Уиллис Мэнсон, то есть, Уилл-Ис (Иисус). А имя Чарльз (Карл, Шарль), кажется, от германского karlaz

(«свободный человек»), но слышатся в нем и более древние обертоны, индоевропейские, древнеславянские, персидские čār — чары, колдовство, хитрость (наводящий чары?)

Впрочем, никогда прямо Чарли не говорил о себе как о Христе. Это отчасти подразумевалось. На это отчасти указывали красноречивые намеки и чудеса, которые, как уверяют девушки, имели место. Например, он угадывал мысли, или текст книги, которую девушки читали.

Но, возможно, Чарли и не считал себя Христом. Сам он всегда уклонялся от прямого ответа. К тому же первой из его ролей в грядущем Армагеддоне была роль ангела-губителя 9-й главы Откровения. О членах же своей Семьи он говорил, что они — община первохристиан, вновь воплотившихся в мире.

Соответственно, и римляне вернулись в образе истеблишмента. Пришла пора, говорил Чарли, римлянам взойти на собственные кресты.

Таким образом, что касается экзегезы, и эта сторона учения Чарли вполне логична: римлянам (белому человечеству) предстоит ответить за собственные грехи, совершенные когда-то. И если, не так давно, «Гитлер подровнял карму евреям», то разве не логично теперь «черным подравнять карму белым», чтобы всё, наконец, вернулось на круги своя?

Не очень понятна роль самих евреев в грядущем Армагеддоне, как понимал ее Чарли, но, поскольку, именно евреи помыкали черными, то Чарли, видимо, просто перехватывал у них инициативу. То есть становился эдаким сверхевреем. Но разве не то же самое сделал в свое время Христос, уведя у евреев из-под носа тщательно подготавливаемую программу овладения миром?

Наконец, не обо всем ли этом говорил и знак, избранный хиппи, пресловутый «пацифик»,

представляющий собой перевернутую руну Альгиз: руну жизни, обращенную в знак смерти и самоистребления?

Итак, всепоглощающий холокост (всесожжение), в который так или иначе должен оказаться ввергнутым мир и в котором ему, Чарли, предстояло сыграть решающую роль — роль Спасителя!

По-видимому, окончательно к этой мысли Чарли пришел с выходом «Белого альбома» (1969), в котором программа Апокалипсиса была явлена окончательно и красноречиво.

Впрочем, план «Белого альбома» стал планом «Б» Чарли. Был у него и план «А», который позволил бы избежать убийств. Об этом плане так говорил Уоткинс: «Чарли сказал, что единственная причина, по которой это (то есть, черная революция) еще не произошло, это то, что белые скармливают черным своих дочурок в Хейт-Эшбери. Чарли сказал, если его музыка будет издана и все хиппи (люди любви) покинут Хейт-Эшбери, тогда черные отправятся прямиком в Бель-Эйр и не оставят там камня на камне».

Итак, чернокожих временно «отвлекли белокожие девочки». Но «когда Чарли удалит отвлекающий фактор — когда выйдет его альбом и все “люди любви” последуют за Чарли, словно за гаммельнским крысоловом, в пустыню, — тогда черные найдут другой способ вымещать разочарование и обратят свой праведный гнев на истеблишмент» (Буглиози).

Увы, с выпуском собственного альбома никак не задавалось, хотя Мэнсон тщательно готовил песни для него, такие же, как у Битлз, шифрованные послания, внешне невинные, но понятные тем, кому предназначались. Это стало ясно к концу 1968-го, когда Терри Мельчер (продюссер, работавший с Beach Boys) уклонился от предложений Мэнсона. И когда в декабре 1968 вышел

двойной, преисполненный тайных посланий, «Белый альбом» Битлз, всё наконец встало на свои места. «Белый альбом», говорил Мэнсон, и завершает приготовление к Армагеддону.

4. Чарли и всадники апокалипсиса

«Белый альбом» и правда, пожалуй, самый странный у Битлз, полный внутренней дезинтеграции (группа находилась на грани распада) и не сводимых друг к другу вещей. По сути это сборник песен четырех отдельных, сильно уставших друг от друга людей, находящихся при этом в самом скверном расположении духа.

Самыми важными в альбоме Мэнсон считал следующие пять песен: Blackbird (Черный дрозд), Piggies (Свинки), «Революция номер 1», «Революция номер 9» и «Helter Skelter».

Песня про «Черного дрозда» была, согласно Мэнсону, прямым призывом к черным восстать: «Черный дрозд поет в ночной тиши. / Возьми эти сломанные крылья и научись летать. / Всю свою жизнь ты ждал только этого момента. / Так вставай!» С этим все ясно.

Строчка Piggies: «Свинки нуждаются в хорошей взбучке» могла означать только одно — черным предстоит, наконец, расправиться, с буржуями.

Последняя же строфа, где речь шла об утонченно пирующих вилками и ножами свинках, могла вести мысль Мэнсона в единственно правильном направлении: «Розмари Лабианка: 41 ножевая рана. Лено Лабианка: 12 ножевых ран, 7 ударов вилкой, нож в горле, вилка в животе, а на стене, его собственной кровью: Death To Pigs»…

«Там в самом конце песни «Свинки» есть один аккорд, сказал мне Уоткинс. — Он затихает и это действительно жутко. Уже после хрюкания. И в

песне «Революция номер 9» он появляется снова, тот же аккорд, после него идет короткая пауза и потом — «хрю-хрю-хрю». Но перед этим в паузе слышна автоматная очередь. То же самое в песне «Helter Skelter», — продолжал Пол, — опять этот жуткий аккорд. И в «Революции номер 9» — снова, вместе с автоматным огнем, криками, умирающими людьми и всем прочим».

Текст песни «Революция номер 1», отпечатанный на конверте пластинки читается так: «Ты говоришь, что тебе нужна революция... / Ну, знаешь ли. / Все мы хотим изменить этот мир. / Но если ты говоришь о разрушении, / Разве ты сам не понимаешь, / Что можешь на меня не рассчитывать?» Однако, если слушаешь саму пластинку, слова «не рассчитывать» превращаются в «рассчитывать» (Буглиози).

Таким образом, Битлз прямо давали понять Мэнсону, что они вместе с ним и — благословляют его. А «Революция номер 9» с ее без конца повторяющимся рефреном: «номер 9 номер 9 номер 9» указывала Чарли на девятую главу Откровения, из которой он почерпнул и всю программу разворачивающегося Армагеддона...

+

9-я глава Откровения начинается словами: «Пятый Ангел вострубил и увидел я звезду, падшую с неба на землю и дан был ей ключ от кладезя бездны...» Это одна из самых драматических глав Откровения, не удивительно, что она так заворожила сознание Чарли. Правда, понял он её очень своеобразно.

Кладезь бездны, согласно Чарли, это Пещера под Долиной Смерти (местность в пустыне Мохаве, Калифорния), которая ведет к Золотому морю, о котором знают индейцы. Чтобы пережить Хелтер-Скелтер, Семья должна уйти в пустыню,

где станет плодиться и размножаться, пока не достигнет цифры в 144 тысячи человек (цифра тоже взята из Откровения, и вот для чего нужны девушки!).

По словам Постона, Чарли проповедовал, что всякое человеческое племя, когда-либо достигавшее настоящего знания, уходило в «кладезь бездны», где находило золотой город, в котором текут молочные реки, деревья приносят урожай двенадцать раз в году, а прозрачные стены заменяют свет солнца.

Да, это, конечно, Новый Иерусалим в описании Иоанна Богослова, правда, у Чарли он не сходит с неба, а помещается в Кладезе бездны. Собственно, все последнее время Семья и занималась поисками «кладезя бездны», в котором намеревалась пережить Апокалипсис.

Далее 9-я глава Откровения повествует о Битлз. Битлз, согласно Чарли, — это четыре ангела-губителя, звук труб которых в прошлой, восьмой главе, провозглашал начало апокалиптических бедствий и очередную казнь мира… Теперь же приходит время трубить пятому ангелу. И это, конечно, сам Чарли. У него в руках ключ от кладезя бездны, и наступает его время вступить в игру. Однако попытки Чарли записать альбом и принести, подобно Битлз, свое послание миру звуками песен не увенчались, как мы знаем, успехом.

Ответом на «Белый альбом» мог стать собственный альбом Мэнсона, который бы «сорвал пробку с бутылки» и начал Апокалипсис. Но этого не случилось. И значит, теперь ему предстоит иначе распорядиться своим ключом.

Далее Откровение говорит о Саранче, выходящей из дыма на землю, которой дается власть, «какую имеют земные скорпионы». Саранча — это тоже, конечно, Битлз, что становится ясным, если внимательно читать Откровение: лица са-

ранчи как лица человеческие, волосы ее как волосы у женщин, — понятно, что речь здесь идет о рок-музыкантах. Железные доспехи саранчи — ничто иное, как электрогитары, а «шум от крыльев ее — как стук от колесниц, когда множество коней бежит на войну» — низвергаемая ими чудовищная энергия рок-концерта.

Саранче дана власть — вредить одним только людям, не имеющим печати Божией на челе, но не убивать, а только мучить их пять месяцев… Кто эти люди, не имеющие печати Божией? Быть может, сумасшедшие фаны, пораженные битломанией? И кто такой Аввадон (или Аполлион, по-гречески) — ангел бездны, царь Саранчи? Быть может, сам шоубизнес, это «продолжение еврейской религии», по замечанию самого Леннона?

Так или иначе, далее речь идет о самом Хелтер-Скелтере, освобождающем новых четырех Ангелов-губителей, которым предстоит умертвить треть человечества.

И вот, в огне, дыме и сере треть человечества (практически вся белая раса) гибнет, но даже несмотря на это оставшиеся в живых, согласно Откровению, не раскаиваются «в делах рук своих», но продолжают поклоняться бесам и идолам — золотым, серебряным, медным, каменным и деревянным… Так кончается 9-я глава.

Оставшиеся в живых и не раскаявшиеся — это, конечно, истеблишмент со своими домами, машинами, капиталами. Но едва ли к ним обращались «Битлз». Они обращались к тем, кто мог считать послание. В «Революции №9» они сообщали людям, что им грозит.

Композиция представляет собой, своего рода, звуковое сопровождение Армагеддона. Причем, в общем хаосе и звуках пулеметных очередей отчетливо слышится слово «Восстань»: «Снова прослушав запись, я услыхал это слово, повторенное дважды — сначала почти шепот, затем растяну-

тый искаженный крик. В первый раз голос появляется на тридцать четвертой секунде третьей минуты звучания композиции, сразу за шумом толпы, за которым следуют фразы: “Учитывая большое количество ножевых ранений” и “Сообщил ему на третью ночь”, — как раз перед словами “номер 9, номер 9”», замечает Буглиози.

Таким образом, песня сообщала, что время восстания настало, и отсылала к 9 главе Откровения за дальнейшими указаниями. Главная суть послания Битлз заключалась в том, что события, описанные в 9 главе, уже идут и вот-вот полностью совершатся. Иными словами, время ожидания кончилось, пришло время действовать.

Здесь «Револьвер» 1966-го, начавший революцию сознания не только самого Мэнсона, но и всего населения Хейт-Эшбери и поколения детей-цветов, наконец, выстрелил. Пулей из него выпущенной (экстериоризацией R2-45) и стал Helter Skelter.

«Helter Skelter» — самая агрессивная, грубая, грязная и тяжёлая песня Маккартни (её порой называют первым образцом прото-хэви-метала), написанная им, как сам он вспоминал, из желания создать нечто по-настоящему антисоциальное и вызывающее. Helter Skelter — суматоха, бедлам, ералаш…

«Я использовал это слово в качестве метафоры для описания распадающейся группы. На уме у меня была история падения Римской империи. Это была песня о распаде и разложении», — говорил Маккартни.

Песня, по воспоминаниям присутствующих, «записывалась в атмосфере истерики, граничившей с полным безумием» (Ринго): Пол визжал и трясся у микрофона, Джордж бегал с горящей пепельницей над головой, Леннон увенчал какофонию дикой партией тенор-сакса (Крис Томас).

Истошный вопль Ринго Старра в конце: I'VE GOT BLISTERS ON MY FINGERS! (у меня волдыри на пальцах!) Мэнсон, должно быть, истолковывал как: с моих рук вот-вот польется кровь… Иными словами, как прямое указание: *дальнейшее ожидание бесплодно, иди и делай!*

В Англии, как мы уже говорили, хелтер-скелтером называют детский аттракцион в виде башенки с винтообразным спуском. Но Маккартни, как он сам признавался, одержим был образом падения Римской империи, образом, который Мэнсон лишь довел до апокалиптически логического конца.

И, в конце концов, Чарли имел полное право встать и сказать на суде: «Хелтер Скелтер — это путаница. Все вы здорово запутались, и скоро путаницы вокруг вас станет еще больше… Заговор? Разве это заговор — когда музыка говорит молодежи восстать против истеблишмента, потому что люди истеблишмента разрушают все вокруг и делают это все быстрее и быстрее. Какой же это заговор? … Это не мой, это чужой заговор. Это не моя музыка. Я слышу всё, что она несет. Она говорит «восстаньте», она говорит «убивайте». Зачем винить меня? Я не писал этой музыки».

5. «Зверь ползет в Вифлеем»

Программа Мэнсона была самой простой: совершить ряд громких убийств в фешенебельных районах Лос-Анжелеса, оставив улики против черных. И, тем самым, поджечь фитиль Хелтер Скелтера — расовой войны, в ходе которой «настоящая черная раса» (черные мусульмане Икса и Черные пантеры) сначала перебьют выродившихся белых, а затем займутся тем, чем занимались всегда — работой уборщиков.

Скоро, однако, станет ясно, что управлять новым миром у черных не хватает мозгов. Ведь всё, на что они способны — разрушать. Вот тогда-то на землю и вернется разросшаяся в подземном Иерусалиме «кладезя бездны» Семья: «черный придет тогда к Чарли и скажет: знаете ли, я выполнил свою работу, я поубивал их всех, и, понимаешь, я устал убивать, все кончено».

И тогда Чарли погладит черного по курчавой голове, пнет в зад и скажет ему: иди собирай свой хлопок, буть хорошим ниггером, и с этого времени все мы заживем счастливо (Буглиози).

Если перед нами та самая программа, которую писали черным Варбурги-Шиффы, ведущие кураторы NAACP (Национальной ассоциации за развитие цветного населения), то, всё что сделал Чарли — это просто переписал ее, не мудрствуя лукаво, под себя.

Как мы уже говорили, жизнь индивида, к которой столь трепетен американизм, в учении Мэнсона не была такой уж большой ценностью: ведь на Земле властвует закон перерождений, и смерть — только освобождение, просветление и новое изменение.

В такой парадигме никчемная и грешная жизнь, прерванная насильно, — есть несомненное благо. Ведь освобожденный экстериоризацией R2-45 тэтан с «подравненной» насилием и страданием кармой, несомненно обретал бы гораздо лучшее воплощение в будущем. Да и так ли все это важно в ситуации надвигающегося Армагеддона, в результате которого всем так или иначе суждено погибнуть? Когда само Откровение включает программу уничтожения — т.е. тотального освобождения?

Итак, сначала ангелы-истребители Мэнсона подровняли карму знакомому наркоторговцу... Затем была выбрана жертва более знаковая. В фильме Квентина Тарантино, «исправляющим»

историю Мэнсона, девочки Чарли говорят перед убийствами: «Умереть должны те, кто учил нас убивать». Тарантино попал здесь в самую точку: птенцы Мэнсона, если так и не думали, то так делали. И в этом смысле, какие бы демоны не вели руку Чарли, выбор фигуры Романа Полански был безошибочен.

Польско-еврейский иммигрант из Варшавы, осевший в Лондоне, а затем перебравшийся в Лос-Анжелес, Полански был, что называется, типичный представитель голливудской богемы. Всю жизнь его преследовали скандалы сексуального и оккультного характера, слава педофила и оккультиста.

Его фильм 1968-го года «Ребёнок Розмари», снятый по одноименной, только что вышедшей книге Айры Левина, повествует о том, как ничего не подозревающая девушка попадает в руки дьявольской секты, использующей её в качестве пути для прихода Антихриста. Усыпив жерту, секта проводит обряд, в ходе которого дева зачинает ребёнка от сатаны. В конце фильма Розмари берет нож, думая вначале убить дьявольское отродье, затем смотрит на свое порождение с ужасом, но в последнем кадре материнские чувства берут верх, и она преисполняется к ребенку нежности.

Этот последний кадр — самый отвратительный в фильме. И это, пожалуй, первое, после устранения кодекса Хейса, голливудское кино, с откровенно демоническим подтекстом, крайне, скажем так, непристойное в метафизическом смысле.

Фильм ждал успех и более 30 млн. долл. кассы. Он тут же оброс наградами («Оскар» и «Золотой глобус» 69 г. за лучшую женскую роль второго плана, премия «Давид ди Донателло» 69 г. лучшему зарубежному режиссёру и лучшей зарубежной актрисе, премия Синдиката француз-

ских кинокритиков за Лучший иностранный фильм и т.д.) и легендами.

Говорили об участии в нем Антона Шандора ЛаВея — главы Церкви Сатаны, обосновавшегося здесь же в Сан-Франциско. То ли ЛаВей выступал консультантом, то ли лично изображал дьявола в сцене соития. Впрочем, скорей всего, сам ЛаВей, хитрый комбинатор и ироничный прохиндей, держа нос по ветру, и распускал подобные слухи. Поймав волну моды на сатанизм, он стал раскручивать собственный медийный проект, выпустив, уже на волне дела Мэнсона, «Сатанинскую библию» (1970).

Можно во всяком случае ручаться за достоверность (и верность) следующих слов ЛаВея: ни один фильм не сделал такой колоссальной рекламы мировому сатанизму как «Ребенок Розмари»!

В 1969-м фильм, правда, еще не обрел статуса культового среди гностиков, оккультистов и сатанистов, каковых скоро, по понятным причинам, станет пруд пруди, но Полански с Тэйт уже блистали на небосклоне Голливуда в хрониках и скандалах иного рода. В основном как участники сексуальных оргий и оргиастических культов.

Даже в раскрепощенной и раскаленной атмосфере Голливуда тех лет, Шерон Тэйт, девушка из приличной католической семьи, славилась особой раскованностью, и в 1968-м году произвела большое впечатление на Америку скандальным интервью, в котором на вопрос — снялась бы она в сексуальной сцене максимально откровенной, ответила: «Да нет проблем. Да хоть сейчас». Для той Америки, ещё не нокаутированной эрой голливудского порношика, это было то еще заявление.

Одним словом, ни Полански, ни Тэйт, ни их друзья — сутенеры и наркодиллеры, не были невинным овечками. И при всем кошмаре произошедшего нельзя не признать: Полански получил

именно то, что проповедовал. Его, наконец, посетил тот дух, который, начиная с первых же своих фильмов, он упорно вызывал.

Вообще, в этой истории много замысловатых переплетений. Так, первой (и единственной, по большому счету) заметной ролью Шерон Тэйт стала роль ведьмы в оккультном британском фильме «Глаз дьявола» 1965 г. А этот фильм (о жертвоприношении, которое семья маркиза-винодела должна принести ради процветания поместья) стал основой для культового в следующем поколении контркультуры «Плетеного человека» (The Wicker Man, 1973).

Есть сближения и более темные. Так, именно в доме «Дакота» на Манхэттене (в фильме он именуется Брэмфорд), где снимали дьявольский ритуал «Ребенка Розмари», жил позднее Джон Леннон, недалеко от которого он и был убит в 1980 году.

Сам Полански после убийства вел себя не менее эпатажно, чем Уильям Берроуз после того, как случайно, играя в Вильгельма Теля, застрелил жену. Вернувшись из Лондона (где был в ночь убийства), Полански снялся в фотосессии для журнала «Лайф» у своего, залитого кровью, дома и надписью PIG, а позднее позировал для «Эсквайра» с воздетым в руках ножом.

Одержимость Полански кровью станет особенно заметна в его интерпретации шекспировского «Макбета», снятого через два года после калифорнийского кошмара, поражающего натурализмом и обилием крови. «Бутыль с кровью всегда была у него под рукой. И я помню, как он разливал ее по сцене, приговаривая: «Эта кровь хороша, только когда она свежая», вспоминал кинокритик Кеннет Тайней, присутствовавший на съемках. — Был трудный момент, мы даже поспорили с Романом — речь шла о том, сколько крови должно быть пролито в сцене убийства ма-

ленького мальчика. «Ты же не был у меня дома в Калифорнии прошлым летом, — добавил он мрачно. — Я знаю, сколько должно быть крови».

Можно вспомнить и фильм Полански «Девятые врата» с Джонни Деппом со столь же заметной (что и в «Розмари») симпатией к дьяволу. Фильм плох, но суть та же: ритуал открытия темных врат, через который метафизическое зло входит в мир.

Многие в Америке и сегодня убеждены в том, что Полански не только любитель маленьких девочек и сексуальных оргий, но и практикующий оккультист (если не сатанист). Сам режиссер, правда, называет себя агностиком и указывает на двусмысленность «Ребенка Розмари», где зрителю оставлена лазейка: возможность принять происходящее за фантазии девушки и объяснить все рационально.

Тот же, открытый Полански прием, позволил позднее Стэнли Кубрику снять «С широко закрытыми глазами», фильм, в котором так же двусмысленно преподнесены сексуальные оргии и зловещие ритуалы элиты, имеющие тот же смысл: вызвать из преисподней зло и проложить путь Антихристу…

Возвращается мрак; но теперь я знаю,
Что каменный сон двадцати столетий
Был прерван качанием колыбели,
Что ныне зверь, дождавшийся часа,
Ползет в Вифлеем к своему рождеству.

— эти строки У.Б. Йейтса из «Второго пришествия», начиная с шестидесятых, вспоминают все чаще.

6. Падает тень

Сказать, что история Чарли Мэнсона произвела сильное впечатление на Америку, значит не сказать ничего. Америка была не просто шокирована. В течение всего многомесячного процесса она просто думать ни о чем другом не могла. Других новостей в стране не существовало. Ход процесса комментировал президент Никсон.

Мэнсон перемолол Америку вдоль и поперек. И очень многих отрезвил. Убийства, совершенные Семьей, произвели эффект не то что разорвавшейся бомбы, но — настоящего направленного взрыва, дискредитировавшего движение детей-цветов и всей Young Revolution в целом. И, кажется, тем самым, *остановившего разрастающийся хаос*. Вся взрослая Америка, до сих пор смотревшая на бунт своих детей с недоумением и замешательством, теперь смотрела на него с настоящим и нарастающим ужасом.

Буглиози рассказывает, как в июне 1971-го, уже после окончания процесса, спросил Мэнсона: когда же по-твоему черные возьмут верх? — Может, я и помешал им — ответил, помолчав, Чарли…

Может, и впрямь Мэнсон защитил белый мир и, пока был жив, держал коней «черного апокалипсиса» под уздцы?

Чарли умер на 84 году жизни в тюремной больнице (Бейкерсфилд, Калифорния) 19 ноября 2017-го, а через три года по стране прокатились черные бунты Black Lives Matter, живо напомнившие старые добрые 1965-68 гг.

Впрочем, едва ли Чарли в одиночку завернул черную революцию. Власти и ФБР очнулись несколько раньше. В 1967-м губернатором Калифорнии стал республиканец-консерватор Рональд Рейган. В том же году был принят так называемый «Акт Малфорда», запрещающий от-

крытое ношение оружия, и, очевидно, направленный против «Пантер».

За принятие акта выступили даже Демократы и Национальная оружейная ассоциация. В это время революция шла еще по нарастающей. Еще жив был М.Л. Кинг, и директор ФБР Эдгар Гувер докладывал президенту: «Левинсон, главный советник Кинга и тайный коммунист, сказал Кингу, что тот больше выиграет в масштабе страны, согласившись на насилие».

О «Пантерах» после принятия «Акта Малфорда» говорила вся страна, и ряды их неуклонно росли. Но точки над «и» расставил следующий год, ознаменованный «Парижским маем».

К концу года М.Л. Кинг был убит, а Ньютон и Бобби Сил (один, обвиненный в убийстве, а другой, в составе «чикагской восьмерки», — в подстрекательстве к восстанию), оказались за решеткой. Там же оказались и лидеры йиппи, Эди Хоффман и Джерри Рубин.

Тогда же, в сентябре 1968 года, Гувер, признав «Пантер» главной угрозой внутренней безопасности США, дал отмашку ФБР на самые крутые меры, и к концу 1969-го партия была фактически разгромлена: 348 активистов арестованы, более тридцати убиты в перестрелках.

В общем, акции Хелтер-Скелтера и процесс Мэнсона лишь подводили черту и ставили жирную точку под расползающимся хаосом…

Замечательно, однако, что, заканчивая свой 800-страничный труд, Буглиози признается, что так и не понял Мэнсона. Человек честный, старательный, но предвзятый и ограниченный, Буглиози задает себе вопрос и не может найти, и боится ответа — в чем же «сила» Чарли? Что же такое в нем было, что позволяло так влиять на людей?

Впрочем, «чем бы оно ни было, сам Мэнсон в точности знает формулу, которую использовал…

Мне кажется, Мэнсон уникален» — вырывается, наконец, у него, — «Но не обязательно быть провидцем, чтобы ощутить в сегодняшнем мире присутствие по крайней мере некоторых элементов, составивших его столь заразительное безумие», и меня «беспокоит то, что для нас она (формула Мэнсона) не прояснилась до конца».

«Заразительное безумие» — вот последний ответ Буглиози на загадку Мэнсона. И понятно, почему суть Мэнсона для него так и не прояснилась. Не будем уверять читателя, что она окончательно прояснилась нам, но, во всяком случае, ясно, почему Буглиози Мэнсона не понял, и не мог понять. Не только потому, что он был пристрастным обвинителем, но и потому, что он был *частью того мира, который и отразил Мэнсон*, но не мог и не хотел в это ни поверить, ни признать.

Буглиози защищал свою привычную консервативную систему ценностей, не понимая, что ее уже накрыла инфернальная тень, и не в силах поверить, что тень эта в глазах Мэнсона была отчасти и его собственной тенью. Хотя сам Мэнсон не уставал говорить об этом в течение всего процесса.

Мысль о том, что он является лишь отражением мира, что он не имеет собственной личности, что это не он, а мир учит убийствам, что он, Мэнсон, только «показывает вам, какие вы есть» — была, пожалуй, его главной мыслью. Он снова и снова возвращался к ней. И, во всяком случае, пытался донести до всех, кто его мог услышать: «Буглиози, это не я (приказал убить — В.М.), а Битлз, та музыка, которую они делают. Они говорят о войне. А эти детишки слушают музыку и подсознательно получают скрытое в ней сообщение». Так говорил он в частной беседе, а обращаясь к суду: «Я лишь то, что живет внутри каждого из вас… Меня породила тюрьма, меня породила

вся ваша система… Я лишь то, чем вы меня сделали. *Я — ваше отражение и ничего больше*».

«Дени де Каро… сказал, что я не люблю чернокожих, и что мы с ним в этом сходимся. Но единственное, что я сделал с Дэни, как и с любым другим — это отразил ему его самого. Если он говорил, что недолюбливает чернокожих, я говорил Окей… Так что он выпивал потом еще одну банку пива и уходил с мыслью: «Чарли думает совсем как я сам». На самом деле он понятия не имеет, что в голове у Чарли, потому что Чарли никогда не выставлял себя на показ. Я думаю иначе чем остальные люди. Вы слишком много значения придаете собственной жизни. Ну а моя жизнь ни для кого не важна».

Заявление Мэнсона после объявления приговора звучало так: «Мистер и миссис Америка! Вы ошибаетесь. Я не Царь иудейский и не лидер культа хиппи. Я только то, что вы из меня сделали, и этот безумец, пес, дьявол, убийца, изверг, прокаженный — лишь отражение вашего общества…

Кажется, личность Чарли, и правда, временами растворялась, становясь лишь натянутой мембраной-антенной-ретранслятором, эхом окружающего его мира. Но для Буглиози, считающего его просто безумным маньяком, разве что самым безумным из всех, все это было только позой и лицедейством, дурацким пафосом…

Между влечением
И содроганием
Между мыслимым
И реальным
Между сущностью
И состояньем
Падает Тень…[34]

[34] Т.С. Элиот, Полые люди.

Кем же все-таки был Мэнсон? Хиппи? После того как представитель защиты Фицжеральд назвал его на процессе представителем правого крыла движения хиппи, Буглиози сказал: «Он, Мэнсон, никогда не считал себя хиппи. Хиппи не любят истеблишмент, поэтому отходят в сторонку и формируют собственный истеблишмент. Они ничуть не лучше прочих».

Едва ли Мэнсон всерьез считал себя и Христом. Разве что в минуты крайнего возбуждения, и под воздействием кислоты (как Леннон и Гинзберг). «Может статься, я действительно намекал несколько раз разным людям, что могу быть Иисусом Христом, но я сам еще не решил для себя, кто я такой или что такое».

Мэнсон сам «выкрестил» себя из общества, добровольно отказавшись быть любой его частью.

Мэнсон был НИКТО, нечто, которое могло стать тем или этим, и, кажется

действительно порой становился сутью того, с кем в данный момент имел дело, в конечном счете, сутью той революции и того мира, в котором ему не повезло родиться. **Мэнсон открыл зловещую суть происходящего с Америкой и всем миром — вот что по-настоящему важно, и что заставляет нас теперь в него пристально всматриваться.**

Буглиози недоумевает: как ему удалось так обработать сознание девушек, что те со смехом и удовольствием шли на убийства, со смехом и совершенным спокойствием — на суд, в твердой уверенности, что все сделали правильно, и что сделают снова, если придется…

Если бы Буглиози, отойдя на несколько шагов от непосредственной драмы процесса, поднялся на холм и взглянул на происходящее немного со стороны, он бы, возможно, понял… Он бы, воз-

можно, увидел ту чудовищную пропасть, которую Young Revolution проложила между двумя мирами: он бы осознал суть «доктрины предопределения», кладущую непреодолимую границу между миром новым и старым, между избранными и проклятыми, между детьми и родителями, теми, кто «в автобусе» и теми, кто «вне автобуса».

Кем в истории «новой Реформации» был Чарли Мэнсон? Если ее Мартином Лютером был вероятно Герберт Маркузе (Лютеру, называющему папу — антихристом, а католическую церковь — вавилонской блудницей, соответствует технология «лингвистического протеста» Маркузе, то есть переворачивания с ног на голову всех смыслов и значений), то Чарли был скорее Иоанном Лейденским, вождем диктатуры анабаптистов (перекрещенцев) в Мюнстере — вечной иконе царства антихриста на все времена:

> *«Лидер анабаптистов Иоанн Лейденский, захватив в 1533 г. немецкий город Мюнстер, переименовал его в Новый Иерусалим, объявил себя мессией и царём Сиона, провозгласил пришествие Царства Божия, вырезал всех горожан, несогласных принять «новое крещение», ввёл обобществление имущества, переименовал улицы и дни недели, отменил деньги, сжёг все книги (исключая любимый им Ветхий Завет), наконец, ввёл многожёнство и обобществление женщин. Идея равенства в этом апокалипсическом Новом Иерусалиме получила следующее выражение: приказав снести всё экспроприированное имущество горожан в царский дворец, новый мессия облёк себя и семнадцать своих цариц в золото и драгоценные камни. Из прочих нововведений владыки Сиона от-*

мечают практику еженедельных явлений перед народом, обставленную «с роскошью восточных деспотий», и его слабость собственноручно рубить головы еретикам и недовольным».

Сам Лютер, с ужасом глядя на эту репетицию будущих «великих демократических революций», заметил: «Нет столь малой искры, которой не мог бы диавол при попущении Божьем, раздуть во всемирный пожар»... Но именно революция Лютера (и его «лингвистического протеста») освободила колоссальные энергии распада, породив монстра...

«Чем бы не кончилось сумасшествие, которое вы называете справедливым судом в традициях христианского правосудия, знайте одно: внутренним зрением я вижу, как мои мысли разжигают пожары в ваших городах»...

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

Франц Кафка и девочка 4

микронелли

Нелли Цымбаленко. Амур,
или Про гильотину и дверь 6
Вадим Климов. Нелли и ее дубль 11

проза

Олег Шинкаренко.
Усатая Наташа и Летающий Василий 15
Кирилл Соколов. Возьми в дорогу врача 21
Антон Крылов. Лениниада (спецкурс) 31
Роман Всеволодов. Спицин 46
Дмитрий Костюкевич. Водолазы 77

мертвый текст
Пьер Луис. Песни Билитис 108
Эрик Шевийяр. Один случай живолюбия 151
Эжен Ионеско. Фотография полковника 156

мизология
Кир Несис. Жестокая любовь кальмаров 170

['intevju:]
Эмиль Мишель Чоран.
Из интервью с Михаэлем Якобом 183
Жан-Люк Годар. 1983: «Кино и я можем умереть
в одно и то же время...» 188

камушек в ботинке
Вадим Климов. Фильм 5. Фрагменты сценария 201

александр пушкин
Фридрих Ницше. Заклинание 218
Хроника дуэлей Александра Пушкина 224

манифест
Значимость против существования,
или Двенадцатый манифест Опустошителя 231

extremum
Вадим Климов. Эстетика, мода, современность ... 233
Рене Генон. Зло психоанализа 239
Хосе Ортега-и-Гассет. Приметы любви 250
Михель Гофман. Коммунизм и фашизм:
близнецы-братья или братья-враги? 262
Владимир Можегов. Чарли Мэнсон
как зеркало контркультурной революции 277

Несколько лет назад в Facebook у меня была френдесса из Киева, считавшаяся писательницей. Ее творчеству посвятил несколько минут своей передачи такой выдающийся деятель современной русской литературы, как Дмитрий Быков.

Однажды френдесса даже прислала свою рукопись в «Опустошитель», оставив меня в полном недоумении. Это было что-то вроде дневника, буквально каждая запись начиналась со слов «Мы с мамой...» Содержание тоже не блистало: исключительно бытовые зарисовки и такие же рассуждения, преимущественно материнские.

Что же до фейсбука киевлянки, то он состоял главным образом из откровенного нытья. Кажется, все это перемежалось стихами, но я уже не очень отчетливо помню.

Жемчужиной дневника были фотографии. Девушка обладала поистине полным отсутствием вкуса, что замечательно гармонировало с ее природной внешностью. Если бы я был немного более бестактным, то обязательно публиковал бы ее фотокарточки у себя с коротенькими, но забавными историями.

Однажды киевлянка сообщила своей многочисленной аудитории, что она участвует в конкурсе «Нытик года» и попросила поддержать ее. Вероятно, многие так и сделали. До конца конкурса девушка снова о нем напоминала, чтобы за нее проголосовали те, кто этого до сих пор не сделал.

Пришло время подсчета голосов. Я был уверен, что моя френдесса победит (хотя и не голосовал), но... неожиданно она заняла только второе место. Не помню, что было наградой победителю, но бедной киевлянке не досталось и это.

Мне было даже немного жалко ее. Но что поделать: не наныла!..

ИЗДАНИЯ «ОПУСТОШИТЕЛЯ» МОЖНО КУПИТЬ

в Москве:
Фаланстер Тверская, 17
Листва Жуковского, 4с1
Книжный в Клубе Покровский бульвар, 6/20с1
Ходасевич Покровка, 6
Гнозис Турчанинов переулок, 4с2
Фламмеманн Тверская, 23с1
Чехов и Компания Гончарная, 26 к. 1
PRIMUS VERSUS Покровка, 27

в Санкт-Петербурге:
Все свободны Некрасова, 23
Подписные издания Литейный, 57
Листва Литейный проспект, 33
Во весь голос Маяковского, 19

Брянск **Закладка** Калинина, 111
Верхняя Пышма **Книги, кофе и др. измерения** Успенский, 99
Владивосток **Игра слов** Партизанский проспект, 44к10
Владимир **N1KE7UP** Большая Московская, 22а
Воронеж **[Элефтерия]** Кардашова, 5
Грозный **Jeanne Books** Хамзата Орзамиева, 29
Казань **Смена** улица Бурхана Шахиди, 7
Краснодар **Чарли** Красная, 69
Краснодар **Bookowsky** Рашпилевская, 106
Пермь **Пиотровский** Ленина, 54
Ставрополь **князь МЫШКИН** Космонавтов, 8
Томск **Догма 80** Ленина, 85а, 2 этаж, офис 4
Ярославль **Книжная лавка Юрия Швецова** Свердлова, 9

opustoshitel.ru, totenburg.org, mybooks.by (*Беларусь*),
ozon, wildberries, Яндекс.Маркет, Читай-город,
Буквоед, Бартлби и компания, kk-galimatya.ru (*Омск*).